

Евгения Чернова-Гармс – всегда желанный гость на творческих встречах и сама Женя с удовольствием откликается на приглашения. «Всегда говорю «да», – признаётся Женя. – Анна Самойлова предложила выступить в перинатальном центре «ДАР», и я согласилась не раздумывая. Оказалось, что медики центра пишут стихи и отмечают День поэзии. Такие классные!»

Поддержали эстафету выступлений на фестивальных днях «Издано на Алтае», а также приняли участие в ставшей уже традиционной и многим любимой «Библионочи» Анна Самойлова и Наталья Ревкова. На таких встречах Анна и Наталья раскрывают ещё одну грань своего писательского таланта – поэтическую.

Кстати, у Анны Самойловой совсем недавно вышел сборник избранных стихотворений «Давай сбегим туда, где нет дорог...», почти одновременно с новой книгой стихов Натальи Гриневиц «Линия верлибра».

А Настю Шинакову (как раз в те дни, когда зацвела черёмуха) неолитовцы поздравили с первой авторской книгой – сборником прозы «Чёрный ящик», в который вошла одноимённая повесть и семь рассказов разных лет – результат работы в нео-литовской студии прозы «Бездна оптимизма», работы кропотливой и вдохновенной. «Совсем недавно Анастасия Шинакова ходила в студию, – комментирует Анна Самойлова, – я помню её первые угловатые рассказы. Помню, как уговаривала её в первый раз принять участие в семинаре молодых литераторов, помню, как мы редактировали повесть «Тень ворона»... Всё это шло Анастасии в копилку, иначе не был бы написан Настей очень глубокий философский фэнтезийный роман «Дети хаоса»... Растёт литературная молодёжь, и это здорово!» На поздравление «Нео-Лита» Настя ответила следующее: «Спасибо! И вправду, как быстро время пролетело и какой позади долгий, тяжелый путь. Хорошо, когда есть поддержка, тогда всякая дорога легче».

Вот так живёт и работает литературное агентство «Нео-Лит» – всегда в движении!

Срочно в номер!

Важное известие из Санкт-Петербурга: «В номинации «Критика и публицистика» награждается Валерий Копнинов за статью «Осмысленность периода нравственного полураспада («Остров Сахалин» А. П. Чехова и «Остров Сахалин» Э. Веркина – путешествие гуманистических к концу света)», признанную лучшим произведением, опубликованным в альманахе «Полдень» в 2020 году».

Напоминаем: «Полдень, XXI век» – литературно-художественный журнал, посвящённый отечественной фантастике, выходящий в Санкт-Петербурге с 2002 года под редакцией Бориса Стругацкого.

26 мая 2005 года на «Невском книжном форуме» Борис Стругацкий объявил об учреждении ежегодной литературной премии журнала, но только через год – 6 мая 2006 года премия «Полдень» была вручена впервые.

Редакция альманаха «Полдень» (правопреемник журнала «Полдень, XXI век») возродила одноимённую премию в 2016 году.

Поздравляем Валерию от всей нео-литовской души!

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	2
ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «КАЧЕЛИ ОТШЕЛЬНИКА»	
Павел Подзорнов. «Братья по разуму».....	4
ИТОГИ КОНКУРСА В ЦЕНТРЕ «ДАР»	
Алена Сысоева. Стихи.....	7
РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	
Владимир Шнайдер. «Как было создано Алтайское отделение Союза советских писателей СССР».....	8
Валерий Копнинов. «Путешествие к себе».....	13
ГОСТЬ НОМЕРА	
Борис Бондарев. Стихи.....	16
СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА	
Аржан Салбашев. «Дед».....	18
Сергей Матюшенко. «Мятные пряники».....	19
Наталья Гриневиц. «Слепой дождь».....	20
Светлана Шагако. «Кофе с молоком».....	24
Елизавета Селиванова. «Санёк95».....	26
Яна Изотова. «А берег начал обнажаться...».....	28
Антонина Косачёва. «Можешь называть меня Анжелой».....	30
Татьяна Раевская. «Лимон».....	33
Нина Скворцова. «И на Марсе будут яблони цвести...».....	34
Елена Вознюк. «Исправительная колония».....	35
ГОСТЬ НОМЕРА	
Александра Малыгина.....	40
ДЕБЮТ	
Артём Лютцев. «Паста с песто».....	42
ГОСТЬ НОМЕРА	
Александр Карпов. Стихи.....	44
ДЕБЮТ	
Наталья Мануйлова. «Дизайнер для феи».....	45
МАЛАЯ ПРОЗА	
Юлия Нифонтова. «Подарок колдуна».....	51
Елена Бызова. «Акбар», «Собачья жизнь».....	61
ГОСТЬ НОМЕРА	
Надежда Митягина. Стихи.....	65
БОЛЬШАЯ ПРОЗА	
Константин Сомов. «К своим. Повести о солдатах».....	66
Валерий Копнинов. «Двенадцать затмений луны».....	68
Анна Самойлова. «Магия против».....	71
Наталья Ревкова. «Вторжение».....	73
ЖИВЫЕ СТИХИ	
Владимир Глушков. Стихи.....	76
СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН	
Иван Усатов. Стихи.....	78
Дмитрий Аникин. Стихи.....	80
Надежда Доронина. «Веганка».....	82
Андрей Попов. Стихи.....	84
Надежда Фещенко. Рассказы.....	86
Юля Шувалова. Стихи.....	87
КЛУБНЫЙ ДНЕВНИК «НЕО-ЛИТА»	88

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СРЕДА № 16, 2021

16+

Журнал литературного агентства «НЕО-ЛИТ», г. Барнаул

Руководитель и главный редактор журнала: Анна Самойлова

Редакторы: Н. Ревкова, Е. Бызова, В. Копнинов, А. Шинакова

Вёрстка: В. Бызов, К. Бэд, Н. Ревкова, Ю. Морозевич

Корректор: Н. Гриневиц
Адрес для переписки:

эл. почта: anna_samoilova@rambler.ru

В интернете:
samlit.ru/f/fantasticheskaja_s/
vk.com/agentstvo_neo_lit

Подписано в печать: 07.06.2021.

Формат 200x297
Печать офсетная, бумага офсетная
Заказ № 102

Тираж 500 экз.
Отпечатано в: ИД «ОСТ», id-ost@mail.ru

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Добрый день, уважаемые читатели!

Этот номер необычный. Он посвящён юбилею Алтайской краевой писательской организации. В этом году исполняется 70 лет со дня образования Алтайской краевой писательской организации «Союз писателей России». Раньше она называлась «Союз писателей СССР», но ничто в мире не остаётся неизменным.

Наша организация была образована ветеранами Великой Отечественной войны в 1951 году. Всего шесть лет прошло после страшной войны, страна ещё восстанавливалась после разрухи, большинство наших земляков жило впроголодь, ещё не во всех сельских домах было электричество, но о культуре, духовной пище не забывали ни власть, ни народ.

Не забываем и мы. Как дань памяти основателям организации мы на страницах этого выпуска

журнала публикуем произведения членов ОАКПО «СПР» и статью писателя и публициста, нашего краеведа и летописца Владимира Александровича Шнайдера о том, как создавалась писательская организация, с какими трудностями пришлось столкнуться первому секретарю.

Мы с удивлением обнаружили много совпадений в истории тогдашней и сегодняшней. Времена меняются, а трудности остаются. Нам тоже пришлось воссоздавать юридическое лицо, искать помещение. Точно так же нам помогает правительство нашего края, его Министерство культуры. Особая благодарность губернатору Виктору Петровичу Томенко за моральную поддержку и кредит доверия. Теперь у нас есть замечательное помещение, нам одобрили грант, чтобы мы могли достойно провести юбилей ОАКПО «Союз писателей России». Всё-таки 70 лет! Замечательная дата! Возраст мудрости.

В рамках гранта мы планируем провести выездной секретариат. Тема секретариата «Объединяющая сила слова». Мы сможем наладить связи и отношения между писательскими организациями Сибири. Гости – ответственные секретари сибирских региональных отделений Союза писателей России во главе с председателем Правления СПР Николаем Фёдоровичем Ивановым – смогут посетить Фестиваль имени Роберта Рождественского, встретиться с читателями в библиотеках края.

Сегодня Алтайская краевая писательская организация – одна из самых крупных в Сибири: 54 члена Союза писателей России. Разумеется, в литературе не всё определяется количеством. Но рядом с нами сейчас работает немало

ры Народного ЛитО «Заполярье» были искренне и безусловно рады.

В рубрике «Культурный обмен» этого выпуска читатели познакомятся с ЛитО «Заполярье», прочитают стихи и прозу наших авторов.

Обмен состоялся благодаря недавнему путешествию по НАО руководителя и главного редактора журнала Анны Самойловой, о чём она рассказывает на первых страницах номера, в том числе с благодарностью всем за тёплый приём. Мысль о «культурном обмене» пришла Анне Александровне, когда она «в низовую метель – тэнзёр неслась на снегоходе по бескрайней тундре». А мы ожидаем увидеть произведения новых друзей в нашем альманахе «Заполярье».

Журнал покоряет своей насыщенностью, широтой взглядов, интересными разножанровыми произведениями. Прочитав его, погружаешься в большую, подвижный, смело развивающийся литературный мир Алтая, творческую среду общения студийцев литературного агентства «Нео-Лит».

Спасибо, дорогие друзья, за эту возможность путешествовать вместе с вами!»

Вот так! У литературного агентства «Нео-Лит» своя геополитика. География творческих связей и политика дружеских мостов расширяются и крепнут – Чехия, Республика Беларусь, а теперь и свой русский Север.

Мы точно знаем, что в песне – правильные слова: «Ты узнаешь, что напрасно называют Север крайним. Ты поймёшь, что он бескрайний...»

5. В целом 2021 год начался для неолитовцев с активной работы.

Выходом новых книг (и поэзии, и прозы), публикациями в толстых журналах, довольно частыми встречами с читателями и любителями литературы на самых разных площадках. Ещё бы: возвращающееся в привычное русло бытие совершенно диалектически возвращает в привычное русло и сознание.

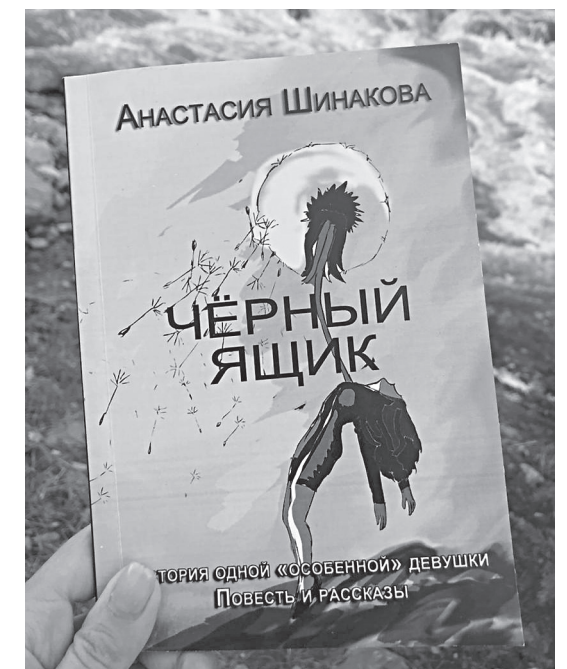
Не верите? Тому имеются вполне приемлемые доказательства.

Первое доказательство: в один из самых морозных вечеров января, пока погода думала, что подкинуть барнаульцам: минус 30 или минус 35, в краевой библиотеке, среди завсегдаев литературного клуба «Беловодье», в тепле и уюте прошёл персональный творческий вечер двух холодоустойчивых алтайских писателей (равно как и неолитовцев со стажем): Натальи Ревковой и Валерия Копнинова.

Второе: Анну Самойлову пригласили на встречу читатели из Новосибирска. «В библиотеке имени Н. Г. Чернышевского города Новосибирска состоялась презентация моего романа «Две валентинки», – рассказывает Анна. – Это шестая книга у меня, но первый опубликованный на бумаге роман. До этого были сборники рассказов или стихотворений. Приятно, что роман вышел за пределы Алтайского края, что книгу читают в Новосибирске. Значит, она действительно получилась интересной».

И далее по списку.

11 марта в центральной детской библиотеке им. К. И. Чуковского в рамках фестиваля «Издано на Алтае» состоялась презентация книги Валерия Копнинова – романа-сказки «День чистой воды».

роды. Творы, якія ўвайшлі ў зборнік, напоўнены жыццём і верай у будучыню».

Для тех, кто не владеет в совершенстве белорусским языком, даём краткий перевод. В прошлом году в свет вышел второй выпуск международного альманаха «Брест – Барнаул» (о чём мы писали в 15-м номере журнала «ФС»). Его презентация состоялась 26 января в формате телемоста. В павильоне современного искусства «Открытое небо» собрались барнаульские литераторы и по видеосвязи провели встречу со своими белорусскими коллегами.

Первый сборник «Брест – Барнаул» вышел в 2019 году. А началось все с того, что в редакцию журнала «Фантастическая среда», выпуском которого занимается наше литературное агентство «Нео-Лит», свою рукопись прислал белорусский писатель Сергей Беляр. Рассказ Сергея опубликовали и отправили авторские экземпляры в Брест, где издание довольно высоко оценили. И в ходе общения с белорусскими коллегами возникла мысль: а почему бы не выпустить совместный альманах?

Задачу сделать подборку произведений с брестской стороны взяла на себя Татьяна Демидович, руководитель Союза писателей Беларуси, а с барнаульской – Анна Самойлова, руководитель литературного агентства «Нео-Лит» и студий литературного мастерства, участники которых и стали первыми авторами в проекте.

Дебютный выпуск получился резонансным, выставлялся даже на большой книжной ярмарке в Минске. Поэтому над вторым сборником работали, что называется, с пристрастием. Анна Самойлова, ныне ответственный секретарь общественной Алтайской краевой писательской организации «Союз писателей России», вместе со студийцами привлекла к участию и членов союза.

«Когда мне написали из Брестской центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина, что хотят провести презентацию онлайн, – делится Анна Самойлова, – я обрадовалась. Сборник вышел осенью, а презентацию мы так и не сделали. А он получился классный – и наши авторы представили сильные произведения, и белорусские».

Остаётся только процитировать классика: «Друзья (сябры) мои, прекрасен наш союз!..» И телемост нам в помощь.

4. Письмо с Крайнего Севера в «Нео-Лит»:

«Дорогие друзья из далёкого Барнаула, уважаемая редакция журнала «Фантастическая среда», здравствуйте!

Получили вашу посылочку с экземплярами «Фантастической среды», где опубликованы произведения наших авторов из Нарьян-Мара.

Приятно прочитать в журнале своё произведение, здорово оказаться в одном номере с известными мастерами слова, ответственно представлять округ на страницах изданий других регионов.

Поэтому сегодня на презентации нового выпуска журнала литературного агентства «Нео-Лит» «Фантастическая среда», добравшегося к нам почтой, авто-

интересных молодых прозаиков и поэтов. Будущее нашей литературы.

На страницах журнала вы можете познакомиться с творчеством молодых талантливых писателей. Их произведения стоят рядом с произведениями состоявшихся авторов – членов ОАКПО «Союз писателей России».

А скоро выйдет журнал «Бийский вестник», почти целиком посвящённый юбилею писательской организации. Как хорошо, что в Алтайском крае есть журналы, готовые разделить с нами нашу радость. Главный редактор «Бийского вестника» Виктор Васильевич Буланичев проделал огромную работу для того, чтобы поздравить коллег с 70-летием.

По традиции в каждом номере «Фантастической среды» мы публикуем произведения победителей литературных конкурсов, информационными спонсорами которых мы выступаем, а также произведения дебютантов. Не судите строго – это их первые, но уверенные шаги в литературе.

Напоминаем, что наш журнал открыт для всех. В рубрике «Свободный микрофон» – стихи и проза тех, кто идёт своим путём в литературе. Это и есть та самая литературная среда. Лучшие из её

ростков со временем пополнят ряды членов Союза писателей России.

Литература – увлекательное дело! Пишите! Делитесь своим творчеством. Читайте книги. Приходите на встречи с писателями.

Поздравляю писателей Алтайского края с юбилеем! Здоровья вам, уважаемые коллеги, и долгой творческой жизни!

Анна Самойлова.
Мастер-класс в Химках

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «КАЧЕЛИ ОТШЕЛЬНИКА»

В этом году в честь 85-летия Виктора Колупаева Томская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина торжественно объявила, что теперь в конкурсе фантастических рассказов «Качели Отшельника» могут участвовать все желающие. И вот он, рассказ победителя юбилейного года!

Павел Подзорнов

Братья по разуму

1. Братья по разуму

Под низкими закруглёнными сводами мастерской слышалось потрескивание разрядов и гудение механизмов. Страж с трудом протиснул своё крупное тело сквозь узкое отверстие входа. Мастер Глор был поглощён работой. Он возился у затейливого механизма и раздражённо обернулся на сопение у входа.

– Приветствую тебя, страж!.. Что привело столь высокого гостя к скромному исследователю?

– И тебе привет, мастер. – Страж с интересом оглядел мастерскую Глора. – Я пришёл предупредить тебя.

– О чём?

– О твоих исследованиях. Ты же знаешь – Отцы не одобряют этого. Всем доподлинно известно, что наша раса одна во Вселенной. А ты всё никак не можешь успокоиться. – Страж помолчал и сочувственно покачал головой. – Поговаривают, что сама Царица хочет перевести тебя в касту рабочих, если ты не прекратишь бессмысленные опыты и не вернёшься на службу.

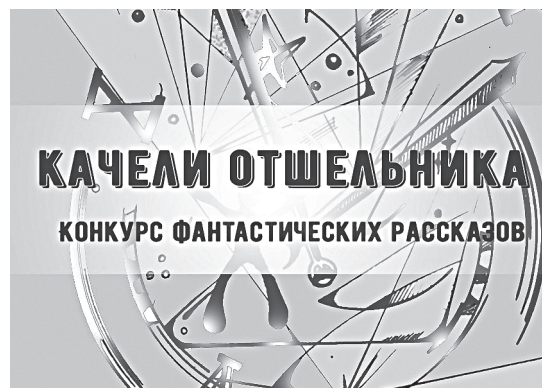
«Даже так?» – подумал мастер, не прекращая работы.

Перевод в касту рабочих не по рождению был самым суровым из наказаний. Впрочем, нет, было ещё Изгнание...

***

Глор работал как одержимый – прибор почти готов. Он должен успеть.

Несмотря на авторитетное мнение Отцов, Глор верил, что они не единственная разумная раса в безграничных просторах за пределами Дома. Во внешнем мире могут быть и другие.

Пусть и не похожие на них. Но они есть. Должны быть!

Глор пошлёт сигналы во внешний мир, и их обязательно услышат. Иначе всё напрасно. Иначе пропадёт дело всей его жизни.

Он коснулся выключателя прибора. Гудение усилилось, и сигналы мощнейшего передатчика помчались в пространство...

Он будет посылать их непрерывно, день за днём. И ответ обязательно придёт.

***

Пётр Петрович любил вечерами послушать радио. Несмотря на обилие технических новинок, он предпочитал старенький радиоприёмник, принадлежавший ещё его деду. Здесь, в тихом уголке сада, в тени дуба между пихтой и берёзой он облюбовал себе местечко, смастерил скамейку, неказистый столик и наслаждался отдыхом.

В таком месте не хотелось ни о чём думать, умиротворение и покой наступали сами собой. Насыщенный запахами близкого леса, воздух тут был по-особенному чист и свеж. Пётр Петрович не променял бы его ни на какой иной.

Однако с недавнего времени в трансляцию радиоприёмника стали вмешиваться посторонние шумы. Причём помехи были только в этом месте, что очень раздражало Петра Петровича. Как только он удалялся от своей из-

шимся мечтам и грандиозным усилиям, что не пропали даром!

Спросите: при чём здесь весна? Да вроде и ни при чём! Просто беспокоит тот факт, что в эпоху космических полётов и интернета в окружающем мире исчезла магия – так думают люди. Но ведь никто никогда не видел электричество, а оно есть. Вот и с магией – та же история! Чудеса никуда не делись, просто иногда мы отказываемся их замечать.

Оттого-то на одном из региональных Совещаний сибирских авторов дошло дело (путём логических умозаключений) до семинара прозы в жанре фантастики. Отдельные произведения, обсуждавшиеся на семинаре, потом публиковались в журнале «Сибирские огни», а сборник сибирской фантастики «Ничьи следы» – стал результатом дальнейшей работы с востребованным жанром.

Спросите: что за сборник? Забегая назад, скажем, что весной (весна, опять весна!) 2021 года в свет вышел прекрасный сборник фантастических рассказов писателей-сибиряков – «Ничьи следы».

И пусть о сборнике расскажет его редактор-составитель российский писатель-фантаст Вячеслав Шальгин («отец» сборника – так называют его участники проекта): «Богатство Сибири – не только природа и недра, это ещё и таланты. В этом сборнике вы найдёте рассказы самых разных фантастических подвидов: притчи о шаманах и саги о вампирах, драму о путешествии в прошлое и размышление о светлом или тёмном будущем, ироничную страшилку и настоящий хоррор. Рассказы, как и авторы, разные, но три важные детали присущи всем: все авторы – сибиряки и рассказы их – о Сибири, все представляют новое поколение литераторов – и поэтому образы их героев складываются в собирательный образ современного сибиряка. Наконец, все авторы талантливы, что гарантирует удовольствие от знакомства с их творчеством».

А вот метафорическая (при этом точная и даже – материально осязаемая) характеристика, данная Вячеславом Шальгиным авторам и их рассказам, вошедшим в сборник «Ничьи следы»: «13 глотков чистого воздуха в загазованной блогерами и самиздатом атмосфере современного словотворчества».

В числе чертовой дюжины рассказанных фантастических историй – четыре рассказа неолитовцев! Их имена уже давно на слуху у тех, кто любит и знает нашу литературу: Наталья Ревкова, Валерий Копнинов, Татьяна Блейза, Евгений Косенков – бесспорно, талантливые и яркие авторы как в жанре фантастики, так и в других литературных жанрах.

Гордимся ими и ценим каждого! Так держать!

3. Брест – Барнаул!

«Чудоўнай навіной напачатку 2021 года стаў выхад другога нумара міжнароднага літаратурнага альманаха «Брэст – Барнаул». Прэзентацыя яко гаадбылася ў анлайн-рэжыме і стала добрай падставай для далейшага пашырэння сяброўскіх зносін. Адказны сакратар Алтайскай краявой пісьменніцкай арганізацыі «Саюз пісьменнікаў Расіі», дырэктар Барнаўльскага літаратурнага агенцтва «Неа-Літ» Ганна Самойлава падкрэсліла: «У наш няпросты час вельмі важна адчуваць локаць сябра. Зборнік «Брэст – Барнаул» і стаў такім локцем, мастком, які з'яднаў два роднасныя на-

Клубный дневник «НЕО-ЛИТА»

1. Время – вперёд!

Возвращающееся в привычное русло бытие совершенно диалектически возвращает в привычное русло и сознание. Не верите? Тому имеется вполне приемлемое доказательство – проведение с 28 по 30 мая ежегодного Всероссийского совещания молодых авторов СПР в Химках. Понятно, о чём речь? Ежегодное (!) совещание, а в 2020 году – пробел. Отменено из-за пандемии.

Ну что же – начинаем вновь привыкать к хорошему.

Первое хорошее – сам факт проведения Всероссийского совещания молодых авторов (пусть даже частично переведённого в онлайн).

Второе хорошее – основатель литературного агентства «Нео-Лит» (равно как и ответственный секретарь общественной Алтайской краевой писательской организации «Союз писателей России») Анна Самойлова была приглашена в Химки руководителем одной из секций прозы.

«Еду в Химки, – прокомментировала событие Анна. – Буду вести школу продвижения литературы и секцию прозы – для неё за месяц прочитала семь романов и повестей».

Несомненно, богатый нео-литовский опыт студийной работы сделал участие Анны Самойловой в совещании в Химках (где собирается талантливая и перспективная молодёжь со всей страны – от Калининграда до Владивостока) весьма полезным для молодых авторов, ищущих не только свои творческие пути в литературе, но и пути-дороги, ведущие их литературные произведения к современному читателю.

Третье хорошее – три молодых нео-литовских автора (не только талантливых и перспективных, но и симпатичных), пройдя непростой отбор, тоже съездили в Химки – поучиться писательскому мастерству. А также: «людей посмотреть и себя показать». Это выпускницы студии прозы: Анастасия Шинакова и Елена Шагако – они прошли отбор в секцию «Проза», а Евгения Чернова-Гармс в секцию «Детская литература. Проза».

2. Весна в Сибири робкая. Подолгу с зимой засиживаются на завалинках.

Снежатся, песни воют. Но уж когда весна в силу войдет, распляшется, растеплится, пронесётся по всей земле певучими ручьями – сугробы плачут, в ногах хлюпают, в ушах чирикают и чудеса случаются небывалые. Проза сибирская подобна сибирской весне – вызревает медленно, но плоды даёт такие, что вся Русь долгие лета кормится.

Проще говоря, опуская излишнюю лирику и патетику, у нас случился неплохой повод (и мы этот повод не упустили) встретить весну досрочно благодаря сбыв-

любленной скамейки, помехи ослабевали и постепенно исчезали.

В этом деле мог бы помочь разобраться сосед Николай, работавший в НИИ радиоэлектроники и космических средств связи. Сосед был одержим идеей контакта с иными цивилизациями и частенько рассказывал Петру Петровичу о перспективах таких связей. Но сейчас он находился в отпуске и отдыхал с семьёй в Крыму.

Пётр Петрович промучился ещё два дня, а затем решил самостоятельно установить источник помех. Сделал он это простейшим способом. Держа в руках приёмник, он двигался в ту сторону, где помехи усиливались.

Через полтора часа, к своему удивлению, он установил, что помехи идут... от муравейника. Тот стоял на дальней границе участка, примыкавшего к лесу.

***

Глор с нетерпением ждал ответа от братьев по разуму. Он понимал, что это не может произойти быстро, но продолжал надеяться. Запустив передатчик, он выбирался на вершину их большого Дома и, не обращая внимания на недовольных стражей и спящих рабочих, устремлял свои помыслы к иным мирам.

***

Убедившись, что это действительно муравейник, Пётр Петрович, не любивший докапываться до непонятного и предпочитающий спокойный отдых с радиоприёмником на своём привычном месте, решил вопрос кардинально. Он связался с лесником и, задобив того «жидкой валютой», с его помощью переместил муравейник подальше в лес...

***

Катастрофа пришла неожиданно. Дом начал трястись и осыпаться. Проходы завалило, стены рушились. Рабочие бестолково сновали, усиливая сумбух. Стражи охраняли Отцов и спасали Царицу. Часть рабочих мобилизовали на спасение кладки Наследников. Глор бегал вместе со всеми. Подчиняясь инстинкту, он спасал личинок из разваливающейся кладки. В какой-то момент Дом начал подниматься вверх. Глор не удержался и полетел в траву. Последнее, что он увидел, было нечто огромное, опускающееся на него...

***

Какая-то часть муравьёв пропала во время транспортировки. Ещё сколько-то нашли смерть под подошвами лесника. В их числе был и мастер Глор, от мастерской и фантазий которого не осталось и следа...

Через несколько недель муравейник полностью восстановился.

***

А Пётр Петрович вновь наслаждался чистыми звуками радио на своей любимой скамейке.

2. Совпадение, или Новое о челябинской загадке

Разведывательно-исследовательский рейд подходил к концу. Программа была выполнена, материалы собраны и направлены по «струне»¹. В настоящее время их уже тщательно анализируют лучшие умы планеты в специальных информаториях.

Пилот расслабился, взирая через экраны на бескрайнюю даль космоса, под пощёлкивание сканера, который непрерывно зондировал пространство в поисках необычных «шумов».

«В конце концов, можно и отдохнуть, – думал пилот. – Задание практически выполнено». Оставался лишь долгий путь домой. Несмотря на возможность внепространственных прыжков, разведкапсуле достаточно много времени приходилось двигаться на обычной, околосветовой скорости.

И вдруг сканер уловил сигналы. Довольно слабые, судя по диапазонам – радиочастоты разной интенсивности, исходившие от небольшой звёздной системы, мимо которой сейчас лежал путь.

Проверить приборы. Так и есть. Сигналы идут с третьей от центрального светила планеты. Судя по характеристикам жёлтого карлика G2V и удалённости планеты, вращавшейся вокруг него, там вполне могла развиться разумная жизнь.

Что ж, придётся задержаться. Встреча с разумной жизнью – вполне веская причина, чтобы немного отложить возвращение домой.

Голубая планета имела кислородно-азотную атмосферу. Большая её часть покрыта океаном. Видны большие города. По всем признакам жизнь только

¹ Массопередатчик, принцип действия которого основан на использовании спинторсионных полей и многомерности Вселенной.

вступила в начальную фазу цивилизации. Об этом разведчик сделал вывод, изучив используемые аборигенами источники энергии – они вырабатывали её, расщепляя атомы и примитивно сжигая углеводороды.

Но главное – это была разумная жизнь! Причём гуманоидного типа.

Как и требовала инструкция, пилот принял меры по маскировке и стал готовить запрос на контакт в Центр. Приборы разведкапсулы в это время продолжали исследовать атмосферу и околопланетное пространство.

И вдруг... Тревожный сигнал замигал на центральном экране, и тут же включилась сирена антиметеоритной защиты – в околопланетном пространстве появился астероид.

Пилот-разведчик сразу понял, что астероид притянуло работающим на пределе гравитационным двигателем капсулы. Траектория астероида указывала на неизбежное столкновение астероида с третьей планетой. Не появившись тут разведкапсула, астероид прошёл бы хоть и в опасной близости, но мимо.

Пилот погрузился в раздумья – поскольку в том, что астероид изменил траекторию, была его вина, хоть и не преднамеренная, просто так улететь он не мог.

Космического флота у жителей планеты пилот-разведчик не обнаружил. Антиастероидную защиту тоже. Столкновение с объектом такой массы неизбежно вызовет катастрофу. Даже если планета уцелеет, то вряд ли на ней останется что-то живое.

Как назло, энергии почти не осталось. Рассчитав импульс, необходимый для изменения орбиты, он увидел, что заряда хватит только на одну попытку, которая израсходует весь оставшийся энергозапас. Ладно. Главное – спасти жителей голубой планеты. Об остальном можно подумать после...

***

Из новостей. Астероид DA14 пролетел мимо Земли на рекордном расстоянии – 27 тысяч километров. По космическим меркам это совсем близко – в 14 раз меньше, чем путь от Земли до Луны. За приближением небесного тела жители Восточной Европы, Юго-Восточной Азии и Австралии могли наблюдать в обычный бинокль. Полёт небесного тела в прямом эфире показывали многие телеканалы, на кадрах можно разглядеть лишь небольшое светлое пятно на тёмном фоне. Тем не менее астрономы в восторге: за всю историю космических ис-

следований так близко к Земле астероиды никогда не подлетали.

***

Всё прошло удачно. Почти. Импульс был точен и изменил орбиту астероида так, что теперь он гарантированно пройдёт мимо. Но пилот-разведчик не учёл состав астероида. В результате от него откололся кусок и под воздействием импульса понёсся к поверхности планеты в два раза быстрее!

Времени на раздумья не было. Даже этот относительно небольшой кусок мог уничтожить целый город. Пилот-разведчик принял решение...

Капсула неслась на максимальной скорости, щедро расходуя остатки энергии. «Успеть! Только бы успеть!» – думал пилот, судорожно сжимая рычаги управления.

Обогнув осколок по дуге, разведкапсула пошла на таран...

***

Пётр Петрович сидел на своей любимой скамейке и слушал свой старенький радиоприёмник, изредка ворча по поводу помех, мешающих слушать новости. По радио передавали:

15 февраля 2013 года в 9.22 по местному времени над территорией Челябинской области пролетел метеорит со сверхзвуковой скоростью по направлению Челябинск – Чебаркуль – Сатка. Его прохождение сопровождалось сильным взрывом, воздушной ударной волной, световым и электромагнитным излучением, сейсмическим и акустическим возмущением. Вспышка света была видна и в соседних регионах, а также в сопредельном Казахстане. Ударная волна выбила стёкла более чем в семи тысячах зданий. Взрыв произошёл над густонаселённой местностью, что и привело к разрушениям, хотя и незначительным, но с большим числом пострадавших. В Челябинске взрывной волной были выбиты окна, двери, удар пришёлся на системы вентиляции зданий, рухнула часть стены здания на территории цинкового завода.

Но катастрофы не случилось. Многие очевидцы утверждали, что видели, как перед падением объект словно столкнулся с чем-то в воздухе, в результате чего взорвался, а Земли достигли лишь небольшие осколки.

«Не похоже, что между падением метеорита в России и пролётом астероида DA14 есть связь. Скорее всего, это лишь удивительное совпадение», – заявили учёные-астрономы.

селении, жила-была девушка такой нежной красоты...

– Хрум-хрум.

– ...и доброго сердца, что её можно было сравнить только с солнцем, которое освещало эту долину.

– Хрум.

– У неё были длинные волосы, кроткий взгляд и руки, парящие, словно

птицы, ловкие, с пальчиками, похожими на лепестки лотоса.

– Хрум-хрум.

– Вот за эти-то пальчики да за её красивую душу и полюбил девушку...

– Хрум...

Ой, что же я наделала! Как теперь узнать, кто её полюбил?

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

Юля Шувалова
СТИХИ

Всегда рядом

Я прошу тебя, просто будь.
Всегда рядом, сердцем касаясь.
Эту вечности звездную суть
Сохранить от потерь стараюсь.

Я прошу тебя, просто будь.
Моим самым нежным рассветом,
Тем лучом, осветившим мне путь,
И судьбы
благосклонным приветом.

Я прошу тебя. Просто будь.
Моим счастьем, моим спасением,
Тем лучом, озарившим мне путь,
Моей жизнью и вдохновением!

***

За грехи наши тяжкие
мы получим сполна.
Не гадай на ромашке ты,
что за участь дана.
Будь открытым для радости,
замечай красоту.
В жизни все неурядицы
отпускай за черту.
И желания сбудутся,
будут лучше дела.
Не распустится кружево,
что любовь заплела.
И обиды вчерашние –
не помеха в пути.
Не гадай на ромашке ты,
лучше с верой иди.

***

А мне счастье – краюшка хлеба,
Крынка свежего молока,
Разноцветный ситец лета,
И прохлада, что дарит река.

А мне в чаще, где щебет птичий
И печаль на душе легка,
С ветром по полю мои мысли,
Радость встречи – не грусть-тоска.
До родных берегов добратся,
Родниковой воды – два глотка,
Чтоб на зорьке всегда просыпаться
Да парного испить молока.

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

Надежда Фещенко
РАССКАЗЫ

Дюймовочка в кофе

Однажды читала я детям на ночь сказку «Дюймовочка». Прилегла с ними. Читала-читала да и задремала. Слова как-то через раз стали выговариваться. Дети рядом копошатся, а мне тепло и уютно.

Начали они меня тормошить:

– Мама, мама, читай дальше!

А я сквозь дрему:

– Я... Дюймовочка... полетела... кофе... – и опять замолчала.

При чём тут кофе? А не знаю! У спящего человека и похлеще завихрения могут быть! Но дети с кровати повывлазили и побежали на кухню.

Ольгуня принесла чашку кофе, который я не успела допить, Серёжка – маленькую ложку и кусок сахара.

Бульк! Кусок сахара упал на дно чашки и начал растворяться.

– Дюймовочка тонет! – закричала я, вскакивая с кровати.

Я выхватила чашку и понеслась на кухню.

Интересно, затыкая слив и выливая кофе тоненькой струйкой в раковину, я действительно думала, что спасаю утопающую Дюймовочку?

Видимо, да.

Дети вместе со мной внимательно проверили раковину и вынесли вердикт:

– Мама, тут никого нет!

«Ночная работа на удалёнке до добра не доведёт», – подумала я и снова пошла укладывать детей спать.

Не ходите в гости к циклопу

Еле-еле нашёл эту поваренную книгу. Её ещё прабабушка мне в наследство оставила. Очень ценная! Называется «Если к вам пришли гости».

Лежала она на самой верхней полке, в пыли и паутине. Неужели ко мне так давно гости не заходили?

Сегодня вот какими-то судьбами забрёл енот, поэтому надо искать на букву Е.

Так, открываем. Крот...

«Если к вам в гости пришёл крот.

Жарим крота, добавляем картошку, капусту, кориандр, щепотку крапивы и куркуму. Тушим в течение тридцати минут. Приятного аппетита!»

Не то, надо пролистнуть чуток назад. Ага!

«Если к вам в гости пришёл динозавр...

Добавить дыню и дайкон, сверху посыпать донником и душицей. Приятного аппетита!»

Да, видимо, эта поваренная книга очень древняя – ещё при динозаврах была. Ох, как есть-то уже хочется.

А вот и енот!

«Если к вам в гости пришёл енот.

Добавьте ежевику, иголки ели, парочку ершей. А вообще енот – сам по себе еда. Поэтому приятного аппетита!»

Где ж я им ежевику-то сейчас найду? И ершей ещё полдня ловить надо. Пожалуй, самая мудрая фраза в этой книге: «Енот – сам по себе еда». Не зря мне её прабабушка-циклоп оставила в наследство. Очень пригодилась!

Дамские пальчики

– Виноград, виноград, я тебя съем!

– Съешьте, мадам, я буду просто счастлив!

– Странный фрукт. Откуда ты, такой вежливый?

– О, это древняя история. Я родился в одной из азиатских стран. Я до сих пор помню, какой там райский климат.

– Кажется, ты любишь рассказывать истории?

– Если есть благодарные слушатели, мадам.

– Хорошо, я буду есть и слушать.

– Дело было в одной далёкой-далёкой стране, почти на краю земли...

– Хрум.

– ...Там, где солнце встаёт из-за гор, и его свет стекает по склонам в долину.

– Хрум-хрум.

– В той долине, в одном небольшом

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «День поэзии в перинатальном центре «ДАР»

Алена Сысоева

врач-эпидемиолог КГБУЗ

«Алтайский краевой клинический перинатальный центр».

***

Ты – боль, ты – радость, ты – страдание.
Ты – страсть, ты – нежность, ты – любовь.
Ты – ночь и день. Вода и кровь.
Ты – безмятежность и стелание.
Моя тюрьма, моя свобода.
Ты – рай, ты – ад. Ты – сахар, соль.
Ты – царь и Бог и ты – герой.
Ты – разрушитель и природа.
Ты – заточенье и полёт.
Ты – небо, ты – земля, ты – воздух.
Ты – очень рано, слишком поздно.
Мой верноподданный, мой гнёт.
Ты – жизнь и смерть. Ты – штить, волна.
Ты – ясный день, туманный вечер.
Одно мгновенье, бесконечность.
Ты – лучик солнца, ты – луна.
Ты – летний зной, мороза стужа.
Ты – мягкий шёлк и грубый лён.
Холодный лёд, тепло, огонь.
Вражда, предательство и дружба.
Мой плач и смех. Мой верный друг,
Законный муж и мой любовник.
Ты – мой побег, моя погоня,
Ты – всё, что вижу я вокруг!

Жизнь тобой

Разбор полётов, сто желаний
На перепутье трёх дорог,
Но ожидание – сакрально,
Летит планета из-под ног.
Бегу по коридору в вечность,
Где образ вижу вдалеке,
Читаю сны, ловлю беспечность...
Не дотянусь к твоей руке.
Кричу, но ты меня не слышишь.
Вдруг, слёзы брызнут по щекам,
Твой нежный голос тише... тише...
Нас растянуло к полюсам.
Спина к спине шагнули в осень,
Нас летний зной не удержал.
У Бога встречи не попросим,
В обиде на такой финал.
Лишь под ногами листьев шёпот
Напомнит ночь, слиняющий тел.
Нас разлучил осенний холод,
И город сразу опустел.

Спектакль

Сакральность фраз. ПИН-коды сердца.
По парапету быстрый бег.
Растрата сил. Загадка места.
Вопрос и априори: «Нет».
Спектакль жизни. Маска страха.
Следы помады на щеке.
Реальности стальной плаха.
Игра ролей. Дрожь по спине.
Расстрел души. За счастье ссылка.
В конверт минуты, слёзы, сны.
Февраль. Последняя ошибка.
Антракт. Вдох. Выдох. Снова ты.
Посадочная для обломков.
Позывы паники в крови.
Попытка сделать остановку.
Клеймо от прожитой любви.
Каскад из слёз по одеялу.
Симфония минора. Стук.
Зашкаливает вновь усталость.
Не друг, не враг и не супруг.
Пик боли через откровение.
Подача слов. Двойной удар.
Необъяснимое смятение.
Кулисы. Занавес. Финал.

ПУБЛИЦИСТИКА

Первое помещение Алтайского отделения ССП СССР находилось в Барнауле в доме №40 на ул. Республики. Сейчас это дом №40 на ул. Ползунова.

Владимир Шнайдер

КАК БЫЛО СОЗДАНО Алтайское отделение Союза советских писателей СССР

Основа литературного фундамента, на котором позже будет воздвигнута вся литература края, была заложена после окончания Великой Отечественной войны, в большинстве своём фронтовиками-писателями. Это Алексей Сотников, Марк Юдалевич, Евгений Каширский, Фёдор Моисеенко. Несколько позже к ним присоединились Александр Демченко, Анатолий Шестаков, Николай Павлов, Иван Кожевников, Иван Меликов, Михаил Длуговской, Николай Дворцов, Иван Фролов и многие другие.

Конечно, с фронта они вернулись не писателями и стали ими не сразу. Большинство из них – выходцы из газет. Например, Алексей Сотников до войны работал в краевых изданиях, в том числе с 1937 года в «Алтайской правде» заведующим отделом культуры и быта. На фронте с декабря 1941 по ноябрь 1944 года редактировал дивизионную газету «Отважный боец». В марте 1947 года, демобилизовавшись в звании старшего лейтенанта, вернулся в «Алтайскую правду», где с апреля по декабрь работал завотделом культуры и быта. Затем, с образованием Алтайского книжного издательства, он был назначен на должность главного редактора издательства.

Газетчиками были на фронте

М. Юдалевич, И. Фролов, Е. Каширский, М. Длуговской.

Вернёмся в победный 1945 год. Неизвестно, кому в декабре 1945 года пришла идея создать при «Алтайской правде» литературное объединение, но идея руководству понравилась. Согласовали с верхом, получили одобрение и уже в первом пятничном январском номере 1946 года напечатали сообщение о том, что 6 января по адресу: ул. Короленко, 105, в комнате №11, в 12 часов дня состоится организационное совещание литературного объединения.

Для повседневной работы объединения было создано бюро в количестве пяти человек, ответственным секретарем избрали С. Макарова.

16 февраля состоялось первое рабочее заседание объединения, на котором утвердили план работы, обсудили стихи и поэмы Александра Рогачева.

Работа пошла. Но со временем основное ядро – актив объединения – стало меняться. Постоянные командировки по районам, кто-то был уволен из газеты, кто-то поменял место жительства и множество прочих причин несколько ослабили работу.

Немалую роль в снижении активности сыграло и то, что публиковали произведения «объединенцев» крайне редко и не всё, что хотелось бы. Например,

Качели

На качелях под небом звёздным
Мы б хотели с тобой качаться.
Для мечты никогда не поздно
Растворяться или сбываться.

А под звёздным летя океаном,
Мы б хотели прижаться ближе...
Это с нами из тех романов,
Что читали когда-то в книжках.

Расстаётся небо со звёздами,
И скрипят во дворе качели.
Нам пора становиться взрослыми.
Мы когда повзрослеть успели?

Пусть о чём-то поют качели,
И ночами пусть звёзды присятся.
Как мне хочется, в самом деле,
Хоть разок с тобой покачаться.

* * *

Ветер не треплет ветки,
Он их заплетает в косы.
И почему ответов
Меньше, чем было вопросов?
Глаза подниму, и что же?
Небо всё в сером цвете.
Какой мне ответит прохожий:
Зачем я живу на свете?
Светила в небе застыли,
Скрыты за тучами где-то.
Да и вообще, нужны ли
Мне на вопросы ответы?
Холодно майским утром,
Мир отогреть забыли.
Всё так устроено мудро –
Вечно решать: или-или.

* * *

Веткой клён стучит по крыше, от порывов ветра гнётся,
Но к нему никто не выйдет. В дом хозяин не вернётся,
Он давно уехал в город – там уютная квартира,
Там с двенадцатого в окна видно, кажется, полмира.
Виден лес за речкой дальней, а до речки – крыши, крыши...
Оттого-то так печально клён скрипит. Его не слышат.

Август

Золотое, зелёное, синее –
Поле, да колок, да небо.
Август царит над Россией –
Время уборки хлеба.
Время тугого колоса,
Гула моторов комбайнов.
Слышу КамАЗов голос
За ближней села окраиной.
Застывшими каплями солнца
Зерно заполняет кузов.
Наверное, не найдётся
Священнее в мире груза.
Золото, зелень и небо.
Я – малая мира частица.
В нём раствориться мне бы
И снова сюда возвратиться.

* * *

Вот уж лета осталось чуть-чуть,
И видны в листве жёлтые пятна.
Это грустно, но всё же приятно.
Ты вкус ягод лесных не забудь.

Скоро лето помашет рукой:
Август осени дверь открывает,
Уж роса по утрам ледяная.
Вспомни пляжный песок под ногой,

Солнца блики на зыби речной
И покоса душистые травы...
И пусть лето уходит, вы правы,
На душе благодать и покой.

Память

Я помню запах первого прокоса
И беспокойный перепёлки крик,
Налитый соком лист шершавый проса
И на воде запруды солнца блик.
Я помню непослушную литовку –
Всё норовила носом в землю ткнуть,
И голос бати, он-то косит ловко:
«Ногами помогай её тянуть».
Я помню пот, рубашку пропитавший,
И овода на крупе у коня...
Как жаль, прожить нельзя день этот дважды,
Как хорошо, что был он у меня.
Я вновь в тени берёзового колка,
Все так же пахнет сочной травой,
Опять о чём-то плачет перепёлка
И батя мой по-прежнему со мной.

СВОБОДНЫЙ
МИКРОФОНАндрей Попов
СТИХИ

Андрей Семенович Попов родился 13 декабря 1962 года в селе Розозиха Павловского района Алтайского края. Закончил физический факультет АГУ. Работал учителем физики и информатики в селе Бурановка Павловского района.

Стихи начал писать еще в школе. Публиковался в периодических изданиях района и края. Выпустил три персональных сборника стихов «Триптих», «Непричесанные мысли» и «Карета счастья». Участвовал в альманахах Интернет-сообществ.

Постоянный участник Пановских чтений, фестиваля «Касмала».

* * *

Солнце ядрёное, спелое.
Небо в белых веснушках.
В зелени, загорелое,
Лето стоит на опушке.
Цвета неспелого колоса
Платье слегка развевается...
Птицы поют вполголоса
И лишь по ночам отрываются.
Бликами с ближней речки
Блещут в глазах задоринки.
Встречусь вновь с милой вечером,
Чтоб ночь всю бродить, до зореньки.
Лето – такое разное,
Жаркое, быстротечное...
Солнце осталось в памяти
Да маета сердечная.

* * *

Бреду по тропке не спеша.
Пусть всё засыпано снегами –
Прекрасен мир под небесами.
Смотрю глазами малыша.

Смотрю глазами малыша:
Не верю в подлость и измену,
Любовью воздвигаю стену,
Надеждой и добром дыша.

Надеждой и добром дыша,
Ловлю снежинку на ладошку
И верю – все потери в прошлом.
Бреду по тропке не спеша.

Не придумывай меня

Не придумывай меня, не надо.
Я – багряный клён в дни листопада:
Хоть раскидист, с кроною густою,
Но листвою уж от дождя не скрою.
Дождь срывает листья с веток-рук,
Все багрянцем устелив вокруг.

Не придумывай меня, не стоит.
Я – травы клочок раннею весной:
Пусть цветы местами зацвели,
Пробирает холод от земли.
Не прилечь на траву, не присесть,
Только то и радости, что есть.

Не придумывай меня напрасно.
Я – как месяц яркий в небе ясном:
Светом я сияю отраженным
И в смятенье привожу влюблённых.
Но дарить тепло другим нет сил,
Потому что сам давно остыл.

Не придумывай меня...

рассказы и повести в газете не поместить, а они были. Где их публиковать? Единственный ближний журнал, «Сибирские огни», не имел возможности печатать всё, что присылали.

На одном из апрельских заседаний 1946 года С. Макаров озвучил предложение издавать на Алтае свой журнал. Во всех соседних регионах были альманахи, а на Алтае – нет.

Предложение Макарова, разумеется, одобрили. Совет литобъединения, заручившись поддержкой руководства газеты, вышел с предложением в крайисполком.

О том, с какой скоростью в те годы решались подобные вопросы, знают немногие.

Не спеша, взвесив все нюансы, руководство крайисполкома обсудило этот вопрос, затем направило его наверх – в крайком. Там точно так же, не спеша, обсудили и решили, что дело нужное, но... потянет ли послевоенный бюджет края дополнительную нагрузку? Дали задание финансистам – обсчитать.

Словом, в бюджет типографии издательства «Алтайская правда» один номер на 1947 год был заложен. Заметьте, несмотря на все послевоенные трудности, власть изыскала средства на литературу!

Первый штат альманаха «Алтай» состоял из редактора, литературного секретаря и технического редактора. Редактором, естественно, был назначен С. Макаров, а литературным секретарём – М. Юдалевич.

Вышел альманах в конце августа тиражом 15000 экземпляров. В экономически тяжелые времена такой огромный тираж – весьма щедрый подарок

и пишущей братии, и читателям.

Ещё 1947 год отмечен тем, что с ноября через Новосибирскую радиостанцию РВ-76 дважды в месяц Алтайский краевой радиокомитет транслировал литературно-художественный радиоальманах «Алтай». Газеты, журналы выписывали далеко не все жители края, а вот радио, в тех домах, где оно было установлено, слушали все, а также на всех предприятиях, в школах, клубах... Практически в каждом выпуске звучали стихи М. Юдалевича, А. Махова, М. Длуговского, К. Козлова, А. Садькова, Я. Шилина, рассказы Н. Чебаевского.

С созданием собственного альманаха активность литературной жизни на Алтае возросла. А тут ещё и книжное издательство на подходе.

В этом вопросе тоже была проблема: где взять профессиональных книжных редакторов? Своих нет, переманивать их из других издательств – дело гиблое. Кто поедет с обжитого теплого места в медвежий угол, на самую окраину страны, в город, в котором ещё даже не налажена система общественного транспорта и в большинстве случаев квартиры с удобствами на улице и печным отоплением, а телефон – роскошь.

Учтя все это, в крайисполкоме приняли решение ковать местные кадры.

Первым в обойму местных профи попал Алексей Ефимович Сотников. В декабре 1947 года его кандидатура была одобрена на должность главного редактора издательства.

Обладая недюжинной энергией, Алексей Ефимович не только с увлечением окупился в издательские дела, но и на голом энтузиазме, используя ад-

1950 год. Редакция «Сталинской смены»

министративные рычаги, взялся за создание при издательстве литературного объединения.

Это дело ему, конечно, зарубили. Причина проста – литобъединение уже работало при «Алтайской правде». Но Алексей Ефимович, человек опытный и находчивый, зашел с другой стороны.

Если на создание литературного объединения требуется разрешение вышестоящих органов, то на проведение обыкновенных литературных встреч, никого и ни к чему не обязывающих, никакого разрешения не нужно.

Таким образом, он стал проводить в издательстве еженедельные «Литературные четверги». И большинство членов из газетного объединения легко переметнулись на заседания в издательство.

Причин перевеса «Четвергов» было много. Самая основная, наверное, та, что раз работа над рукописями ведётся в издательстве, то и протолкнуть её в печать отдельной книгой будет легче.

Так считали многие, но это было ошибочное мнение.

Ещё было внове, что Сотникову удалось наладить хорошие отношения с членами Союза советских писателей и завлекать их к себе на заседания. А кому же из начинающих литераторов не хочется пообщаться с членом ССП и, возможно, показать ему свои творения.

Так, 9 декабря 1948 года в работе «Литературного четверга» участвовал Давид Маркович Хаит, личность на тот период известная в СССР. Он был лично знаком с М. Горьким, одну из его первых книг редактировал А. Серафимович. Повести Давида Марковича – «Мост» и «Бурьян», «Кровь» и «Осенний гром» (о лейтенанте Шмидте), романы «Полуостров», «Семья Бориса Брондеса» и «Алагирная улица» – были известны читательской аудитории, а потому и сам автор для начинающих был как бы небожителем.

В 1948 году знаменательным событием стал выход в издательстве первой книги стихотворений и басен М. Юдаевича «Друзьям». Правда, отпечатана она на газетной бумаге, карманного формата, без выходных данных, но – книга! Событие! Кстати, редактором сборника был Алексей Ефимович Сотников.

В 1948 году в литературный круг основательно вошли поэты Я. Шилин, И. Здоровенко и публицисты А. Баздырев и Б. Пасынков. Несколько позже на собрания стали ходить Н. Павлов, Д. Русанов, И. Зайцев, П. Бутурлакин.

В 1949 году руководство края приня-

ло решение упорядочить деятельность литературных объединений, студий, кружков. Для этого в Барнауле создали Алтайское краевое литературное объединение. Председателем назначили Марию Иосифовну Гришаеву – начальника краевого отдела по делам искусств. Разумеется, без освобождения от основной работы, так сказать, в качестве общественной нагрузки. В помощники ей был избран молодой, энергичный патриот-поэт, крестьянский сын, участник Великой Отечественной войны Иван Ефимович Фролов.

Нужно отметить, что краевое литературное объединение было наделено определёнными правами и возможностями. Например, организовывало творческие выступления, в том числе и с выездом за пределы города и края, решало вопросы перепечатки рукописей, снабжало писателей машинописной бумагой и прочее.

Так, в 1949 году в Новосибирске с 15 по 18 сентября проводилось совещание актива писателей Сибири. По решению ЛО от Алтайского края в его работе приняли участие Иван Фролов и Марк Юдаевич.

Ещё на ЛО лежали обязанности по рецензированию рукописей для альманаха «Алтай», работе с иногородними литераторами (начинающими).

По сути дела, краевое литературное объединение играло роль писательской организации.

Несколько десятилетий бытует легенда, что идея создать в крае отделение Союза советских писателей принадлежит И. Е. Фролову. Звучит она так: в 1951 году на Втором Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве Иван Ефимович во время выступления сказал, что на Алтае много талантливо пишущих людей, и поставил вопрос о создании в крае отделения ССП. Председательствующий на совещании А. А. Сурков, мол, прервал его выступление репликой: «Это совершенно необходимо!»

На самом же деле всё было по-другому. Совещание молодых писателей в Москве в марте 1951 года действительно проходило, Фролов в нём участвовал, и слово ему предоставляли. О создании отделения ССП в конце выступления Иван Ефимович сказал так:

– Алтайская партийная и комсомольская организации, а также молодые писатели Алтая считают, что назрела необходимость создать в Алтайском крае отделение союза писателей...

А. А. Сурков:

– Товарищ Фролов, уже мы решили

ними. Напротив, стухли тучи. Мать недаром охала и предупредила свою ненаглядную Анечку, что Андрей от неё уйдёт.

И правда, он вскоре повстречал Машу, брюнетку с пышными формами. Любительницу суши и мороженого. Познакомились на каком-то деловом фуршете. Реклой текло шампанское, а присутствующим подавали бутерброды с колбасой и сыром.

Спустя пару месяцев после того, как Анна стала строгой веганкой, бизнесмен окончательно променял её на Марию в туфельках из натуральной кожи невинно убитых животных.

Несколько недель Анна по ночам рыдала в подушку. Потом смирилась.

– Мы – очень разные люди и нам не по пути, – убеждала она саму себя.

Решилась и отправилась в самую вегетарианскую страну мира – Индию.

Цветущий Дели и старинный мавзолей Тадж-Махал привели её в восторг. А добравшись до Гоа, русская девушка пожалела, что не может остаться там навсегда! Ласковое индийское солнце, пальмы и очаровательные обезьянки. Всевозможные бабочки. Птицы удивительных расцветок. А океан?! Анна в жизни не видела ничего чудеснее!

Питание? Только веганское, конечно. Вкуснейшие овощные пакоры, самосы. Рис с приправой карри. Фрукты в изобилии. Манго, бананы.

Анна читала книги Салмана Рушди, известного индийско-пакистанского писателя, переселившегося в Англию. И сочинения ироничного гуру Ошо.

Нечего привязываться к прошлому. Верно?! Надо искать новое, яркое

и тёплое. А с Андреем было холодно. Он не смог или не пожелал её понять.

В Россию молодая веганка вернулась с блестящими глазами, возрождённая. Она, наверное, была самым счастливым человеком во всём аэропорту Шереметьево. Привезла маме индийскую посуду и украшение в подарок.

Как-то раз Анна встретила Андрея около торгового центра. Он шёл вместе со своей пышкой Машей. Андрей и сам заметно поправился. Мария завлекла его не только в свою постель, но и на кухню. Жареная курица, картофель с рыбой, майонез сделали своё дело.

Анна смерила взглядом оплывшую фигуру бывшего возлюбленного и упорхнула мимо.

Она продолжает работать парикмахером и верит, что в один прекрасный день встретит свою настоящую любовь. Тоже вегана. Или хотя бы вегетарианца.

📖 Ты спрашиваешь:
как попасть в журнал

«ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СРЕДА»

✈ Приходи к нам в клуб:

в четверг с 17.00 до 20.00

🕒 Уточни время по телефону:

☎ 8-933-311-3661

И да пребудет с тобой удача!

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

Надежда Доронина

Веганка

Без мяса и рыбы весёлая кареглазая блондинка Анна обходилась уже два года. Просто вегетарианствовала. И вот теперь решила жить без молока, любимых некогда йогуртов и сметаны. Яйца тоже под запретом. Анна стала веганкой! Тотальный отказ от всех продуктов животного происхождения!

– Не дури, – говорила ей мать. – Откуда организму брать необходимые вещества? Белки?

– Мама, я принимаю витамины специально для веганов! – Анна беззлобно посмеивалась над упёртой в своих убеждениях матерью. – А белков достаточно в сое, бобовых и хлебушке.

– Ну посмотри на себя! – вздыхала мать, подталкивая дочку к большому зеркалу в прихожей. – Худая стала, как палка!

– Я отлично выгляжу! – улыбалась любительница яблок и манго. – Пять лишних килограммов за два месяца скинула.

– А что Андрей? – задавала мать коварный вопрос.

Речь шла о молодом человеке, с которым Анна недавно познакомилась. Успешный бизнесмен, тридцать один год. Своя фирма. И крупная!

А кто такая Анна по сравнению с ним? Сказать смешно. Парикмахер в скромном салоне. Наверное, самом маленьком во всей огромной Москве. Но ей нравилась её работа. Улыбки на лицах модно подстриженных женщин и мужчин.

Она старалась поднять настроение каждому клиенту. Доброе слово, комплимент, капелька внимания. Чтобы человек почувствовал себя красивым и нужным. Анна будто освещала собой салон.

Однажды, в солнечный весенний день, на стрижку явился Андрей. Стройный и довольно высокий, рыжеволосый. В очках. Познакомились, обменялись номерами телефонов, стали встречаться.

Вместе посмотрели фильм «Земляне» об эксплуатации живых существ.

Андрея сцены насилия ничуть не ужаснули, Анна же плакала, как ребёнок.

– Глупости, Анюта, – заявил Андрей. – Хватит реветь! Тебе уже не пять, а двадцать пять лет! Люди выращивают коров, коз и овец тысячами. Разводят кур. И планета, между прочим, до сих пор цела.

– Нет, так жить нельзя! – восклицала потрясённая увиденным Анна. – Каждый веган помогает спасти этот безумный мир!

– Ты что, не хочешь родить здорового ребёнка? – угрюмо спросил Андрей. Холодом обдало от его взгляда.

– У веганов могут быть здоровые дети, – сказала Анна, оробев. – Я абсолютно в этом уверена!

– А я, мягко выражаясь, не очень, – буркнул Андрей.

Они попрощались, будто чужие.

Потом, правда, произошло примирение. Андрей подарил Анне букет её любимых лилий. Но отношения теперь нельзя было назвать безоблачными.

в Союзе писателей вопрос о создании отделения на Алтае.

И. Е. Фролов:

– Очень хорошо! Тогда мне нечего говорить, если решен вопрос...

Этому предшествовало вот что: в середине февраля В. И. Трушин направил в секретариат ССП СССР письмо с просьбой помочь создать в крае отделение ССП СССР. Просьбу на секретариате обсудили и поддержали, о чём и сообщили В. И. Трушину в письме, отправленном 12 марта 1951 года. Фролов просто об этом не знал. Когда письмо пришло на Алтай, он был уже в Москве и с трибуны 21 марта всего лишь озвучил желание крайкома.

Вот так в действительности решался вопрос о создании отделения ССП на Алтае.

В апреле того же 1951 года, получив ответ из ССП СССР, Исполнительный комитет Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся 28-го числа принимает решение за № 326 «Об организации Алтайского краевого отделения Союза Советских писателей СССР».

Заострим внимание на том, что решение ещё не есть создание организации. Время было жёсткое – послевоенное, страна бросила все силы на выход из разрухи, и основное направление финансов, естественно, было на развитие народного хозяйства и промышленности. Экономика в те годы была

Госплан, Государственная штатная комиссия никогда бы не пошла на скоропалительное одобрение создания бюджетной организации в середине года.

Давайте рассмотрим все по порядку. 28 апреля 1951 года принято решение о создании отделения ССП с двумя штатными единицами – ответственный секретарь и секретарь-бухгалтер. Где взять штатные единицы? Только за счёт внутренних ресурсов, другого варианта не дано. Решили этот вопрос за счёт сокращения двух инспекторов отделов культпросветработы аймаксполкомов Горно-Алтайской области. Это дело не одного дня и даже месяца.

Далее. Для создания отделения ССП СССР нужно провести организационное собрание, на котором обязательно должен был присутствовать представитель секретариата ССП СССР. Но и это ещё не всё. Для создания отделения ССП должно быть... Положение о краевых и областных отделениях ССП СССР! А его-то не было!

Но об этом же открыто не скажешь, и потому секретариат начинает тянуть время – на Алтай на имя И. Фролова (заместителя председателя краевого литературного объединения) из правления ССП приходит письмо (датировано 10 мая 1951 года), в котором зав. отделом кадров ССП СССР Н. Жданова уведомляет, что «для проведения организационного собрания писателей Алтайско-

Сидят: П. Огнев, И. Ефимов, Н. Благонигоб, А. Жаров, Б. Аверченко, М. Лушанов, К. Козлов. Стоят: А. Шестakov, М. Югалевиц, И. Фролов, М. Длуговской. 1948 год.

ях ССП СССР». Положение было принято на заседании секретариата ССП 21 июня 1951 года. А ближайшим месяцем приезда представителя ССП СССР оказался ноябрь.

Ещё одной причиной, сдерживающей создание отделения ССП на Алтае, являлось отсутствие членов ССП. Фролова приняли – хорошо. Но один человек не является основанием, а потому Н. С. Тихонов (заместитель генерального секретаря ССП СССР) попросил В. И. Трушина (ещё в марте 1951 года, до принятия в ССП И. Е. Фролова) подыскать на Алтае среди начинающих литераторов какого-нибудь серьёзного писателя для принятия в кандидаты в члены ССП СССР.

Этот вопрос обсуждался на неофициальном заседании крайкома, и определили только одну кандидатуру – Н. В. Павлова, который подходил по всем параметрам: участник войны, имеет высшее образование, на заводе в почёте, активный общественник, в издательстве подготавливалась к печати его книга.

На заседании президиума ССП СССР, которое состоялось 7 мая 1951 года, Н. В. Павлов был принят в кандидаты в члены ССП СССР.

Организационное собрание писателей Алтая состоялось 24 ноября 1951 года. В его работе приняли участие не только активисты, представитель ССП СССР, члены крайкома и крайисполкома, но также представители книжного издательства, газет «Алтайская правда» и «Сталинская смена», краевой библиотеки и представители других учреждений культуры. С подачи заведующего отделом пропаганды и агитации краевого комитета ВКП (б) В. И. Трушина и поддержки представителя ССП ответственным секретарём Алтайского отделения ССП СССР единогласно был избран И. Фролов.

Де-факто отделение было создано. Но де-юре оно ещё не начало жить. И вот почему.

На следующий день, 25 ноября, И. Фролов уехал в Москву на III Всесоюзную конференцию сторонников мира и совещание секретарей област-

ных и краевых отделений ССП. В Барнаул он вернулся во второй декаде декабря и рьяно взялся узаконивать отделение, но ввиду полного отсутствия знаний и опыта, он сам признался в этом в Москве: «...Скажу откровенно, что я не имею совершенно опыта руководства отделением Союза писателей и, безусловно, я нуждаюсь в помощи...», дело застопорилось.

Оказалось, что нужны Устав и доверенность из ССП СССР. Эти документы подошли в третьей декаде декабря, и Фролов сразу же отписывается в Москву: «...На днях откроем в Госбанке счёт... Составлен перспективный годовой и квартальный план работы отделения. Сегодня его утвердим на бюро. Горисполком выделил нам пару хороших комнат в помещении Горпартакбинета. Это в самом центре города, рядом с редакциями Краевых газет и издательством...»

В это же время И. Фролов обратился к начальнику краевого управления милиции за разрешением на изготовление штампа и печати для отделения ССП.

И вновь получилась осечка, потому что его обращение, без визы крайисполкома, даже к рассмотрению не было принято.

Нужно учесть, что, когда приносили заявку на изготовление, её не сразу брали в работу, а ставили в очередь. Визу верхов получить также было нелегко – чтобы заказать печать, нужно иметь сейф, который, в свою очередь, просто так каждый желающий не мог купить, да они в свободной продаже и не имелись.

Словом, дело затянулось до начала 1952 года. Все необходимые документы были согласованы, подписаны и утверждены (в том числе и штатное расписание, и сметы) только 18 февраля 1952 года. А финансирование отделения ССП СССР началось с марта 1952 года. Получается, что де-юре отделение ССП начало функционировать с 1 марта 1952 года.

Первое помещение Алтайского отделения ССП СССР находилось в Барнауле в доме №40 на ул. Республики. Сейчас это дом №40 на ул. Ползунова.

Из поэмы «Волк и лиса»

***

Рыб добывший человек,
молчалив, суров, упрям,
хлещет одр и давит снег,
путь ухабист, долог, прям.

Он повытащил на свет
из тьмы, холода воды
рыбу красную и нет,
рыбу чёрную беды,

рыбу с белыми костями,
пучеглазую глубин,
рыбу времени зимы,
рыбу-мать и рыбу-сын,

рыбу неба и земли,
рыбу мёртвой тишины.
Не путём их увлекли
сети вверх, прервали сны

рыбьи, вещице; затем
им зима, густа вода,
чтобы смерть заспать совсем,
не проснуться никогда.

***

Еду, дорожка тряская,
дрыг да дрыг,
досточками телега лязгая,
прыг да прыг.

Долог наш путь с пригорками
снежных глыб –
ох, и накормят мертвую
тыщи рыб!

***

Ловись, рыбка малая – карасёк,
ловись, большая – сом из осок,
ловись, рыбка верткая – угорь-червь,
ловись, костяной да склизкий – хват-ёрш.

Пора ли, лисонька?
Терпи, волчок!

Налим-лежебок – разевай роток,
щука-сестра – зубом востра,
боярин Осётр – рыб пасёт,
Царь Кит – водой кипит.

Пора ли, лисонька?
Терпи, волчок!

Все плывите: большие, малые – все,
повиснуть грузом богатым на хвосте-лесце!
Голод, брат вещей, всех нас к себе зовёт:
волк голодает – и рыба средь толщи вод.

Пора ли, лисонька?
Тащи, волчок!

Из поэмы «Космическая одиссея»

***

На незримый точный путь
встали и давай лететь –
расстояний тёмных жуть
всю придётся одолеть.

Сколько там – не счастье – нулей
умножает суть числа.
Больше скорость. Время злей.
Даль безбожная светла...

***

Есть вероятность,
малая, но есть:

не мы,
так поколения потомков,
рождаясь, вырождаясь,
а дотянут
на обветшавшем нашем
корабле,
тончающем от тренья пустоты,
качающем пути свои, маршруты
среди созвездий
мёртвых, безымянных, –
дотянут до мест зланных,
мест богатых,
мест заповедных.
То-то будет радость!

***

Ночь полёта, ровный гул –
и откуда что взялось:
стаю новых звёзд спугнул
наш корабль, незванный гость

в этой бездне, пустоте,
где его проложен путь –
не дуга небесных тел,
а прямой, и не свернуть,

а придуман в тишине,
а рассчитан тем, кто сам
стигнул в дальней стороне,
нас пустил по небесам.

*Владимир Александрович Шнайдер –
прозаик, краевед, публицист,
член ОАКПО «Союз писателей России»
с 2003 года.*

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

Из поэмы «Конец истории»

***

Что было тут страны, народа, Бога?
В моей душе унынье и тревога.
Мир изнемог, в нем Бога устранили –
страна мертва, наказанная строго,
народ перемололи, перебили.

Неотличимо время, год от года.
Ликуй, моя последняя свобода,
напропалую – то есть уравнили
мы подвиг, подлость, мы толпой народа
врата прошли, вериги себе взяли.

Не те границы и не те устои –
всё спутано, как легкое, простое
небытие и бытие; их сроки
наставшие – ах, время золотое,
не о тебе ли хором все пророки?

Дмитрий Аникин СТИХИ

***

Когда-то было, что наша постылая – любовь? страсть? –
позволяла как-то по-другому, правильному пропасть,
а теперь спасены, живем, милая, в мерзости заустенья,
как твои на кухне прозябающие растения.

Было стыдно и глупо – но вот юность твоя такая,
истощилась, в истомах всяких изнемогая,
вот моя верность – вдвоем их (представь!) видали,
пока совсем худые, последние времена не настали.

***

Всё, что было, пока оставалось, –
память лёгкая, память моя...
Что внушало тоску или жалость,
неуверенность в снах бытия.

Неужели свелось всё, решилось
просто-запросто, в истине – вот
вам, несчастные, полная милость,
избавленье от частных забот?

Вот любви Божьей полная чаша –
пей, не бойся и больше не плачь.
Все, что кончилось, было не ваше,
жизнь – ничья чередя неудач.

Валерий Копнинов

Путешествие к себе

(почти субъективные заметки
о сборнике прозы
Сергея Шаргунова
«СВОИ»)

Человеческая память услужлива
и верна, и верность её сродни верно-
сти собаки. Но даёт ли это соотноше-
ние человеку хоть малейшее превос-
ходство над собственной памятью?
Ни в коей мере.

С памятью необходимо жить в ладу.
И это труд. Но труд необходимый.

Память, впитывающая всё, как губ-
ка, позволяет (а порой заставляет) заново
проживать минувшие события, об-
лекая их в слова, тем самым привнося
в минувшее оценки сегодняшнего дня.
Проще говоря – растворяет жизненную
правду в правде художественной.

«Дико устроена память. Что-то ка-
жется мелким и неважным, а ты всё рав-
но возвращаешься к этому драгоценно мер-
цающему сору. В моем владении много лю-
дей – живых и мертвых, много драматич-
ных сцен и ничкёмных сценок...» – с это-
го признания (предвкушения, предва-
ряющего погружение в реку времени)
начинается книга Сергея Шаргунова
«СВОИ». Труд его памяти.

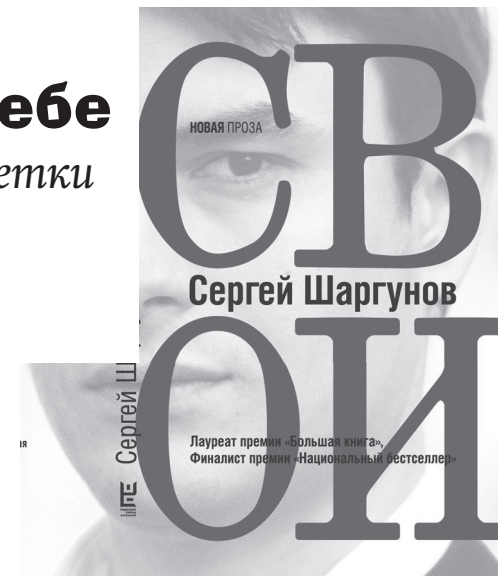
«Свои» – слово ёмкое, значимое, эк-
зистенциальное. Из совокупности де-
сятков, сотен ведомых (и неведомых)
«своих» и состоит человек.

И ещё: «свои» – это сложные взаимосвя-
зи, параллели, союзы, что образуют
из миллионов частных жизней и об-
щество, и само государство. А история
государства – есть не что иное, как де-
ятельность «своих» во времени и про-
странстве.

В одной, к сожалению уже подзабы-
той, песне рефреном звучит вопрос:
«С чего начинается Родина?» Вопрос
не праздный, обязательный. Вопрос
идентификации личности. По нынеш-
ним временам – вопрос на засыпку.

Для Сергея Шаргунова Родина начи-
нается со своих, с кровных. С героя Бо-
родинской битвы Николая Русанова,
покорителя Севера Владимира Русано-
ва, классика кинематографа Сергея Ге-
расимова, фанатичной большевички
тёти Мураши, сына Вани...

Равно как и с иконы святого Сергия
Радонежского, подаренной Анастаси-

ей Цветаевой в день крещения, с благо-
словения отца Александра Меня после
причастия, со штурма снежной крепо-
сти в вологодской деревне, с девушки,
которую по-юношески робко целовал
в московском дворе, с перестроенного
шестьлетия на Крымском мосту...

«Это проза очень личная. О родных,
о любви, о памяти...» – поясняет Сергей
Шаргунов.

Родные. Родина.

Свои – ближний круг, средний, даль-
ний... Как годовые кольца дерева. Ро-
дового древа. У каждого своё количе-
ство колец – столько, сколько человек
способен осознать. И чем шире его осоз-
нание, тем крепче стоять ему на зем-
ле. А покачнувшись вернуться
«на круги своя» вновь придаст необхо-
димую устойчивость.

По такой задаче – трудно не впасть
в пафос (почти как в ересь). И всё постро-
ение книги «СВОИ» способно рухнуть
в одночасье, если убрать из повествова-
ния запредельную искренность автора,
искренность самой высокой пробы.

Сергей Шаргунов не просто раскры-
вается, он словно препарирует себя,
стремясь показать самую суть челове-
ческой природы (что по образу и подо-
бию), индивидуальность собственной
природы (и породы).

А максимальная открытость плод-
овита озарениями: «Ты хочешь эту жен-
щину в жёны, ты хочешь от неё ребенка,
ты знаешь, что однажды умрёшь. В мире
есть нечто большее, чем ты сам. Ты спо-
бен стать больше себя. Выходишь за свои
границы». Автор делится сугубо личным,
сокровенным, побуждая вспомнить,
что мир, он не только материален –
мир ещё и духовен.

Но духовность – тонкая материя,
а где тонко, там и рвётся.

Мир как традиционное общество усилиями самого человека приходит в упадок. Осуществив поворот от божественного к земному (для людей шепетильных – агностиков, а тем паче атеистов, можно сказать иначе: поворот от духовного к материальному), человек вынужден перерождаться, встраиваясь в общество потребления, и в процессе этой интеграции человек неуклонно трансформируется из субъекта – в объект потребления.

И, если на то пошло, дело не в том, молится человек или нет.

Дело в том, что человек, не имея духовной составляющей (в виде церковных догматов или традиционного светского уклада) как точки опоры, принимая новые ценности постмодерна (где не только Бог упразднён, но и сам человек упразднён – он не самостоятелен), при современном цивилизационном состоянии (цифровизация, возможность за считанные часы переместиться в любую точку земного шара – и это неумолимо совершенствуется) утрачивает время и пространство как таковые. А вследствие того Homo sapiens постепенно теряет и экзистенциальную возможность к самоидентификации (да и необходимость таковой: нет человека – нет проблемы!). И когда это произойдёт окончательно и бесповоротно, мир переродится, исчезнет (мир внутренний и мир внешний – сообщающиеся сосуды).

Ну чем не конец света?

И было бы это смешно, не будь так грустно.

Закономерен вопрос: что может данный сборник малой (!) прозы Сергея Шаргунова (равно как и иная современная литература) тому глобальному помешательству противопоставить?

А вот – может, и может многое! Хотя ныне государственная политика в отношении литературы... да, собственно говоря, отсутствует (да и откуда ей взяться при отсутствии идеологии), но литература продолжает оставаться вакциной против мракобесия и жлобства. Не вся, конечно, – малая часть. И значит – литература может, более того – должна!

«Именно в этом измерении, в сфере искусства, соединяются минувшее и настоящее, вечность входит в быстротечный бег времени» – и это не соломинка утопающему, это – размышления о мировой духовной культуре отца Александра Меня.

Там, где миром правит духовная культура с пониманием человека своей сопричастности к вечному (те са-

мые круги своих: ближний, средний, дальний – годовые кольца родового древа) и одновременно с признанием им (человеком) собственной малости на фоне вечного, – там человек великому предстоит. И формула этого предстояния до гениальности просто сформулирована Иммануилом Кантом: «Две вещи наполняют душу всегда новым и более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звёздное небо надо мной и моральный закон во мне».

О том и речь! «Звёздное небо» и «моральный закон». И это не метафора, тем более не мем (выражаясь современным языком) – это жизнь (на стыке правды жизни и художественной правды) героя книги Сергея Шаргунова: «Однажды, уже молодым мужиком, оказавшись на Вятке, я облапал тёмные шоколадные бревна родового дома, спокойно выдержавшего сто лет – возле него на фотографии сидел мой отец-мальчиш, – и ощутил отраду, как будто какая-то важная и потаённая часть меня скучала по этим стенам. Я прижался к бревну скулой, вдыхая стариконный запах, и средь бела дня сквозь тонкую глубокую расщелину на миг узрел чёрную бесконечность космоса и мерцание бесчисленных звёзд».

В России в традиционной геометрии дома никогда не пустовал красный угол, отведённый от века под святыне образа. Святыне образа сменил портрет Сталина, затем место генералиссимуса занял Юрий Гагарин, а космонавта номер один заместил Владимир Высоцкий. Кто же там сейчас-то? Ах да, телевизор.

Но верится, что рано или поздно всё вернётся, всё опять вернётся. Вы понимаете, о чём я? Всё о том же – о вечном!..

Всё о том же – о вечном размышляет герой Сергея Шаргунова, герой, свершающий путешествие к себе и на этом нелёгком пути открывающий миры – «звёздное небо» над головой и «нравственный закон» в себе.

Это не беда, что миры те открываются не сразу! Не беда, что раба из себя возможно выдавливать лишь по капле. Не беда, что познание дозируется микроскопическими порциями – не более одной серебряной ложки за приём.

«Что за ложка такая?» – спросят те, кто книгу «СВОИ» не читал.

Фамильная серебряная ложка – объективная реальность, данная нам автором в ощущении: «Она то лёгкая, то тяжёлая. То обожжаемая и верная, как часть рода, как продолжение тела,

Нам жизни нет во вне

Привыкли люди всё ругать,
А это не резон.
Влюблён я в горы и в луга,
Природой опьянён.

Вглядись дотошно, не спеша –
Ну, если не дебил –
Везде природа хороша,
Вот где бы ты ни жил.

Пойми, что рай здесь, на земле,
И правит Бог душой,
И жизни нет нам там, во вне,
Хоть космос и большой.

Тебе три года, дочка

Тебе три года.
Время не считаешь,
А можешь лишь
на пальцах показать.
О том, что будет,
тоже не мечтаешь –
Тебе совсем не интересно знать.

В разгаре лето,
солнце ярко светит,
А мы идём по тропке вдоль пруда,
Что будет завтра,
вряд ли кто ответит,
Но это лето с нами навсегда.

Утятя с мамой плавают кругами,
Высоко в небе коршуны парят,
Цветок поник,
раздавленный ногами,
Ручьи о чём-то с камнем говорят.

А в сердце штиль
и бабочки порхают,
Прогулку буду помнить много лет.
Ручонка дочки
пальцы мне сжимает –
Приятней ощущения и нет.

Устали ножки, посадил на шею,
В восторге бьёт ногами по груди,
А я стою, и сдвинуться не смею,
И грудь,
как звонкий колокол,
гудит.

Прогулка та все сорок лет со мною,
Как самый яркий в жизни эпизод,
Событий сотни
пронеслись стрелою,
Но ярким пятнышком
остался этот год.

Вместе с домом мы стареем

Старый дом кряхтит ночами,
Будто бабушка больной,
Зябко поводя плечами,
Ковыряя снег ногой.

На заре тихонько стонет,
В окнах стёкла дребезжат,
Он в снегах по пояс тонет,
Как в тиски, в сугроб зажат.

Он и я весною бредим,
Чтоб погреть свои бока,
С ручейками ждём беседы,
Но мороз и снег пока.

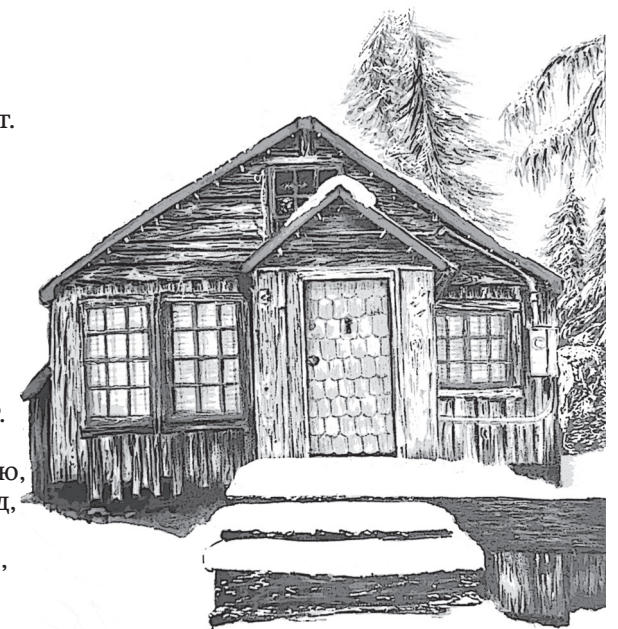
Вместе с домом я старею,
Вместе с ним кряхчу зимой,
Наши кости печкой грею,
Он – товарищ дорогой.

Уж полвека, как мы вместе,
Лечим недуги вдвоём.
Было время, я невесте
Преподнёс на свадьбу дом.

Нас покинула невеста,
Побывав чуть-чуть женой.
Одному мне много места,
Но не надо мне другой.

Очень скоро нам расстаться
Предстоит – закон судьбы.
Организм начал ломаться,
Домик тоже – нет трубы.

Унесут меня к погосту,
Домик спилят на дрова.
Всё сторит, сгниют и кости...
Вспомнит ли о нас молва?

СВОБОДНЫЙ
МИКРОФОН

***

Остались где-то на задворках,
А жизнь вокруг кипит, бурлит.
Сидим, как суслики в каморках,
То там, то тут – везде болит.

И внуки навещают редко,
У молодых свои дела.
Не кликнешь внучке:
«Тянем репку!»
И репка уж переросла...»

Вот так и канем
в вечность, молча.
Могила зарастёт травой,
И будет вой
там слышен волчий,
Да след оставит
кто чужой.

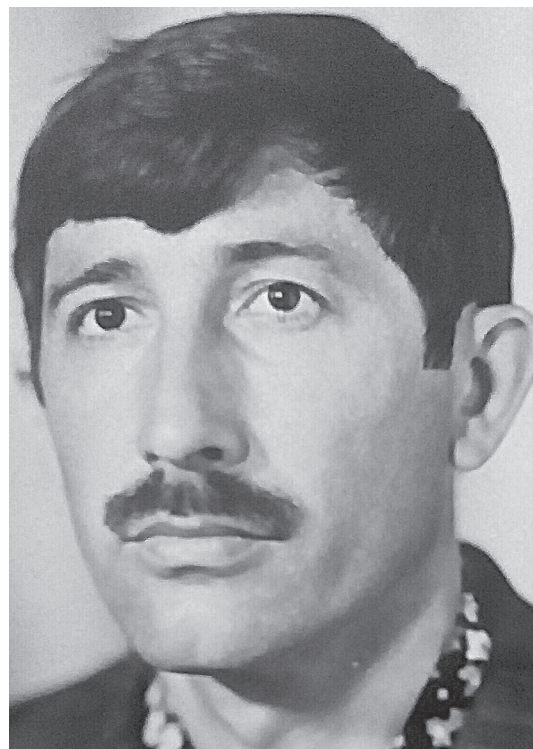
Иван Усатов
СТИХИКрутила пряди
вам метель

Подружки милые мои,
Берёзки разлюбезные –
Красивы, что ни говори,
Простые, не помпезные.

Ах черт возьми, завяз в снегу,
Хотел ведь вас
с весной поздравить,
Да вот, пробраться не могу,
Придётся эту мысль оставить.

Всю совесть потеряв, зима
Нас утром встретила метелью,
Пооди, не рада и сама,
Связавшись с этой канителью.

Уж краем выглянул апрель
И гнёздышко свила голубка,
Но крутит пряди вам метель,
И снежная сверкает шубка.

***

Нам созвездий не хватило,
И спихнули нас в одно...
Ты и я – мы раки – мило,
Но нам было всё равно.

В раз судьбину разделили –
Поровну досталось всем.
Вправо, влево, вспять рулили,
Создавая воз проблем.

Расползлись бы ракам задом,
Да одна клешня быстрее –
Вновь сойдёмся, буду гадом,
Утром ранним у дверей.

Мне начертано судьбою
Видеть в зеркале тебя.
Заражён мой мозг тобою,
В плен тебе сдаю себя.

то злоеющая, чужая, самодостаточная,
будто из какого-то неизвестного алхимического сплава.

В её тусклом зеркале, в её зыбком свете –
слишком много...

Оглаживаю выпуклые узоры черенка,
и каждый раз, как слепцу, мнится разное:
корабль с мачтами и парусами, дворец
в языках огня, гибкая фигура танцовщицы
с обручем на бёдрах.

Есть ли память у этой благородной светлости?
Может быть, все встреченные краски
и события она хранит, как флешка?

Прикладываю черпало к уху, накрыв целиком,
и слушаю шум, наверное, собственной
крови, но хочется раствориться в нём,
представляя, что это торжественный
церковный хор, или плач полярной метели,
или рёв толпы на площади, или летит
над Замоскворечьем отзвук сирены, слы-
ваюсь с нарастающим гулом «юнkersов»...

Фамильная серебряная ложка – это
фактически действующее лицо в сборнике
«СВОИ», одна из «своих», путеше-
ствующая от ближнего круга к дальнему
и обратно.

Фамильная серебряная ложка – это
и образ памяти, и символ времени,
и ценность, легко трансформирующая-
ся из материальной в духовную.

И в данном контексте фамильная се-
ребряная ложка – верный способ со-
отношения внутреннего мира героя
с внешним миром, надёжный инстру-
мент экзистенциального питания.

Можно было бы на этом поставить
точку – вот такой он, герой Сергея Шар-
гунова: экзистенциальный, выпестован-
ный из собственного я... Но автор
делает ещё один шаг, неожиданный шаг,
способный заставить нерасторопного
читателя зазеваться и от повествования
отстать (или совсем из повествования
выпасть).

Ещё раз приведём пояснение ав-
тора, только в этот раз процитируем
до конца: «Это проза очень личная. О род-
ных, о любви, о памяти. О русской глубинке
и далекой чужбине. Свои – образы, мыс-
ли, люди. От статиста из телевизионной
массовки до одиночки, стережущего в тайге
взлётную полосу. И даже наглый депутат-
толстяк и робкая северокорейская офици-
антка. Все – свои. Потому что всех жалко».

Без «подготовки» читателя автор пе-
реходит от героя «я» к герою «мы». Но
есть нечто, дающее возможность не от-
торгнуть этот приём, не сойти с круга
«своих» – отождествление автора с геро-
ем «мы», как было раньше с героем «я»,
выраженное в приязни, в желании по-
нять и вписать в круг «своих».

Это труд, нелёгкий труд.

И перевоплощение авторского «я»
в обобщённое «мы» читатель сможет
анализировать: где «мы» («я» – за скоб-
ками) в те дни, когда земля уходила
из-под ног (в любви или на войне), со-
гнулись, а где сохранили спину пря-
мой. Где были храбры, а где дали сла-
бину. Где руководствовались разумом,
а где поддались эмоциям. Где мы при-
шпиливали жука булавкой по праву эн-
томологов высшего порядка... а где (де-
лая выводы и задавая вопросы), и глав-
ное – когда, условный жук-постмодерн
пришпилит булавкой нас?

Всё меньше в обществе доверия, по-
нимания, прощения. Всё чаще, слов-
но на боевых курсах, работает опозна-
ватель «свой – чужой». И «чужие» опре-
деляются активно и с готовностью.
Что это если не внутренний раскол,
от которого страна в лучшем случае ста-
новится обездвиженной (в состоянии –
лебедь, щука и рак), а в худшем случае –
движется к гражданской войне?

Но в такой войне по обе стороны
баррикад – свои. Или уже нет?

Свои! На том Сергей Шаргунов стоит
твёрдо: «У нас вечно противопоставляют
целесообразность и человечность, государ-
ство и личность, Родину и свободу, отцов
и детей. Если не вырвемся из примитивного
конфликта, остаётся барахтаться в то-
ске самоистребления, где вроде и те правы,
и те, а куда податься – непонятно. У меня
сильна надежда на то, что полюса могут
смыкнуться не в очередном безумном про-
тивоборстве, а общего дела ради».

В понятиях «жизненная правда»
и «художественная правда» Сергей
Шаргунов делает явный акцент на сло-
ве «правда». Потому как для него (лите-
ратора и гражданина в равной степе-
ни значимости) правда – не составная
часть термина, не пустой звук, правда –
это ответственность и честь.

Писателю (и гражданину) Сергею
Шаргунову недостаточно растворять
правду жизни в художественной прав-
де, помешивая серебряной ложкой, –
ему крайне важно не отойти от правды,
той правды, что тождественна нрав-
ственности, как утверждал Василий
Макарович Шукшин.

Крайне важно всё то же великое
и вечное-вековечное, позволяющее
человеку твёрдо и основательно сто-
ять на земле: «звёздное небо» над голо-
вой и «нравственный закон» в себе, ради
чего и существует литература. Литера-
тура – по большому счёту. Литерату-
ра, что продолжает служить вакциной
от мракобесия и жлобства.

ГОСТЬ НОМЕРА

Борис Бондарев
СТИХИ

Я бы отдал всё на свете

Очарованные дали,
Синегорье и стога.
Песней в памяти запали
Сенокосные луга.

Та хрустальных вод прохлада
Из таёжного ключа
И коров мычащих стадо,
Свист пастушьего бича.

Ах, как было бы привольно
Резво прыгнуть на коня,
Припадая к гриве чёрной,
Ветер в поле догонять!..

От покосных дел уставши,
Повечерять у костра
И, под говор задремавши,
Юркнуть в сено до утра...

За туманные рассветы,
За родную сторону
Я бы отдал всё на свете,
Только вот – мечтой живу.

На сенокосе

Вдали расплывчатый лесок,
Сосна свечой уходит в небо,
Луной окрашенный висок
И руки, пахнущие хлебом.

Глаза напротив горячи,
Аж брови угольные гнутся,
Позвали шёпотом в ночи
К заветной тайне прикоснуться.

Стерней исколотый лужок
Охалку сена подстелил,
И жадных губ твоих ожог
Порывом сердце опалил.

Не позабуду никогда
Глаза, прищуренные мило,
Когда слетевшая звезда
Нас краем рая зацепила.

Уголок мой родимый

Я к тебе заглянул, уголок мой родимый,
Свежий ветер трепал мне волос седину,
Здесь берёзка с ветлой
моё детство роднили,
Птицы хором встречали весну!

Расцветала сирень, красовалась природа,
И посевы в полях зеленели вдали.
Закрепила здесь жизнь навсегда хлебороба
Ценным хлебом Алтайской земли!

Мой родной уголок – нет на свете милее,
На озёрной волне расплескался рассвет,
На просторы твои, вдаль гляжу я добрея,
И ловлю с гор ласкающий свет...

Я к тебе заглянул, уголок мой родимый,
Я с приветом всегда
прихожу в дом родной,
Ничего, что года мои стали седыми –
Для меня ты желанно-святой!

Чай

Мы бродили в майский дождь.
Бедняга,
Я продрог... Но занялся рассвет...
Ты сказала:
– Вот моя общага.
Может быть, на чай?..
Ответил:
– Нет...
Не узрел я взглядов агрессивных,
Чувство такта сдерживало прыть.
Огонёк в глазах твоих наивных
Гас:
– Беги домой, уж так и быть...

Мы давно не виделись. Однажды
С парнем мимо, под руку, прошла
И ввела в смятение. Я дважды
Оглянулся. Только ты была
В эйфории новизны. Вздохнул я.
– Всё! – подумал, как бы невзначай.
И себе сознался, что струхнул я
Зря, выходит – был не лишним чай...

***

Красивой зарёю пылает восход,
Над миром
красивое солнце
встаёт,
Красивых улыбок
раскрылись цветы,
Спешишь мне навстречу
красивая ты,
Вся в радужных звёздах,
девчонка-весна,
Волшебницей-феей
приходишь из сна.

Горячее сердце
торопит в полёт,
Красивая музыка
льётся с высот,
Красивые мысли,
простые слова,
Красивые песни
поёт синева.
С тоской их уносят
на юг журавли,
Над горем и счастьем
красивой Земли.

Красивые лица,
с красивой душой.
Не прочь и влюбиться
красивой весной,
Под солнечным парусом
с юной Адель
Уплыть за мечтою
в звенящий апрель,
Дарить ей букеты
красивых стихов.
Какое красивое слово –
Любовь!

Девчонка в веснушках

Воробьишки купаются в лужах,
Это значит – зима отступила,
И не будет навязчивой стужи,
Веток голых, торчащих уныло.

Это значит – грачи прилетели...
Но опять на мороз потянуло,
Где-то вновь прошумели метели,
Но весна днём слепящим шепнула,
Под шальные, разгульные трели,
Что она не отступит с порога,
Что капли опять заблестели,
Помрачнели снега по дорогам,
Что в замёрзших сердцах

тают льдинки,
И из глаз вытекают осколки,
Со слезою забытой пластинки,
И не будет холодных и колких
Слов, застывших на жгучем морозе,
В них оттают стихи и сонеты,
Бросив вызов задумчивой прозе,
И от спячки проснутся поэты.

Вновь смеются восторженно лужи,
Рады солнышку и воробьишкам,
Ручейкам из снегов неуклюжих...
Глазки строят
девчонки мальчишкам.

Пусть морозы! Спасибо, старушка,
За снега и седые метели,
Что бодрили, потом надоели...
С добрым утром,
девчонка в веснушках!

***

Месяц ведро насулил.
Дождь «из вёдер» месяц лил,
Продождив всё лето.
Вот и верь приметам.

ЖИВЫЕ СТИХИ

Владимир Лушков СТИХИ

***

Яблонь пышные букеты
И хрусталь весенних рос,
Золотистые рассветы
Я любимой преподнёс.

И пушистых ёлок лапки
После утренних дождей,
Куст сиреневый, в охапке,
И тюльпаны вдоль аллеи.

Первой зелени туманы,
Тополей смолистый дух.
И любви порыв желанный,
Что сердце коснулся двух.

***

Одеть бы тонкую натуру
в непробиваемую шкуру.
И никаких забот при этом,
Но не бывать уж ей поэтом.

***

Хорошо, когда дети спят,
Поперёк и повдоль постелей,
И родители не шумят,
Шёпот слышен их еле-еле.

Нет трезвона и не рябят
Пред глазами следы крушений...
Хорошо, когда дети спят,
В счёт грядущих больших свершений!

Ковид

Ночью проснулся – болит голова.
Боже, неужто проклятый ковид?...
Перевернулся в постели едва.
Ноют суставы, в ушах гул стоит.

Я ж исполнял все наказания врача,
Мыл руки с мылом и маску носил.
Он же подкрался, ударил сплеча...
И вот, лежу на постели без сил.

Только надеюсь на чудо чудес –
Может быть, счастье моё в ОРВИ?
Что мне ответит задумчивый тест?
Волю свою поскорей объяви.

***

Чем накормить теперь поэта?
Борщ, рестораны, на кэшбэк?
А может быть, пюре, котлета...
Поэт – он тоже человек.

Ничтожны радости поэта:
Ночь, тихий блюз и трепет век.
Душа его твоей согрета...
Поэт – он тоже человек.

Ничто не чуждо для поэта:
Ни всплеск жары, ни мокрый снег,
Ни холодной осени примета...
Поэт – он тоже человек.

***

Простил тебя я,
гость в судьбе несчастной.
Об этом без сомненья говорю.
Пропой с зарёю,
петушок горластый,
Но не сердись, что прошлое зорю...

Давненко

в предгорье я не был

Заря польхает в полнеба,
Искрится песок у воды...
Давненко в предгорье я не был,
Забыл цвет таёжной гряды.

Почуял хвою в перелеске –
Знакомый, волнующий дух.
Весенняя звонкая песня
Стряхнула задумчивость вдрут.

Играют по озеру блёстки,
Луч утренний гладит меня,
И в свадебном цвете берёзки
Лепечут мне, сердце щемя.

Давненко в предгорье я не был...
Здесь тихий, домашний уют,
Рассвет всё такой же –
в полнеба,
Приветливо
птицы поют.

Дымок завивает колечки,
И дремлют посева в полях...
Всё это моя, и навечно,
До боли родная земля!

***

Я уйду в берёзовые колки
И усну, уставший, на траве.
Будет петь мне
жаворонок звонкий
Высоко в небесной синеве.

И во сне возникнет,
словно в сказке,
Озеро за горною грядой.
С берегов глядят в него с опаской
Скалы, поднимаясь над водой.

Заливные сочные покосы
И дорога между мшистых скал,
В тишине косматые березы
И вдали пихтовый перевал...

Марево, как тень, парит над лугом,
Очертанье синих гор размыв.
И мотив забытой песни друга
Проплывает, голос изменив.

Вот слетелись косачи к закату –
На берёзы около реки,
И все так же, как и встарь когда-то,
Завершают скирды мужики...

Пахнет сеном и цветочным медом,
Облака тревожат белизной.
И душа сливается с природой
В этой благодати неземной.

Музыка природы

В разнотравьях майских
Расцвела калина,
Между гор Алтайских
Нежится долина.

Лег закат румяный
Греться на пригорке,
Запахом дурманным
Пропитались ёлки.

Шёпот перепёлки,
Зов кукушки в лето,
Жаворонок звонкий
Замирает где-то...

Песня закружила
Душу хороводом,
Нас заморозила
Музыка природы.

Забывший детства уголок

Здесь нет крыльца,
лишь камень серый.
Я за верёвочку тяну,
Со скрипом отворяю двери
В родную детскую страну.

На бревна, рубленные в лапу,
Сверая память, я гляжу,
С отметкой кошковых царапин
В ту дверь бесшумно я вхожу.

От русской печки запах хлеба
Парит под низким потолком,
В окне дрожит полоска неба,
На лавке – крынка с молоком.

Здесь нет ковров и нет серванта,
Две койки, на печи матрац,
Из репродуктора невнятно
Куранты бьют двенадцать раз.

И я, как будто бы украдкой,
Прошел сквозь память босиком,
Раскрыл измятую тетрадку,
Придвинул крынку с молоком.

Краюху хлеба отломил я,
Глотнул парного молока,
И вслед за мыслью молчаливо
Легла извилисто строка.

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Аржан Салбашев

Дед

Меня раздражало, когда он шамкал беззубым ртом. Меня коробило от того, как он смотрел на меня перекошенным правым глазом с воспалённым веком, стянутым к виску блестящими шрамами от ожога. Старческий запах и коричневые пятна на его морщинистом теле вызывали в моей юношеской ранимой душе чувство отвращения.

То, что он горел в танке в Отечестве, что он мой родной дед – всё это не могло заставить меня относиться к нему иначе.

Догадывался ли он о моих чувствах?

Наверняка. Так как я и не старался скрывать брезгливо-отвратное отношение.

Жена его – моя бабушка умерла, когда я ещё не родился. Они познакомились в госпитале, где дед отлеживался после очередного ранения. После войны они поженились, родился мой папа. Дед работал в совхозе трактористом, бабушка – на дойке.

Мне рассказывали, бабушка однажды сильно простыла, сердце не справилось с болезнью.

На войне – ни одного ранения, а тут...

Зато дед, весь штопаный-перештопаный, оказался стойким, как оловянный солдатик.

Когда я был совсем маленький, мы ещё жили в деревне, к нему каждую весну приезжали друзья, когда – несколько человек, когда – один-два. Такие же, как он: кривые и калеченые, кто без ноги, кто без руки.

Они пили горькую, пели песни, вели долгие разговоры, иногда – до утра.

Мне, сопливному мальчишке, тогда никто не объяснил, что они делали в нашей избе, почему всё время говорили и говорили, при прощании целовались, обнимались и лили слёзы. Да и вряд ли я тогда понял бы.

Одну из таких встреч я запомнил надолго, можно сказать – навсегда.

Мама нажарила гостям картошки и поставила как есть, в сковородке, в центр стола. Аромат стоял – на всю улицу.

Не сказать, что я был голоден, гости всегда приходили не с пустыми руками. Но в тот день на меня что-то нашло. Мне захотелось непременно отведать

жареной картошки, ничего другого.

Я ходил-ходил возле стола, ждал, когда дед догадается накормить своего внука, но по мере опустошения сковородки надежды мои на угощение таяли.

– Мне-то оставьте! – Отчаянный крик мальчика заставил мужиков умолкнуть.

До сих пор помню их виноватые взгляды.

Когда гости разошлись, дед ещё долго сидел один за столом.

– Эх, внучок, мал ты ещё, – качал он головой. – Они в боях жизнью своей рисковали, мою спину прикрывали, а ты им картошки пожалел.

Вечером, когда папа вернулся с работы, мама пыталась представить случившееся как недоразумение, но отец отлупил меня.

Наверное, после того случая я и не взлюбил деда.

Когда мы переехали в город, уже учась в школе, я всё ждал – когда же он умрёт: дед один занимал целую комнату, а мы с младшим братишкой ютились в соседней и спали на двухъярусной кровати.

Потом меня призвали в армию...

На караван моджахедов мы наткнулись неожиданно. Ни они, ни мы не ждали этой встречи.

Огромные валуны на дне ущелья, крутые повороты...

Отчётливо были видны бородатые физиономии, калашаи на плечах, ослы, нагруженные по полной.

Нашей разведроты дали приказ: найти трафик, по которому повстанцы получали оружие и деньги от своих кураторов, вот мы и нашли, на свою голову.

Радист Гриша Попов погиб первым. Душманские гранаты заставили навечно остановиться молодое сердце. Рацию, которую он не успел скинуть со спины, изрешетило осколками.

Вскоре смолк автомат рядового Сидоренко.

Досталось и нашему командиру – старлею Ефремову. Он тяжело привалился к валуну. Его хэбэшка от живота до сапог пропиталась бурой кровью. Посеревшее заострившееся лицо не выдержало эмоций.

Цитата:

За столом сидел мужчина в синем костюме, перед столом, ближе к Вадиму, стояло одинокое белое офисное кресло.

– Здравствуй, – сказал мужчина.

На вид ему было лет тридцать, или около того, – Вадим не очень-то умел определять нюансы среднего возраста. Морщин нет, фигура крепкая – тридцать, тридцать пять?

– Ну и зачем это надо было? – спросил он строго. – Тоже мне, штучки у вас: слегка долбанутые.

– Только слегка? – спросил мужчина, наигранно улыбаясь.

– Ну... такое, – сказал Вадим, неопределённо пошевелив плечами. – Не напрягает, но...

– А что тебя напрягает? – перебил мужчина.

– Меня? Да вообще ничего.

– Да ты садись, не бойся, – без улыбки пошутил мужчина.

– Да я и не боюсь!

Вадим фыркнул и плюхнулся в кресло.

– Может, учителя напрягают?

– Это я их напрягаю. – Вадим слегка покрутился в кресле, проверяя, какой у него «ход».

– Чем?

– Ну... – Вадим тяжело вздохнул, не зная, что ответить. Скажешь правду – неизвестно, куда вырулишь, а врать – долго и скучно. – Мне справку от вас надо, – решил он. – Любую. Что я – псих – тоже пойдёт. Матери всё равно некогда. Да и она знает, что я – не псих.

– Мать, значит, уважаешь?

– А почему бы вдруг нет? – нахмурился Вадим. – У матери – свой завод. Она рулит заводом, людьми, бабками.

– А учителя?

– Учителя ютубу не конкуренты. Рассказывают нудно. Даты все в гугле можно смотреть. Зачем это всё? – Он пошевелил пальцами.

– Что – «всё»?

– Ну... такое. Когда я должен слушать учительницу, которая даже рассказывать не умеет. Кто ей сказал, что она больше меня знает?

– Ну... Это серьёзное заявление. А доказать?

– Да влёгкую, – пожал плечами Вадим. – Ну вот давайте – эксперимент: она читает параграф и я читаю параграф. Ну и кто из нас больше знает – книжка-то одна? Вы, поди, в школе давно учились, а у нас – знаете, как сейчас? В учебнике – один ответ, а гугле – уже другой. Сведения устаревают каждый день.

– То есть школа не успевает за жизнью? Потому учителей уважать незачем?

– Ну... Не всех, – замялся Вадим. – Математика, например. Или русский. А литература, история... Ну вот при СССР – была страна, и наши же учителя её развалили. Ну и чему они научились? Как надо жить – это они теперь знают? Зачем весь опыт в учебниках по истории, если страну угробили? Значит, история не помогает: пыль, мрак, туфта.

– Хорошо излагаешь, – покивал мужчина.

– Хорошо – это если справку дадите.

– Дам. Только тест пройдёшь, и дам.

– Таки узнавать будете – псих я или не псих?

– Ну... такое, – нехорошо улыбнулся мужчина. – Надо ведь будет заключение писать, слова всякие умные.

Вадиму показалось, что хозяин кабинета исподтишка смеётся над ним. Но делать было нечего.

– Давайте свой тест, – сказал он.

– Сначала подпиши добровольное согласие на психологический эксперимент. А потом в другой кабинет пойдёшь. Там – приборы всякие сложные. – Мужчина пошевелил в воздухе пальцами, явно слегка придураясь.

Вадим посмотрел в направлении взгляда хозяина кабинета и увидел на столе бумагу и ручку.

Но ведь стол вроде пустой был???

– Пиши!

– А что писать?

– Я – такой-то такой-то, даю добровольное согласие на психологический эксперимент.

– В целях получения справки?

– Ну да, – согласился мужчина.

Вадим написал и расписался.

– И куда теперь?

– Вон в ту дверь.

Вадим оглянулся – дверь! Ещё одна! Справа от входа. Но когда он входил, никакой двери там точно не было!

Спину неприятно захолодило.

– Разыгрываете? – он смерил хозяина кабинета подозрительным взглядом.

– Да что ты, голая психология. Внимание и всё такое.

«Вот урод, – подумал Вадим неожиданно зло. – Сидит, кривляется. Знает, что мне справка нужна!»

– Да ты не бойся, – сказал мужчина уже откровенно ехидно.

– Да я вообще не из пугливых! – отгрызнулся Вадим и открыл дверь.

За дверью опять оказался тамбур.

«Тэк-с, – подумал Вадим. – Ща опять будет темно».

И не угадал.

Вторая дверь открылась сама, и он шагнул в ослепляющий свет...

О книге:

Однажды обычный или почти обычный старшеклассник Вадим волею судьбы (а может, и в результате происков коварных рептилоидов...) попадает на приём к психологу.

Вадим соглашается пройти непонятный тест, лишь бы получить требуемую справку. В результате, в компании ещё с тремя подростками, оказывается в очень странном месте с совершенно нестандартными тестами, больше напоминающими испытание на выживание.

События развиваются стремительно, следить за героями чрезвычайно интересно. Но это только верхний слой повествования.

Почти любое событие или явление в нашем мире имеет как минимум два измерения: внешнее, поверхностное, и внутреннее – подлинную суть.

На поверхности – это увлекательная история с живыми, реалистичными персонажами.

Однажды в их жизнь врывается нечто. И здесь мы почти незаметно перемещаемся с видимого, поверхностного слоя захватывающих приключений, на слой более глубокий, затрагивающий каждого из нас и весь наш мир в целом.

Что происходит с нами? Что происходит с человечеством? Агрессия, глупость и невежество, не терпящие инакомыслия; постоянно вспыхивающие локальные конфликты и войны. А что если это и есть оно – вторжение?

Что если вторжение – это вовсе не летающие тарелки, зависшие над замершими в ужасе городами, не огонь с небес, а тихий и незаметный захват сознания людей? Тут невольно подумаешь: а фантастика ли это или самая что ни на есть реальная реальность?

Отзыв:

«...Хорошая приключенческая фантастика. Герои – подростки 14-16 лет (и не все из них люди). В общем, натуральный youngadult.

Но несмотря на то, что я хоть и adult, но давно уже не young, оторваться от книги было практически невозможно – настолько увлекательно она написана.

Хочется отметить, что на фоне приключений и становления юных героев книга исподволь, ненавязчиво затрагивает целый ряд важных общечеловеческих проблем и ценностей.

Дружба и взаимовыручка, взаимопонимание и сотрудничество разных рас; умение прощать, дав второй шанс человеку, который тебя предал; конфликт поколений – и не только это».

Генри Лайон Олди (псевдоним украинских писателей-фантастов
Дмитрия Громова и Олега Ладыженского)

Слишком много мы видим совершенно необъяснимых с точки зрения естественной логики актов бессмысленной агрессии, слишком много примеров эмоционального оупения, вплоть до полной бесчувственности даже к собственным детям, слишком диким кажется безумное наступление невежества в век всеобщего образования.

Но не стоит думать, что раз так, то люди тут ни при чём. Автор ясно даёт понять: вторженцы захватывают тех, кто сам открывает им дорогу, тех, кто готов поддаться негативным чувствам, тех, кто не борется с ними.

Нельзя не задаться вопросами: способны ли мы сопротивляться, способны ли строить свой мир – внутренний мир, в котором будут не груды мусора и не липкая трясина, как в сознании людей, поработённых вторженцами, а что-то настоящее, цельное, ценное?

И способны ли мы отстаивать этот мир, оберегая его от натиска извне, а также – помогать тем, кто рядом? Видеть в них не только лежащее на поверхности и худшее, но и ценное зерно, спрятанное внутри, помогать этому зерну прорасти?

Так поступает Вадим, главный герой романа, когда оказывается в «одной лодке» с незнакомыми подростками, которым так легко навесить ярлык и «забраковать». Но каждый из них оказался способен расти, меняться, раскрывая внутренние резервы.

Перед героями не раз встаёт проблема морально-нравственного выбора, и порой она не имеет однозначного решения, поэтому следить за развитием событий вдвойне тревожно и интересно.

– Сержант, отводи ребят на исходную. Я прикрою. – Старлей вытер выгоревшей добела панамой пот с лица. – Ротному доложи обстановку. Пусть вызывает вертушки.

Распоряжения он отдавал будничным голосом, словно речь шла не об угрозе уничтожения нашей разведроты.

– Я вас не брошу... Я донесу... – крикнул он сквозь грохот боя.

– Серёга, это приказ! – сурово блеснул он узкими серыми глазами. – Скоро духи поймут, что нас – с гулькин нос, сметут...

Оставив старлею рожки с патронами и лимонки, под стрекот автоматов мы рванули назад, в лагерь, где рота численностью в двадцать штыков ожидала нашего отчёта по рации.

Скоро по наступившей тишине мы поняли, что командир погиб.

Размазывая слёзы по щекам и скрежеща зубами, мы поклялись отомстить за него...

Ротный, капитан Смыцкий, организовал оборону нашего лагеря, и мы ещё два часа до прилёта вертушек отбивались от душманов.

Сергей Матюшенко

Мятные пряники

Сколько лет прошло, а как увижу мятные пряники, вспоминаю случай в детском саду. А было мне в ту пору шесть лет...

День только начинается. Летнее солнце играет с нами, пробиваясь сквозь густую листву тополей. Мы шуримся и смеёмся.

Мы едим на веранде. Все сидят за столами по четверо, а я сижу вдвоём с Викой.

Мы съели кашу и пьём какао с мятными пряниками. Какао я люблю, а мятные пряники нет. Два моих пряника лежат нетронутыми. Вика смотрит на пряники, а я смотрю на Вику.

У неё румяные щёки с ямочками и голубые глаза. Пушистые ресницы хлопают вниз и вверх, заставляя чаще биться моё сердце. Отчего это происходит, не знаю, но мне хочется смотреть на неё.

Отхлебнув какао, поднимаю взгляд и встречаюсь глазами с Викторой. Она хмурит брови, я чувствую себя застигнутым врасплох за чем-то, чего делать нельзя, и опускаю глаза.

На полу лежит надкусанный пряник.

Уже при посадке в вертолёт шальная пуля на излёте тукнула мне в спину. Остановилась у самого сердца...

Дед умер в тот же день, когда хирург выковыривал из меня пулю.

Мы с отцом стояли у его могилы. Молодая глупая берёзка у оградки шелестела листвой, пересказывая нам вести от ветра. С фотографии на надгробии на нас смотрел улыбчивый паренёк в танкистском шлеме. Они были чем-то неуловимо похожи, дед и старлей Ефремов.

– Надо будет найти его фронтовых товарищей, кто ещё остался в живых, пригласить к нам – пусть помянут. – Отец поправил венки на уже осевшем земляном холмике.

– Найду, батя! Нажарю им картошки...

Я старался говорить твёрдым голосом, а у самого в груди дыхание спёрло, казалось, сердце моё сейчас выскочит через свежий шрам между лопаток.

– Прости меня, дед, – прошептал я сквозь слёзы. – Прости, что я так долго вырос...

Откуда он взялся?! К моим пряникам я не прикасался, Вика два своих съела. «Ну, лежит, и пусть себе лежит», – думаю я и поднимаю взгляд. Вика всё это время следила за мной и тоже увидела пряник!

Она возмущённо смотрит на меня и поднимает руку.

– Марьиванна, а Матюшенко откусил пряник и бросил под стол.

У меня комок в горле застрял от такого вранья. Я замер, как в детской игре «Замри». За эти секунды с другого конца веранды прилетела Марьиванна и нависла надо мной в грозной позе.

– Серёжа, зачем ты бросил пряник под стол?

Едва нахожу в себе силы возразить: – Я не бросал.

Голос Марьиванны приобретает еще более грозные ноты, и в ответ я слышу:

– А Вика сказала, что это ты бросил.

Я смотрю на Вику и вижу её торжествующий взгляд, как будто она отомстила мне за что-то.

Образовавшуюся паузу использует Марьиванна.

– Вика, ты видела, как Серёжа бросил пряник под стол?

– Да, видела. Надкусил и бросил, – не моргнув глазом врёт Вика.

У меня перехватывает горло. Я впервые в жизни сталкиваюсь с такой наглой ложью.

Захлестнувшие эмоции не дают сообразить предложить воспитателке посчитать пряники на столе: мои лежат нетронутыми.

– Серёжа, извинись и скажи, что больше так делать не будешь, – менее сурово, но твёрдо произносит Марьяванна.

– Я не бросал пряник под стол, – нахожу в себе силы ответить я.

– Тогда иди и встань в угол. Будешь стоять до тех пор, пока не извинишься и не справишься.

Я стоял в углу весь день. С веранды мне было видно, как играют сверстники.

Несколько раз Марьяванна подходила ко мне, пытаясь «выбить признание» и даровать прощение. Внутри у меня всё негодовало, но я не мог пойти на сделку с совестью.

– Не бросал я пряник, – стоял я на своём.

Вечером пришла мама. Воспитателка ей пожаловалась, какой я упрямый и нехороший мальчишка, бросающий пряники под стол.

Мама обещала разобраться, взяла меня за руку, и мы пошли домой.

Некоторое время шли молча, затем мама спросила:

– Я знаю, ты не любишь мятные пряники, но зачем бросать?

– Я не бросал.

– Но воспитательница видела, как ты бросил.

– Это не она видела, а Вика наврала.

– Какая разница? Ты сам сказал, что видели, как ты бросил пряник. Я смотрю, ты заврался совсем, раньше ты всегда говорил правду. Придётся дома продолжить твоё воспитание и рассказать всё отцу.

Я опустил голову, и некоторое время мы шли молча. Подойдя к дому, остановились перед крыльцом. Мама выпустила мою руку и спросила:

– Может, ты всё-таки извинишься?

– За что?

– За враньё.

– Сколько можно повторять, не бросал я пряник! – выпалил я.

Мама посмотрела мне в глаза, повернулась и пошла в дом. Я поплёлся следом.

Вечером перед сном подошёл отец и спросил:

– Сергей, почему ты не дал Вике пряник?

– У неё были свои, – растерянно ответил я.

– Свои она съела, а твои лежали перед глазами, надо было поделиться.

– Я как-то не подумал об этом.

– В следующий раз думай!

– Ладно, когда я вырасту, я куплю Вике целую корзину пряников.

Отец с улыбкой посмотрел на меня и сказал:

– И заодно попроси у неё прощения.

– Это ещё за что? – удивился я.

– Вот когда вырастешь, узнаешь, – ответил отец и вышел из комнаты, оставив меня в раздумьях.

Было весело. Но не очень. Потому что все стояли и ржали, а я, как дурак, сидел на полу.

И тогда я встал, проигнорировав протянутую руку. Боря довольно разублабился.

– Всё правильно, – прокомментировал он. – Не стоит опираться на другого человека, он может оказаться пустым.

– Как вы это делаете? – спросил я, пытаясь осознать то, что произошло.

– Я просто сделал руку пустой. Вот смотри... – Боря протянул мне руку. – Держись! И обопрись...

Я с опаской взялся.

– Вот сейчас рука плотная, чувствуешь?

Я пожал плечами: рука как рука, ничего особенного.

– А вот пустая, – прокомментировал Боря.

Вроде внешне ничего не изменилось. Всё так же я стоял и слегка опирался на Борину руку, только теперь опираться мне стало не на что. И это было... Это взрывало мозг! Это противоречило моему жизненному опыту. Согласен, небольшого опыта, но всё же.

– А вот снова рука плотная, – сказал с улыбкой Боря, и мне стало спокойно – вот она опора.

– ...И снова пустая...

– Как вы это делаете? – в который раз спросил я.

Мне на самом деле стало очень интересно: как такое происходит? Я никогда ничего подобного не ощущал раньше.

– Увидь в своём сознании свою руку пустой, убери оттуда плотность... Попробуй!

Я смотрел на свою руку. Рука как рука. И как из неё можно убрать плотность, да и что это вообще такое?

Короч, вопросов у меня было много! Мы занимались с Борей. Он рассказывал про пустоты и плотности, про опоры. Причём не просто рассказывал – показывал, и как-то так, что я действительно видел. Я видел Борю как...

есть такие куклы – марионетки. Только там верёвочки к кукловоду тянутся, а тут без таких верёвочек. А вот тело такое же, как у марионетки: части соединены между собой и соединения эти подвижны.

В какой-то момент мне стало интересно: а если опору не сдвинуть, а забрать? И я «увидел» часть Бориной руки и мысленно взял её, при этом в реальности взял его за плечо и пошёл. Точнее так: я взял Борю за плечо, а в своём сознании – за опору и пошёл.

Случилось странное: Боря как будто приклеился ко мне именно этой частью тела и со смехом потащился за мной...

Наталья Триневич

Слепой дождь

В двухкомнатной хрущёвке спального района, пропитанной запахом сигарет, алкоголя и чем-то, что одновременно и манит, и отталкивает, сидели двое.

Одна из них – Елена Премудрая, женщина с пышными формами, с накрученными крашеными волосами, с прищуром постоянно оценивающих глаз, как всегда, расположилась на своем любимом диване – она знала, где покупать крепкие диваны. И ещё много чего знала в свои «под пятьдесят».

В поселке, недалеко от города, жили её дочь и внучка. Вот для кого она теперь старалась, лет семь назад закодировавшись и разведясь с мужем. И преуспела: за несколько лет «стараний» купила дочери дом. Те-

перь бы обстановку и так, по мелочи.

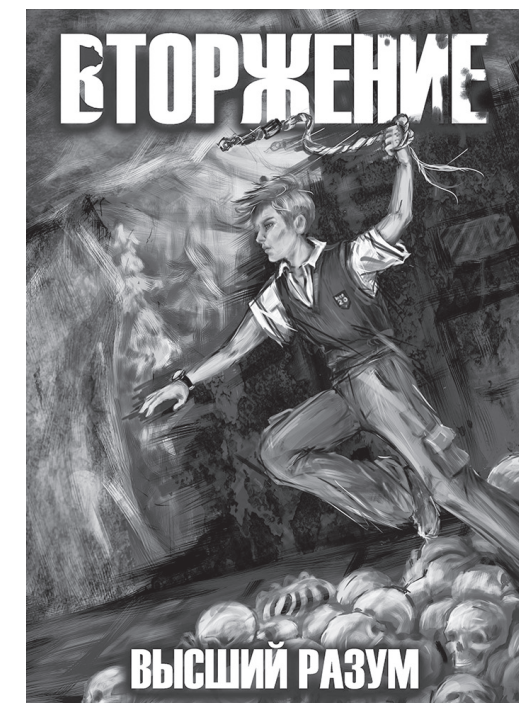
Рядом, за небольшим круглым столом, сидела Вероника. Тёмные волосы, смуглая кожа и карие глаза говорили о том, что наверняка в ней течёт азиатская кровь. Она была намного моложе Елены Премудрой, но особенности древней профессии – часто тёмные круги под глазами, голос с хрипотцой и выражение напускной игривости на лице, одутловатом по утрам, – сглаживали эту разницу. У Вероники тоже была дочь, которой приходилось ночевать на съёмной квартире одной. Но ей же скоро двенадцать, она не должна бояться – мама работает в ночную, у мамы такая работа.

Наталья РЕВКОВА «ВТОРЖЕНИЕ»

«Фантастическая трилогия о сибирских школьниках, вынужденных спасти мир в трудное время ковида и толерантности, когда взрослые не замечают надвигающейся беды...»

Первый роман трилогии вошел в шорт-листы интернет-конкурсов «Свой среди чужих», «Книги говорят».

Купить книги можно на «Автор Тудей» по ссылке: <https://author.today/work/series/2547>

отношений с окружающими и постепенным «прозреванием». Остальные персонажи также не остаются статичными – происходящие события меняют их, и зачастую в лучшую сторону. Меняется даже злобный Черный – его отношение и к главному герою, и к остальным людям. Причем изменения эти не притянуты за уши, а вполне мотивированы.

Кстати, в книге подробно, логично и при этом интересно подан сам процесс и методика обучения магии.

Отзыв:

Так вышло, что за похождениями «Влада. Джеймса Влада» я следила, начиная с только что написанной первой главы. Произведение, зародившееся в буквальном смысле на глазах, сразу же пленило меня. Тут и отлично проработанный мир романа, размещённый автором не в тридевятом царстве весьма туманного происхождения, а в некоторой ипостаси нашей родной страны. Тут и трудно предсказуемые повороты сюжета – не угадаешь, что тебя ждёт на следующей странице, и, самое главное, замечательные герои. Кого бы мы здесь ни встретили, первое и яркое впечатление оказывается обманчиво. Стоит гневно записать кого-то в «злодеи-мучители», как выясняется, что у персонажа есть своя правда, а поступки находят объяснение, которое поначалу и в голову не приходит. Скользньёшь читательским взглядом по фигуре невзрачной кухарки – и вдруг выясняется, что за серенькой ширмой прячется божественная, без преувеличения, сущность. Ну а если присмотреться к самому обычному котёнку, подобранному возле скамейки... Всё! Умолкаю!

Несмотря на то, что повествование ведётся от лица подростка, к подростковому фэнтези я бы этот роман не причисляла. По счастливому качеству отлично написанного текста быть интересным читателям всех возрастов. Подростков увлечёт сюжет, полный приключений, узнаваемых переживаний и по-сказочному достоверный. А их родители, заглянув в книгу, откроют для себя, например, много нового о наших славянских богах. Притом сведения не с потолка – автор нашёл художественную форму для информации, почерпнутой из основательных научных источников. А ещё, читая роман, можно всерьёз увлечься славянским боевым искусством любки. Знай же, читатель: оно действительно существует. Автор занимался им целых шесть лет...

Мария Семёнова, российский писатель-фантаст

Цитата:

– Старики видели тело человека, как систему опор, – рассказывал Боря. – Стоит только одну опору вытащить, и конструкция рассыплется. Вот смотри...

И он что-то сделал с моей рукой. Вроде просто дёрнул, но я понял, что падаю. Я, конечно, упёрся, но Боря лёгенько сдвинул мою ногу, и я шлёпнулся. Но почему-то было смешно и совсем не обидно.

– Ты не упирайся, – сказал мне Боря. – Теки за движением, в бою это спасёт тебе жизнь. Как только ты упёрся, движение остановилось. А как только остановилось движение, ты стал уязвим.

Конечно, фигня полная. В современном мире, если война случится, то вряд ли дело дойдёт до рукопашной! Я так и хотел сказать Боре, но не успел. Он про-

И надо сказать, что книга от этого только выиграла. Все описано реалистично – если такое слово вообще применимо к обучению волшебству – и довольно близко к реальным методикам обучения в некоторых школах боевых искусств. Что вполне логично: магия-то здесь боевая!

А ещё эта книга – о дружбе и доверии, о первой влюбленности и семейных ценностях – и о принципах, которыми нельзя поступать. Ну и конечно, о магии.

тянул мне руку, чтобы помочь подняться, я схватился за неё и начал вставать. И вдруг понял, что мне не за что держаться. Вроде и вот она – Борина рука, и вроде я на неё опираюсь, а как будто на пустоту. И я, едва оторвавшись от пола, снова упал.

Парни заржали. Они перестали тренироваться и стояли теперь, смотрели, как я пытаюсь встать. Аттракцион, блин!

– Ну что ж ты не держишься на ногах-то? – сказал Боря с таким преувеличенно искренним сочувствием, что я растерялся.

А он опять протягивает руку: – Держись крепче! Вставай, давай! – и хлопает другой рукой, показывает, как надо держаться.

Я снова взялся за Борину руку, раз предлагает, и снова едва оторвался от пола, как упал, потому что, несмотря на то, что я вцепился крепко, держаться... Держаться было не за что!

Вероника приехала три года назад из деревни. Мать умерла, дом начал разваливаться, а сама Вероника осталась без работы. Отца она не знала, как не знала отца и её дочь. Закрутила с приезжим в семнадцать лет – любовь. Была потом и ещё не одна «любовь»... А сейчас надо было выживать – деньги за проданный дом заканчивались.

Пошла работать на завод – учётчицей. Хорошо, сжалились, без прописки приняли. И вроде работа не тяжёлая, а тоскливо ей было среди серых стен, запаха железа и ещё чего-то беспросветного, въевшегося за многие годы, казалось, в сам воздух завода.

Зарплаты не хватало, и платили её далеко не день в день. Вероника привыкла к вольной жизни в деревне – здесь подработала, там... Да и огород, и хозяйство какое-никакое накормят. Где мать помогала, где возлюбленные...

Отношения с мужчинами были недолгими, а о замужестве и речи не шло: то ли они не видели в ней надежного тыла, то ли она, привыкшая жить без отца, и вообще без мужчины в доме, не надеялась на них.

Монотонные будни сменялись выходными – хотелось хоть их разнообразить. Тут-то и столкнула её судьба с Еленой. Познакомились в кафе. И пошло-поехало.

Вероника, скопив немного денег, попыталась ещё раз «начать новую жизнь», бросить «непыльную работёнку». Пошла в технички в один из торговых центров. В первый же день в подсобке украли кофе. Она сделала себе кофе, поставила чашку на стол и вышла на минутку. Приходит, а кофе выпито. Как будто тот, «чистый и правильный», мир не пускал её, отвергая раз за разом. Смешно, но именно это подтолкнуло её вернуться к Елене.

– Ну, чего киснешь? Опять грусть-тоска накатила? – Елена бурчала по привычке, без раздражения, но и без сочувствия. Но от этого Веронике становилось ещё тоскливее.

– С чего ты взяла? Дай сигарету, мои кончились.

– Возьми, на кухне они, по-моему. Похоже, сегодня отдыхаем.

– Понедельник, что ты хочешь. Хотя по-разному бывает, – ответила пришедшая из кухни Вероника. Прикурила сигарету, закашлялась. – Крепкие твои.

– И спать не хочется. – Елена растянулась на диване. – На следующие выходные к своим поеду. Соскучилась по Алёнке.

Замолчали. Вероника докурила сигарету и пошла в другую комнату,

на «свой» диван. Время пять вечера. Ближе к ночи наверняка начнутся звонки. А сейчас и подремать можно. Но грусть-тоска действительно накатила. Вероника вздохнула, укрылась пледом и начала вспоминать. Это помогало. Вспоминала обычно что-то смешное, светлое.

Ей лет пять. Она просыпается в избе. Тепло, пахнет кашей. Мать сидит у окна и смотрит на деревенскую улицу. Солнце начинает светить в глаза. Вероника потягивается и окончательно просыпается, но не подаёт голоса – ей нравится вот так лежать и разглядывать давно изученную небольшую комнату: вон фотографии на стене, а рядом часы тикают, печка ещё не прогорела, потрескивают дрова. Как вкусно пахнет кашей! Вероника сбрасывает с себя одеяло.

Ей лет десять. Они с матерью пошли искать корову Зорьку. Своенравная, зараза, была. Как уйдёт, ищи её потом. Нашли, а с ней телёнок чужой – и не отстаёт. Так и пригнали в деревню. А хозяева не отыскались. Вырастили, и Зорька была не против, даже убежать на поле перестала.

Но самое светлое воспоминание Вероника приберегала напоследок. Под него и засыпала.

Ей двенадцать лет, они с одноклассницей Ленкой лежат, накупавшись до посинения, на песке, греются. Кто же первым тогда из них увидел этого мальчика? Неважно. Но сразу было понятно – городской! Дачник, наверное.

Смешно подпрыгивая на горячем песке, мальчишка разделся и побежал к реке. Плавал он хорошо, вразмашку. Высокий, загорелый, длинные по деревенским меркам волосы.

Вероника невольно засмотрелась. А Ленка стала собираться домой. Вероника тоже приподнялась, но неожиданно для себя самой передумала уходить и осталась лежать.

Мальчишка наконец наплавался и лёг на песок недалеко от Вероники. Она стала украдкой разглядывать его.

Внезапно потемнело. Вероника и не заметила, что солнце давно спряталось. Начался дождь. И почему не ушла с Ленкой, сейчас вымокну, думала Вероника, одеваясь.

Дождь сначала капал, а потом, примерившись, зачастил.

Одновременно с Вероникой оделся и городской мальчик. И они побежали, не стовариваясь, к растущим возле речки деревьям. Дождь как быстро начался, так же быстро стал терять силу. Но

они бежали, что-то крича, прыгая, размахивая руками. И это радостное возбуждение, это нечаянное касание рук волновало, рождало новое, неизведанное и манящее чувство – хотелось бежать ещё и ещё.

Сон оборвал резкий телефонный звонок. Звонила Танюха – диспетчер, она имела проценты с каждого заказа, она же давала и объявления в газету. Работали без крыши, на свой, как говорится, страх. Иногда клиентов поставлял сутенёр Валя, но ему надо было платить, и немало.

– Да, ждём, – деловито ответила Елена и бросила Веронике: – Клиенты. Танюха говорит, парень заказал два часа – себе и подарок другу. Так что, «подарочек», встряхнись.

Елена Премудрая встала у окна. Квартиру подбирали, чтобы из окна был виден подъезд – рассматривать клиентов. Ненормальных хватает, хотя их уже по голосу и речи определяет диспетчер и отсеивает. Или, бывает, клиент не один приходит – за собой ещё двухтрёх тащит, а так не договаривались. Или пьяный, обдолбанный... Таким не открывают.

Минут через тридцать раздался звонок в дверь. Елена отошла от окна.

– Пришли, касатики, – игриво произнесла она, направляясь к двери.

В квартиру вошли двое парней – один постарше, лет двадцати пяти. Видно, что не в первый раз. Второй, видимо, и есть друг, для которого делается подарок. Этот смущён, держится немного позади.

– А вот и мы, девочки! – нарочито небрежно говорит тот, что постарше, осматривая комнату и «девочек».

Комната приятенькая, вполне себе, а вот «девочки» не очень – старуха и ещё одна с кислой миной. Парни, потоптавшись, переглянулись и повернули назад.

Вероника ушла к себе в комнату и снова легла на диван. Она слышала, как Елена прикурила сигарету, а потом на кухне названивала Танюхе. Говорила негромко, но было понятно, что жалуется: заказ сорвался, мол, Вероника опять в грусти и печали, вот парни и ушли... Потом она пила кофе – Веронике не пригласила, – звонила дочке домой, снова курила.

А ещё через час началась работа. И этим клиентам было по барабану – старая, молодая, весёлая или не очень. Они хотели женское тело – они его получали.

Впрочем, были и такие, которые хотели поговорить. Не проблема. Поче-

му бы и не поговорить. Но деньги вперёд. Дополнительная услуга – не вопрос, но сначала деньги.

Вероника работала на автомате. Следующий. Следующий. Прорвало их сегодня. А то сиднем сидели два дня...

«Елена довольная, наверное, неплохо срубили», – думала Вероника. Она уже выпила вина с одним из клиентов, и тоска отпустила, да и некогда.

Потом наступило затишье. Вероника, отдыхая, вдруг некстати вспомнила, как Настя, её подростковая дочка, однажды притащила в дом кота – лохматого, чёрного, голодного. Видимо, дачники оставили или сам потерялся. Кот наверняка породистый, уж сильно здоровый, и жил в квартире, к деревенской вольнице не привык. Это было видно. Но прижился, ещё подросток – собаки не надо.

Почему-то этот кот – Чернышом называли – мужиков не любил. Зайдёт иногда сосед, дядь Коля. Так кот сначала просто рядом ходит, принюхивается. А потом орать начинает – выгоняет.

Как-то раз мать позвала подружку с мужем – помочь лестницу починить в погребе. Мужика оставили чинить, а сами в магазин пошли. Приходят, а Иваныч кричит: убирайте своего кота! Хотел во двор выйти, покурить, а кот не выпускает из дома. Вот смеху было...

Думы перешли на дочку. Вспомнила, что не позвонила Насте. Как она уроки сделала? Поела? Наверняка допоздна в Интернете просидела. Теперь только утром можно будет позвонить... Надо позвонить, а то опять в школу опоздает.

Вероника не хотела рожать – молодая ещё, погулять охота. Но срок был критический – врач уговорила, мол, детей потом может не быть, и мать хотела внучку, именно внучку, как будто знала, что девочка родится. Поняничиться ей хотелось, пока ещё силы были, увидеть продолжение рода, чувствовала, что долгая жизнь – не про неё написано. Вероника родила. И Настя часто оставалась с бабушкой, пока её мать «искала себя в этой жизни».

А в три часа ночи Веронике позвонила Танюха. Значит, придётся работать с постоянным клиентом.

– К тебе твой Недоласканный просится, – усмехаясь, сообщила она. – Принимать будешь?

– Буду, – коротко бросила Вероника, а про себя подумала: «Сегодня деньги к деньгам».

Этот клиент платил сначала двойную цену, а в последний свой приход

АННА САМОЙЛОВА «МАГИЯ ПРОТИВ»

«Если тебя сначала ограбили, потом похитили, привезли чёрт знает куда и сказали, что исполнят самую заветную мечту – научат боевой магии, что ты будешь делать?»

Купить книгу можно на сайте «Автор Тудей» по ссылке: <https://author.today/work/96218>

О книге:

В русской классической литературе существует такое правило, что для детей надо писать как для взрослых, только лучше, чтобы достучаться до их сердец, потому что дети живут в другом, волшебном мире, со своими образами и логикой. Живые образы, живые интонации, «легкость пера» – вот что нужно современным юным читателям.

Детская литература сейчас конкурирует не только со взрослыми книгами, но и с компьютерными играми, с развлекательными сайтами и приложениями, такими как TikTok, YouTube... Детей нужно увлекать. И уже затянув в сети произведения, ненавязчиво обучать и воспитывать. Так, чтобы они не догадались.

Трилогия Анны Самойловой «Магия Против» – увлекательное детско-подростковое фэнтези. Рассказывает о пятнадцатилетнем подростке с непростым характером.

Действие разворачивается в мире, в целом похожем на наш современный, но с одной поправкой, традиционной для фэнтези: в нем реально, а главное, вполне официально существует магия. Есть даже соответствующие учебные заведения – средние и высшие. И глав-

ный герой Влад, естественно, мечтает поступить в Академию магии. Это не так-то просто, но Влад очень надеется, что у него получится.

Увы, судьба распорядится иначе: Влад и его друг Арик становятся жертвами магического мошенничества, а вскоре Влада и вовсе похищают. В итоге герой попадает... в секретную школу боевой магии! Казалось бы, сбылась мечта идио... юного падавана, учись да радуйся повороту событий, очень уж похожему на довольно затрепаный штамп жанра, но, разумеется, все оказывается не так просто. Многие непреложные, казалось бы, истины постепенно выворачиваются наизнанку, вокруг школы и ее учеников закручивается тугой узел интриг спецслужб и власть имущих, обстановка быстро накаляется, и драматические события не заставят себя ждать...

В книге достоверно и живо поданы мысли, речь и мировосприятие героя-подростка, его взаимоотношения со сверстниками, учителями, родителями, его мечты и стремления.

Сюжет у книги вполне приключенческий, следить за его развитием интересно. Еще интересней следить за развитием самого героя, изменением его

треннем кармане портмоне с паспортом и деньгами, отправиться в спасительное бегство, лишь безвольно закрыл глаза, продолжая оставаться на верхней полке. Мне стало страшно увидеть бушующий открытый огонь, быть может, к этому времени уже безнадежно отрезавший путь к выходу.

Не знаю что, просто морок какой-то навалился на меня, обездвигил.

– По-жа-а-ар! – голос кричащего сорвался в фальцет или, говоря точнее, на поросячий визг, и затих, заглушённый топотом множества ног спасающихся от гибели пассажиров.

Дверь купе распахнулась сама собой, видимо, кто-то дернул за ручку снаружи.

Люди, изгнанные ночным пожаром из дорожного сна, в панике бежали по узкому коридору, то и дело погружающемуся в полутьму под мерцающими из-за выгорающей проводки лампами. Бежали едва одетые, с подхваченными второпях вещами – вероятно, теми, что подвернулись под руку. Толкаясь, падая...

Первыми неслись полупьяные проводники в мягкой донельзя форме, а дальше – беспорядочная разновозрастная и разнополая масса, на фоне которой выделялась некая дама бальзаковского возраста и рубенсовских форм, совершенно голая, но с парой здоровенных дорожных чемоданов, сработанных из крокодиловой кожи.

Грудь голой дамы, поражающая воображение своей величиной, сотрясалась в такт каждому её шагу, а складки жира на животе и боках кольхались из затакта – синкопируя импровизационной теме побега, если переводить телесные движения дамы на язык джазовых гармоний: раз, два, три – грудь, и – складки, раз...

Последним в толпе, чуть приотстав от всех, опираясь на зонт-трость, неспешно следовал высокий мужчина неопределенного возраста – где-то от сорока пяти и до семидесяти пяти, – строго, но со вкусом одетый...

Ну почему, почему?..

Страх, парализовавший мою волю, компенсировал отнятое сверхъестественным зрением и слухом – я видел и слышал картину происходящего целиком.

– Бах! Ба-бах! Бах! – словно озвучивая перестрелку в детской войнушке, разрывались на части электролампы в уже полностью охваченных пламенем двух последних купе. – Бзы-ынь! Бам-бам-бам-бам!! – осыпалось внутрь вагона рифлёное стекло в дальнем туалете и громко тарахтело, падая боль-

шими осколками в унитаз из нержавеющей стали.

Толкаясь и мешая друг другу, люди выскакивали в тамбур и не раздумывая прыгали в тускло освещённую прячущейся за тучами луной полосу отчуждения, примыкавшую к железнодорожным путям.

Последним из горящего вагона шагнул строго одетый мужчина. Соскользнув с верхней ступеньки, он, уже находясь в полёте, раскрыл зонт и словно парашютист завис в воздухе, в то время как весь состав, с пылающим посередине вагоном, промчался мимо него.

Конусовидные лучи прожекторов локомотива, ярко-белые квадраты окон вагонов и трепещущее пламя пожара – весь свет, исходящий от скорого поезда, ненадолго спугнул с железнодорожного полотна беспроглядную ночь. Но стоило только последнему вагону, громяхая на стыках, скрыться за ближайшим поворотом, как тьма, едва разреженная полускрытой луной и тусклыми звёздами, вернулась на прежние позиции.

И следом на полосу отчуждения протянулся туман, укрывая плотным саваном безжизненные, едва различимые в потёмках тела разбившихся насмерть пассажиров, лежащих вдоль насыпи в разнообразно-нелепых позах.

«А-а-а-ха-а-а!» – в оглушительную тишину ворвалось моё собственное, лихорадочное дыхание. Тело сотрясала дрожь...

«А-а-а-ха-а-а!» – задышался...

Среди трупов вновь выделялась голая женщина. Она лежала, округло выставляя бёдрами и кокетливо поджав под себя правую ногу. Грудь её, словно сбегавшие через край излишки дрожжевого теста, рыхло стекали на гравийную насыпь...

«Х-х-х-х!» – уже не дышал я, а хрипел. От жара, от дыма, от страха...

Если кто не знает – вагон пассажирского поезда по «нормативу» выгорает в движении минут за двадцать, а при дополнительном ветре и того быстрее – это правило я усвоил в студенческие времена, подрабатывая по ходу третьего трудового семестра в отряде проводников «Голубая стрела». Усвоил, будучи навсегда уверенным, что повода убедиться в точности этих цифр мне не представится никогда.

А вот поди ж ты – пришлось! И минуты выгорания уже бежали как... как угорелые, подгоняемые жаркими языками пламени, слизывающими пластик, вгрызающимися в деревянные детали интерьера и мягко проникающие в свёрнутые на третьих полках матрасы, а также под кожу спальных диванов...

заплатил втрое больше. Первый раз, когда его обслуживала, чуть не умерла от страха. Потом они с Еленой Премудрой прозвали его Недоласканным. Елена не хотела, чтобы Вероника продолжала с ним работать. Таких клиентов обычно записывают в чёрные списки, но... деньги. А ради них можно и потерпеть. Да и ходит он не часто – раз в месяц, а то и через два.

Вероника запомнила их первую встречу. Поступил заказ. Приехал мужчина, на вид лет сорок-сорок пять, маленького роста, плотного телосложения. Одет не бедно, но и особого богатства не наблюдалось. Сразу выбрал Веронику, и они пошли в её комнату, на диван. Отдал деньги, попросил раздеться и лечь. Смотрел на неё, но не тем, пожирающим, стекленеющим мужским взглядом. Он смотрел ласково, просяще. Потом начал её гладить. Тоже ласково, даже робко, едва касаясь кожи. Медленно скользая, погладил ноги. Одну, вторую.

Вероника начала постанывать, избывая страсть. Но клиент приложил палец к своим губам – видимо, хотел в тишине. Затем немного раздвинул её ноги и начал гладить с внутренней стороны. От ступни к бедру, чуть быстрее и больше нажимая. Погладил лобок, задержал на нём свою тёплую руку. Пальцем провёл по клитору, легонько помял его. Прошёлся языком по животу и припал к грудям. Немного сжал одну. Губами попробовал сосок, всё больше втягивая его в рот, вращая языком. Не сильно. Тоже самое проделал с другой грудью.

Вероника начала шире раздвигать ноги, и тут он остановился и лёг головой на её грудь, обхватив тело руками. Затих. И было в этом что-то детское, незащитное. Вероника, повинувшись, скорее, материнскому инстинкту, начала гладить его по голове. Клиент некоторое время лежал не шевелясь, потом что-то пробормотал, приподнялся и неожиданно ударил Веронику по щеке. Вероника хотела закричать, но голос не слушался.

Дыхание клиента участилось. Он возбуждался. Его член тёрся о лобок, постепенно твердея. Ещё удар – и он входит и двигается, уже не останавливаясь. Ещё, ещё, ещё. Глубже, глубже...

Затем клиент замер и, выдохнув, лег рядом, успокаиваясь.

А немного погодя быстро оделся, достал ещё деньги, положил на диван и ушёл. Вероника не стала возмущаться. За двойную цену можно и потерпеть две-три пощёчины. Она тоже решила накопить хотя бы на комнату –

не до старости же ей скитаться по чужим углам.

Но с каждым разом, чтобы возбуждаться, Недоласканному нужно было бить сильнее и дольше. А без этого у него не получалось.

Последний раз он заплатил тройную цену, боясь, что Вероника откажет, как это делали до неё многие.

И вот сегодня он позвонил снова. «Но это уже точно в последний раз», – решила Вероника. В комнату заглянула Елена, она слышала звонок.

– Что, постоянный нарисовался?

– Ага, – как можно равнодушнее ответила Вероника. У неё клиентов сегодня было больше, и вообще её чаще выбирают. Но ни к чему, чтобы Елена завидовала. Всё-таки возраст есть возраст. И в этом Вероника не виновата. Конечно, у Елены пышные формы – и таких любят. Особенно кавказцы, но с ними редко кто связывается.

– Не чудик ли твой – Недоласканный? – Проницательности Елене Премудрой было не занимать.

Веронике ничего не оставалось, как подтвердить.

– Смотри, Вероника, покалечит. А мне инвалидки здесь не нужны, – подытожила Елена. Настроение у неё явно упало. Скорее всего, один из клиентов сегодня тягостный попался.

«А кому они нужны? – Вероника вздохнула. – Елена ещё не знает, что он тройную цену платит. Хотя с её-то опытом наверняка догадывается. Кто не рискует, тот, как говорится, не пьёт».

Они закурили, каждая думая о своём. Потом проветрили комнату, поменяли простыни.

– Я завтра постираю. А ты приди пораньше, поутюжишь, – уже миролюбиво сказала Елена.

– Хорошо.

– Голова чего-то разболелась. Пенталгин есть?

– Не помню. Надо в сумочке посмотреть, – ответила Вероника и пошла в свою комнату за таблеткой.

Елена приблизилась к окну, немного отодвинула штору и выглянула на улицу.

– Дождь бы пошел. Надоела уже эта жара, – сказала она и, усмехнувшись, добавила: – О! Твой подъехал. Сейчас поднимется... Эх-х, да ты взяла бы плётку, Вероника, и доласкала этого Недоласканного. Представь, он – тебя, а ты – его, он – тебя, а ты – его, и по жопе, по жопе! Глядишь, все и довольны. Нет, ты только представь: он – маленький толстый чмо – стоит на коленях, а ты – в костюме «Дерзкий Коп». Чёрная кожаная фуражка, чёрные туф-

ли на шпильке, чёрные чулочки в сеточку и самое главное – плётка, чёрная, с двадцатью косичками. Оо-па! Оо-па! Хлесь, хлесь!!!

Елена живо изображала эротическое копа, поднимая невидимую плетку и ставя ногу на воображаемую спину Недоласканного, а Вероника смеялась, представляя не себя, а пышную Елену в этом костюме.

В самый разгар веселья раздался звонок в дверь.

– Иди сама открывай. Я на кухне кофейку попою.

Вероника открыла, и они моча, как всегда, отправились в её комнату. Так же молча он отдал деньги, разделся и долго гладил ее, пыхтя и сопя. У Вероники после выпитого вина началось что-то вроде похмелья – её потянуло в сон. А поглаживания Недоласканного только усиливали это желание.

Но вот он положил голову ей на грудь – так бы и уснули вместе, – сейчас полежит и начнёт.

Вероника напряглась, так легче переносить боль. Эх, надо было выпить побольше – пришла запоздалая мысль.

Бить по щекам Недоласканный на-

чал не сильно, потом, постепенно зверея, он стал наносить удары по дивану, по её телу, куда придётся, но член всё не твердел, не поднимался.

У Вероники пошла носом кровь. Но и запах, и вид крови не помог.

Тогда Недоласканный зарычал от бессилия и стал душить Веронику.

Она пыталась сопротивляться – извивалась и старалась сбросить его на пол.

Ей удалось ослабить его хватку и глотнуть воздуха, но он ударил её по голове и тут же снова вцепился в горло.

Вероника начала терять сознание. Всё поплыло перед глазами.

Дождь. Идёт дождь. Они с городским мальчишкой бегут, что-то крича, прыгая, размахивая руками. И это радостное возбуждение, это нечаянное касание рук волнует, рождает новое, неизведанное и манящее чувство – хочется бежать ещё и ещё.

Снова выглядывает солнце, а дождь всё сыплет и сыплет на них мелкими, сверкающими каплями.

Слепой дождь.

Светлана Шарако

Кофе с молоком

Алиса подошла к окну и распахнула шторы. Вьюга разошлась не на шутку. Снег сыпал крупными снежными перьями. Ветер собирал их в кучи и трепал в разные стороны. Казалось, снег идёт и сверху и снизу. Иногда сквозь метель короткими вспышками поблёскивали украшенные к празднику витрины круглосуточного торгового центра на другой стороне улицы.

На подоконнике радовала глаз зелень ухоженного кофейного деревца. Девушке вдруг подумалось, как, должно быть, грустно этому деревцу одному – уроженцу чудесной страны вечного лета – смотреть сквозь стекло на смертельно холодную зиму и мечтать вернуться домой... Хотя глупости какие: вряд ли оно помнит свою родину.

Алиса очень любила растения и увлеклась ландшафтным дизайном. Даже курсы окончила. Иногда мечтала оставить свою профессию бухгалтера и заняться тем, к чему тянулась душа. Но нынешняя работа приносила неплохой доход. Алиса даже смогла самостоятельно купить квартиру в большом городе.

А в ландшафтном дизайне её перспективы были туманны.

Она легонько погладила пальцами упругие зеленые листочки. Деревце первое лето плодоносило. И сейчас на нём было несколько зелёных ягод. И кому вообще в голову пришло делать из кофейных ягод напитков! Алиса не любила кофе.

Особенно чёрный, без молока и сливок, который предпочитали пить в перерыве коллеги по работе. Не нравилась ей и пустая болтовня вроде того, какой кофе лучше – в турке или в кофемашине. Но неизменно принимала участие в посиделках с коллегами.

– Для меня весь одинаковый! – очень хотелось сказать Алисе, но она только вежливо слушала и улыбалась.

Она отработала на новой работе недолго, но сразу поняла, что искренность и теплые дружеские отношения в этом коллективе не приняты.

Она очень скучала по прежней жизни, по своему маленькому городку, из которого переехала. Там её любимым напитком было молоко. Но она никогда об этом не рассказывала колле-

О книге:

Валерий Копнинов – настоящий патриот. Он с глубоким уважением относится к истории России. Это находит отражение в темах его произведений и в его авторской интонации. Валерий искренне любит свою малую родину – Алтай. Он родился в Барнауле. Как работник культуры объехал весь Алтайский край. Выступал с антрепризами, спектаклями, концертами. С увлечением и теплотой пишет о родной земле и о людях, что живут и трудятся на Алтае.

Проза Валерия поддерживает лучшие традиции русской и советской литературы, признававшие духовные ценности важнейшим компонентом становления и развития человеческой личности. Автор не стремится идеализировать в романе ни время, ни общество того времени (СССР на рубеже восьмидесятых и девяностых), скорее наоборот – осознанно показывает дисгармонию, разрушающую как внешний мир (страну, государственные устои, законы), так и внутренний мир (душу человека). Лишение всяческой жизненной опоры происходит на фоне взаимодействия этих двух миров.

Валерий Копнинов рассматривает мир с гуманистических позиций, и это – принципиально. «Двенадцать затмений луны» – книга добрая. Книга, ставящая в пример традиционные вечные ценности, что передаются по наследству

через нравственное восприятие жизни.

Главный герой романа – продукт советской эпохи на ее прощальном вздохе, это обобщенный образ советского человека конца восьмидесятых – начала девяностых годов, как бы заключительный образ советского человека в самый начальный период развала огромной страны.

Читателям романа «Двенадцать затмений луны» предстоит ответить на вопрос: главный герой романа – Сергей Платонов – человек думающий, верующий? Вопрос непростой, ведь Сергей своими поступками не позволяет дать однозначный ответ. Но то, что он человек, осознающий себя грешником, человек кающийся, ищущий Бога, – очевидно.

Написана книга с большой любовью и к людям, и к городам – родному Барнаулу и к столице России Москве, и к природе, и к самой жизни во всех ее проявлениях и разнообразии. Написана стройно, блистательно, со вкусом. А ещё – удивительно откровенно, искренно, исповедально. Это и есть исповедь. В самом ярком её проявлении.

Автор щедро одаривает читателя красотами русского языка. Можно сказать, что художественное полотно книги получилось очень богатым и очень насыщенным и красками, и оттенками, и смешением красок и стилей.

Отзыв:

«Читаю и читаю, не заставляя себя: читается. Москва в «Лунных затмениях» получилась узнаваемо. И церковь Воскресения Словоущего – это та, в которую я хожу 43 года. Что-то я иначе воспринимаю в оценках 90-х, но в основном мы в одном окопе и враги у нас общие.

Затеяно же не для картинок, для показа, как убивали Россию. И поездка в Литву, и Питер, и обольщение Ельциным, московские опохмелки, разговоры – всё работает на главное полотно. Многие эпизоды очень зримы, хорошо удаётся дорога... Одним словом, благодарен за знакомство с твоей прозой. Ты сложившийся писатель. И по стилю: лёгкая, ироничная, свободная от штампов лексика, и по тематике: русская, начинающаяся православная, единственно спасающая... То есть чего тебе говорить – живи!»

Владимир Крутин, русский советский писатель, публицист, лауреат Патриаршей литературной премии

Цитата:

– Пожар! Гори-и-м! Пожа-а-ар!!!

Действительно, наш вагон горел! Никаких сомнений быть не могло! И как это я сам не почувствовал удушливый запах гари, не увидел за окном языков пламени, неукротимо рвущихся в темноту и

летающих веером искр? И как их не заметили мои соседи по купе?

Но...

Похоже, что в купе я пребывал в одиночестве...

Что?.. Где?..

– Пожа-а-ар! Спасайтесь! Пожа-а-ар!!!

Я отчего-то медлил, хотя крики в коридоре не только не затихали – наоборот, усиливались. А я, вместо того чтобы, схватив куртку, хранившую во вну-

для себя, что пойду я именно к Князеву и ни к кому другому, но при этом постараюсь не испортить отношений с Тамарой Сергеевной. Во-первых, она мне ничего плохого не сделала, а во-вторых, мне с ней еще наверняка придется встречаться. До 9 Мая довольно далеко. Не одну статью в канун юбилейного праздника написать потребуют.

– Воробьев, – читал я, – Николай Семенович.

– Вот, – оживилась и даже улыбнулась строгая женщина. – Общественник и везде с супругой под руку, приятно посмотреть.

– Так не воевал вроде бы, ни наград, ни ранений, служил в 45-м на Дальнем Востоке, часть в боевых действиях участвовала, а как и что он там делал...

– Зато он у нас сахар раздает, – теперь с раздражением посмотрела на меня моя собеседница. – И на все встречи со школьниками четко по графику ходит. А ваш Князев никакой общественной деятельностью не занимается и патриотическим воспитанием молодежи тоже. Один раз, когда пристыдили его за это, согласился благосклонно сходить урок мужества провести. Так он пришел на него, похо-

же, под хмельком и, представляете, – я ожидал, что при этих словах Тамара Сергеевна всплеснет руками, но этого не произошло, выдержка у нее имела, – Князев ваш на этой встрече стал рассказывать школьникам, как нас фашисты били. Пришлось после этого нашему председателю совета ветеранов извиняться перед директором школы и членами родительского комитета, поскольку Князев это делать отказался и такое при этом сказал, что я сейчас вам повторять не буду. Впору было милицию вызывать.

– Так ведь и правда били они нас в 41-м и потом тоже, – осторожно сказал я.

– Били не били, побили их мы, – жестко отрезала женщина и твердо ткнула пальцем в дужку очков, четко утвердив их на положенном месте. – Об этом нужно помнить и именно об этом рассказывать на уроках мужества. Вы с этим согласны?

– Согласен, – не стал спорить я, – и спасибо за ту ценную помощь, что вы мне оказали. До свидания. Я выписал несколько фамилий и подумаю, к кому из этих людей мне сходить.

Пошел я, само собой, к Князеву...

гам – решат, что шутит или, еще хуже, выдворяется.

К молоку по утрам её приучила деревенская бабушка, у которой она гостила летом в детстве. Готовить полноценный завтрак бабушка просто не успевала, потому что с восходом солнца у их калитки уже собиралась ватага ребятшек на велосипедах.

Алиса наспех пила молоко и хваталась за велик. Особенно если к калитке подъезжал Колька. Он тоже гостил у своей бабушки каждое лето.

Чудесное было время: ожидание сказки, детство, жаркое лето, солнце и Колька. А потом их дороги разошлись.

Алиса пыталась узнать, что стало с Колькой. Рассказывали, что он женился, а потом развелся, потому что не смог покинуть родину и уехать с женой на жительство в Германию.

Теперь из всего этого остались только любовь к молоку и теплые воспоминания с послекусием сказки.

Быстро пролетело детство, Алиса повзрослела. Шло время, но она оставалась одинокой.

Молодые люди частенько начинали ухаживать за ней. Но дальше нескольких свиданий дело не шло. Как назло, каждый очередной поклонник считал своим долгом пригласить в кафе, на чашку кофе. А ей хотелось сходить в кино, театр, на новую выставку... Но она молчала, считая, что молодой человек должен сам догадаться, что ей нравится. Натянуто улыбалась, помешивая ложечкой в чашке. Её скучающий вид и нелюбовь к кофе каждый принимал на свой счёт.

Ещё ей не нравились цветы в букетах. Ей было непонятно, зачем дарить срезанные цветы, которые скоро завянут, когда можно подарить цветок в горшке? И об этом она тоже молчала в надежде, что кому надо, тот поймёт.

Алиса повернула горшок с кофе другой стороной и с удивлением обнаружила, что кофейные ягоды начали краснеть, несмотря на недостаток солнечного света. Она знала, что её подоконник не самое удачное место для этого растения, но купила его у бабушки, которая продавала цветы, расставив их на картонной коробке у магазина. Видно было, что бабушке за целый день ничего не удалось продать, она уже начала собирать свой товар, и Алиса, не думая, купила у неё деревце в самом большом горшке и сдачу не взяла. И вдруг такое чудесное событие – кофе начало зреть!

– Ты решило меня отблагодарить? – вслух произнесла Алиса. И рассмеялась: «Ну вот, уже с деревьями разговаривать начала... Пора идти к людям!»

Алиса решительно задёрнула шторы и начала собираться. Сегодня на работе был новогодний корпоратив. Идти совсем не хотелось, в такую погоду вместо обязательного, дежурного веселья гораздо приятнее было бы завернуться в тёплый плед и посмотреть новогоднюю сказку или почитать любимую книжку. Но не пойти было бы некрасиво.

Что одета не по погоде, Алиса поняла только на улице. Дул пронизывающий ветер, и она моментально продрогла.

Такси в такой день можно было бы и не дожидаться. Решила ехать на автобусе.

С трудом пробираясь по занесенной снегом дорожке, совсем замёрзла. Постояла минут пять на остановке и поняла, что больше не выдержит – надо где-то погреться.

Витрины торгового центра заманчиво переливались огнями и манили зайти. Алиса перебежала дорогу, вошла и направилась к своему любимому цветочному отделу. Там на полках стояли в горшках экзотические красавцы.

Девушка-продавец с энтузиазмом пыталась продать букет роз с золотыми лепестками единственному в этот час покупателю, солидному мужчине.

– Купите эти розы! Это просто роскошный подарок для вашей мамы: дорогой и красивый!

Мужчина сопротивлялся:

– Дело не в деньгах! Хочется сделать приятное! А она любит цветы на подоконнике выращивать... Есть у вас что-нибудь такое?

– Неподходящее время вы выбрали! Сейчас нет цветущих растений в горшках... Зря вы не хотите розы купить! Любая женщина оценит...

Алиса стояла в сторонке, рассматривала витрину и невольно прислушивалась. Очень хотелось вмешаться и помочь мужчине с выбором, но Алиса это казалось неприличным.

Она немного отогрелась и уже хотела уйти, но скользнула взглядом по расположенному лицу мужчины и собралась с духом:

– Возьмите лучше вот эту фиалку в горшке, очень красивый и редкий сорт и вот-вот зацветет! Это такое чудо!

Мужчина заинтересованно посмотрел на Алису.

– Большое спасибо за помощь!

Догнал он её уже у выхода из торго-

ВАЛЕРИЙ КОПНИНОВ

«ДВЕНАДЦАТЬ ЗАТМЕНИЙ ЛУНЫ»

«Двенадцать затмений луны»: реалистический роман-эзистенция с элементами фантастического реализма и сюрреализма. Роман реалистичен ровно настолько, насколько реалистична сама жизнь. Элементы сложного мира автор скрепляет тонкими и точными образами».

Роман Валерия Копнинова «Двенадцать затмений луны» был высоко отмечен на X Международном славянском литературном форуме. Автор получил приз – «Серебряный Витязь».

Книга номинирована на Шукшинскую премию.

Купить книгу можно у автора.

вого центра, с упакованной фиалкой в руках.

– Извините, мы с вами раньше не встречались? Могу я в качестве благодарности предложить вам согреться в кафе, тут есть хорошая кофейня. А потом отвезу вас куда скажете?

«Интересный мужчина, – подумала Алиса. – Но опять скучные посиделки в кофейне...»

И привычно улыбнулась в ответ. И вдруг слова сами сорвались с губ:

– Спасибо, но кофе не самый любимый мой напиток!

Мужчина спохватился:

– Да нет, это не просто кофейня. Хотя жайка завела там целую галерею из эк-

зотических растений. Зимой там можно душу согреть.

В кафе бармен растерянно стоял у кофемашины и нажимал все подряд кнопки.

– Извините, кажется, аппарат сломался, мы не работаем!

– Да не бывает безвыходных положений! Согрейте нам по стакану молока, я вижу, у вас есть в холодильнике, девушка совсем замёрзла. – Мужчина с улыбкой повернулся к Алисе: – Я думаю, вам понравится. И... я забыл представиться. Меня Колей зовут.

– Коля? – с улыбкой переспросила Алиса, почувствовав дыхание сказки.

Бармен поставил на стол два стакана тёплого молока...

Елизавета Селиванова Санёк95

Вспышка. Пролетает фаербол. Достают меч. Замахиваюсь. Маг не дремлет. Применяет щит. Отскочил вправо. В меня снова летит огонь. Мой парник целится в него из лука. Выпускает стрелу. Готовлюсь к прыжку, замахиваюсь и...

– Сидоров! – раздался громкий крик над правым ухом.

От неожиданности я вздрогнул и выронил телефон. С языка готовы были сорваться несколько ругательств на нектати появившегося босса, но я сдержался. Под недовольным взглядом начальника быстро поднял телефон. На экране горели красные буквы «Вы проиграли».

– Сидоров, сколько это может продолжаться! Я, конечно, понимаю, что мёртвые люди могут подождать, но это не повод вообще не выполнять обязанности санитара. Моё терпение лопнуло!

Пришлось написать заявление по собственному желанию.

Мне ничего не оставалось, как вернуться домой. Там было пусто, в однокомнатной квартирке я жил один. Заварил себе чай и поставил кружку на компьютерный столик, подвинув две предыдущие. Пока на экране горела надпись «Загрузка. Соединение с сервером», поправил фигурку Геральта из игры «Ведьмак», смахнул пыль с милого личика Хацуне Мику, подвинул Иллидана. Подумал, что стоит заказать ещё одну фигурку в коллекцию, но потом вспомнил, что меня уволили.

Но вот игра загрузилась, я надел наушники и вошёл в свой настоящий дом.

– Sido1990, привет! – высветилось в чате.

Я улыбнулся. Это было сообщение от моего единственного настоящего друга.

Четыре года назад, когда я впервые открыл игру, он встретил меня на сервере и обо всём рассказал мне. Помогал прокачиваться, давал советы, делился редким лутом.

Потихоньку из мудрого наставника он стал надёжным другом. Я, конечно, не хочу хвастаться, но, глядя на моего персонажа, я думаю, что ученик превзошёл учителя.

– Sanek95, привет! – Пальцы быстро набрали нужные слова на клавиатуре. – Давно не виделись. С позавчерашнего рейда на Тёмный Замок. Уже прокачался до нового уровня?

– Ага, вкачал поинты в ловкость. Ты как?

– Плохо. Меня уволили. Теперь не знаю, что делать. По основной специальности меня уже выперли, теперь и из санитаров тоже. Идеи вообще никаких. Как жить дальше, не представляю.

– Сочувствую. Могу как-нибудь помочь? Давай вместе придумаем, чем тебе заняться? Может, в киберспорт подашься? Или онлайн-курсы откроешь?

– Я же неудачник. У меня никогда ничего не выходит. – Жаль, он не видел моих эмоций. Пришлось поста-

ем Константиновичем Аверкиным, павловчанином Ефимом Никаноровичем Чуриловым, уроженцем села Устьянка Хабаровского района Иваном Григорьевичем Лубинцом, побывавшей в Германии в качестве ОСТ-рабочего жительницей Заринска Прасковьей Матвеевны Кувшиновой (Нежинцевой).

При работе были также использованы воспоминания: французского партизана барнаульца Алексея Федоровича Кривошеина, прошедшего через фашистские и сталинские лагеря бийчанина Ивана Алексеича Лосева, представленного в 1942 году к ордену Бое-

вого Красного Знамени и получившего эту награду спустя много лет после окончания войны. А также Бориса Владимировича Витмана и Льва Исаковича Майданника, Юрия Владимировича Владимировича, Павла Федоровича Головина, Дмитрия Александровича Небольсина, Алексея Григорьевича Федорова и других солдат Великой Отечественной войны.

Книга посвящена им и таким, как они. Это попытка рассказать о том, как, потеряв почти все, но сохранив характер и душу, можно было и воевать, и побеждать.

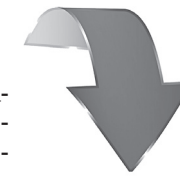
Отзыв:

«К своим» – это неприхотливый рассказ-одиссея попавшего в окружение, затем в плен обычного крестьянского парня. Отдельные строки его невозможно читать без содрогания: не приукрашенная суровая и кровавая правда, кровь и боль, грязь и предательство, непоколебимое мужество и вера в Победу, – всё это отличает произведение от многих «отлакированных» рассказов о войне.

Смертельная, убивающая, казалось бы, всё человеческое в человеке бойня не может вытравить подлинных чувств к родной земле, семье, любимым – гуманизм, раскрытый автором вовсе не пафосными словами, а безыскусной «окопной правдой».

Валерий Мозес, директор издательства
Алтайского государственного университета

Цитата:

...Встретила меня Тамара Сергеевна, – заместителя председателя совета ветеранов нашего городка звали именно так – по-домашнему. Предложила чаю да еще с печеньем и вареньем, поставила передо мной на стол картонную коробочку с карточками-формулярами на каждого участника Великой Отечественной войны, проживающего в нашем городе.

Я читал имена и фамилии, названия фронтов и боевых наград. Написать статью в газету можно было практически о каждом из этих людей. У каждого был свой путь по войне, у кого короче, у кого длиннее, у каждого свои вешки на ней, памятные даты: тогда-то ранило, а вот там едва не убило. Товарищ погиб, а я вот уцелел...

Я переключал карточки-судьбы из одной пачки в другую, искал, честно говоря, сам не знаю чего. Впрочем, почему не знаю? Журналист всегда хочет найти что-то необычное, оригинальное. Вот и направление поиска было таким же, разве что речь шла о человеческой жизни на войне, и слова «необычно» и «оригинально» казались здесь неуместными, кто ли. Но полученного мною задания никто не отменял, журна-

листский кураж у меня в те годы зашкаливал за самую верхнюю планку, потому я терпеливо проглядывал один текст за другим, пока не прочел: «Князев Спиридон Афанасьевич. Французский Военный крест с бронзовой звездой».

– Ого, – удивленно сказал я. – Французский крест. Редкая вещь.

– Вот именно, крест, – язвительно усмехнулась Тамара Сергеевна. – Вот уж точно удивительно. Откуда б у такого, как этот Князев, такая награда? Тут бы кому надо следовало внимание обратить, жаль, не те времена.

– За бои на ближних подступах к Сталинграду орденом Боевого Красного Знамени, – продолжал читать я, благоразумно не вступив в спор. – Высокая награда.

– Высокая, – охотно согласилась Тамара Ивановна и, недовольно прищурившись, строго спросила: – А кому дадена?

– Кому? – добродушно поинтересовался я.

Она опять прищурилась и выразительно провела пальцами по воротнику своей кофточки.

– А вот кому. Постоянно зашибает, общественную работу не ведет, еще и... Ладно, – махнула она рукой. – Я бы вам не советовала, но сами глядите.

– Хорошо, – согласился я и вынул из коробочки первую попавшуюся под руку карточку, твердо решив

БОЛЬШАЯ ПРОЗА

Журнал у нас небольшой, и публиковать романы мы не можем. Но ради юбилея мы решили попробовать новую форму: коротко познакомить читателей с романами членов Алтайской краевой писательской организации «Союз писателей России». Рассказать, о чём книга, представить жанр и маленький отрывок. А ещё дать читателю путеводную нить, как можно приобрести книгу, если она понравилась.

Константин СОМОВ «К СВОИМ. ПОВЕСТИ О СОЛДАТАХ»

Книга о сибирских крестьянах, ставших солдатами Великой Отечественной войны. О том, как «проклятая война и души, и тела топтала...»

Книга номинирована на Шукшинскую премию

Купить книгу можно на ЛитРесе по ссылке:
<https://www.litres.ru/konstantin-somov-30546518/>

О книге:

Сегодня мы видим, как вытесняется память о Второй мировой войне, и особенно о подвиге советского народа в борьбе против фашизма. Наша литература, искусство, даже школьное образование непростительно мало внимания уделяют Великой Отечественной войне: школьники больше знают о средневековых рыцарях, Филиппе Красивом или Бурбонах, чем о молодоговардейцах и Зое Космодемьянской, военная живопись практически закончилась полотнами Ф. Рубо и В. Верещагина, проникновенная поэ-

зия – А. Твардовским и К. Симоновым, а сегодняшние фильмы о войне – скорее карикатура.

В этой ситуации рельефно и ярко выделяется книга Константина Сомова – алтайского писателя и журналиста – о простых алтайских парнях, оторванных от родных домов, пашен и кузниц и брошенных в испепеляющий огонь войны, в самые её первые, непереносимо тяжкие месяцы и годы.

О многом из того, что написано в этой книге, автор узнал из бесед с фронтовиками: барнаульцем Никола-

вить грустный смайлик, хотя я ненавижу их использовать.

– Давай я приеду к тебе? В жизни проще это обсудить. Мы уже четыре года общаемся, но ни разу не виделись. В конце концов от Питера до Москвы девять часов на поезде.

– Ты серьёзно приедешь?

Интернет-друг меня действительно удивил. Мы даже никогда не созванивались, не то чтобы встретиться лично.

Не общались в соцсетях мы из-за меня, потому что в игровом чате я знаю, о чем говорить, а там придётся рассказывать о своей настоящей жизни. О чём мне рассказывать? Что я и месяца не смог проработать переводчиком, на которого пять лет учился? Или про то, что я даже не смог заработать себе на квартиру и её подарили родители? Или же о том, что у меня нет других интересов?

Нет, делиться этой стороной жизни я раньше никогда не хотел, ведь тут я неудачник, а в игре профессионал. Но, видимо, пришло время что-то менять.

– Да, почему нет. Завтра пятница, как раз за выходные управлюсь. Заодно и с сестрой встречусь. Она в Москве учится. В общем, договорились: в субботу в 12.00. Где встретимся?

Я так до конца и не поверил в его слова. Не верил и когда заходил в кофейню.

Обвёл взглядом помещение. К своему стыду, я не знал, как выглядит мой друг. Вместо фотографии у него на аватарке стоял ассасин. Ему должно быть примерно двадцать четыре года. Скорее всего, зовут Саша. Вот, пожалуй, и всё.

Вдруг из-за столика у окна мне помахала хрупкая молодая девушка с короткими рыжими волосами и зелёными глазами. Я даже обернулся проверить, не машет ли она кому-нибудь за моей спиной, но там было пусто.

Ещё повертел головой, но нет, она совершенно точно махала мне.

Перебрал в голове всех знакомых, такой девушки среди них не было. Среди моих знакомых вообще было немного девушек.

Когда я подошёл ближе, она заулыбалась.

– Sido1990? – с хитрой улыбкой спросила она.

– Sanek95? – с плохо скрытым недоумением спросил я.

Я мог ожидать, что друг соврал

и не придет. Я мог ожидать, что он окажется гораздо старше или даже младше двадцати четырёх лет. Я мог ожидать, что он будет другой национальности. Но чтобы Sanek95 оказался девушкой?

После того как я справился с волной шока, в душе завозилась лёгкая обида, как у обманутого ребёнка, которому пообещали на новый год игрушечный самолёт, а подарили азбуку.

Почему она четыре года прикидывалась парнем?! Я-то думал, мы друзья!

С другой стороны, как я мог за четыре года не заподозрить, что Саша – девушка?!

Наверное, я выглядел полным дураком, но она беззлобно хихикнула:

– Не ожидал?

Я не знал, что говорить. Опыта общения с девушками у меня не было вообще. В школе я был скромным, а единственный раз, когда дернул понравившуюся девчонку за косичку, получил портфелем по голове. Такой он, слабый пол.

Я молчал. Она улыбалась и следила за моей реакцией.

А вдруг она получает удовольствие от каждой моей эмоции, смакует шок, недоверие, даже обиду?..

Я не мог долго смотреть ей в глаза и опустил взгляд на стол.

Неловкая пауза затянулась.

Но ведь это Sanek95, тот самый Sanek95, мой друг. Ведь это с ним мы четыре года проходим вместе все квесты, с ним переписываемся и обсуждаем всё подряд. Он, точнее она, знает меня лучше всех, у меня нет друзей ближе. Неужели её резкая смена пола повлияет на нашу дружбу?

– На сервере скоро будет распродажа... – Сашин голос нарушил тишину. – Я собираюсь купить себе сет Чёрного дракона. Легендарные доспехи с защитой на сто. А ты не хочешь ничего купить?

Я отмер. Тема наконец-то стала знакомой.

– Я думал взять двуручный меч Алой Зари, у него высокий урон и дополнительный урон огнём. Как раз для нового рейда, ты же пойдёшь штурмовать Проклятые Пещеры?

– Конечно, я доспехи тоже к этому рейду беру. Говорят, там неубиваемый босс.

– Ну, вместе мы точно справимся, – улыбнулся я.

Я выдохнул.

Мой Sanek95 снова тут.

Ана Узотова

А берег начал обнажаться...

Итак, я на морском побережье, на окраине Евпатории. Надеюсь охладить здесь воспалённый мозг и залечить душевные раны. Надоело каждый день ходить на работу, как на эшафот, зависеть от климатерически-психопатического настроения начальницы, которая то разговаривает вампирски-мягким голоском, поправляя на мне воротничок, то орет, как потерпевшая. Самое интересное, что в нашей конторе люди делают невозмутимые лица: всё в полном порядке и даже шоколаде! И я уже перестала понимать: они умные, а я стержневая дура, вечно несогласная, или все дурни, а я – сама принципиальность и прозорливость! Хотя и слепой увидит, что так, как начальница, вести себя нельзя, просто нельзя, а ей всё, представьте, «льзя»! Нормальные люди так себя не ведут!

Моя бабушка, избегавшая откровенных ругательств, назвала бы такую «свэ». Не буду перечислять все производственные подвиги «мозга и силы» нашей конторы, то есть свэ, скажу только, что с ней уже давно никто не спорит и под раздачу попасть все панически боятся, потому что это равносильно попаданию под асфальтоукладчик.

Когда я сидела в столовой как выжатый лимон, мне Светка из соседнего отдела шепнула, что наша неистощимая на выдумки шеф-затейница готовит мне новую пилюлю. Заметив, что я побледнела от предчувствия неумолимо надвигающейся на меня неприятности, она бодрым голосом стала вдвухать в меня жизнь: «Не дрейфь, подруга! Бери неиспользованные дни отпуска и – в Турцию! Ты в свои 40 как яблочко, там за такими местные в очередь выстраиваются!» Ей можно верить, за ней, судя по рассказам, выстраивались. А может, и просто цену себе набивает... В Турции я бы отдохнула, скорее всего, дешевле, но Крым-то – наш! А потому правильный выбор сделан.

Прилетела ранним утром в Симферополь. Сразу у входа в аэропорт села в такси, где уже на заднем сиденье разместились две почтенного возраста и вида дамы, направлявшиеся в Евпаторию к родственникам.

Только отъехали, таксист-хохол включил подборку песен «с бородой», явно рассчитанных на туристов: «Отражение твоё вижу в море я, Евпатория, Евпатория...» И всё в таком духе до места прибытия.

В отеле вежливо попросили до освобождения номера прогуляться. Им наплевать, что я устала, что с самолёта... Им вообще по барабану, представьте?! У меня впечатление, что, если бы позволили плюнуть, как нередко плюётся в оппонентов Владимир Вольфович Жириновский, так и плюнули бы в лицо. Отчего не плюнуть? А дело всё в низкой самооценке! Будь она у меня завышенной, как вот у той размалёванной красотки (штамп некуда ставить, сразу видно птицу по полёту), стоявшей передо мной и на каком-то основании получившей ключи от номера, я бы не парилась. Наглость, как известно, второе счастье...

Пришла на пустынный дикий пляж. Загораю топлес. Не подумайте, что сильно раскрепощённая, – просто всё достало... На всякий случай с правой стороны выставила свой раскрытый фиолетовый зонтик. Где-то же нужно человеку расслабиться?!

Щадящее солнце, пока совсем не жарко. До обеда здесь можно неплохо отдохнуть! Уже настроилась на одинокое времяпровождение, когда увидела слева от себя тень. Ко мне подходил темноволосый, кудрявый, смазливый мужчина средних лет. Ну этого ещё не хватало!

Беспокойно прикрываюсь молниеносно выдернутым из сумки жёлтым парео.

– Мадам, расслабьтесь! Я вполне терпимо отношусь к нудистам... Кстати, в будущем, если есть к этому тяга, рекомендую Симеиз или Коктебель. Волошин там часто голым ходил, и девушки, которые с ним отдыхали, – обрушивают на меня вулканический речевой поток нарушитель моего пляжного спокойствия.

Его широкая грудь и мускулистые ноги покрыты буйной растительностью, а синие купальные плавки, подчёркивающие наличие недюжинного «мужского достоинства», не оставляют сомнений: такой «не помешает»! Неужели тоже из гостиницы, товарищ по несчастью?

Это я успела подумать ещё до того, как он вежливо, как будто прочитав мои грешные мысли, поинтересовался:

– Не помешаю?

После чего почти вплотную положил рядом со мной бамбуковый коврик.

«Наглец!» – с некоторым восхищением подумала я, отметив, что своей

ГОСТЬ НОМЕРА

* * *

Мчится поезд. Жар-птица Луна,
В чёрном ельнике – глаз окаянный.
Кони гривой в лешачьих лугах
Замели, закружились в туманы...

Сумрак, шорох, щека у окна:
Через росы в некошеной воле
Зорька брезжит. В платочке, одна,
Ходит женщина, тяпает поле.
Мчится поезд.

Надежда Митягина
СТИХИ

* * *

Оставляю забор за склоном
И абсурдность любой кормушки.
От тебя до себя в погоне,
Растворюсь в тумане лягушкой.
Где гольцы и воды копытца,
Созерцаю крепка природа,
И всё то, что уже не случится,
сдует гулкая даль свободы.

* * *

Наш пращур-тюрк, за всех прости кипчачку.
«Кыпчак» – отца прозвание. Не забыл,
Но, удивляясь, пел (что это значит
Под Брянском?): «Каная карканья кыр...»
Был смутен дед, знахарка бабка – властной,
Учила мама азбуке славянской:
– J в алфавите ж нет? –
Джанка и Джюхаря. В хребтах алтайских
Я прозвищам чудным нашла ответ:
«Законник», «воин», «беглецы» от битв.
– Мир и кипчаки шли звезде вослед.
Оглохшие от кузниц, зла, молитв,
Искали и владели – судей Нет.
Алтын, Алтарь и Золотой Алтай,
И око неба здесь и там – одно.
Союзы, ссоры. «В жёны дочь отдай –
Джараш!»¹ Родство в веках погребено.
Есть Логос, Лотос, Лебедь и шаманы.
Монеты, блески, лживость бытия,
Ведь: «Кровная гора второкехана...» –
Пел мой отец. На грани забытья.

¹Джараш – «красавица».

* * *

Клевер, донник и кашка,
Василёк голубой,
Хороводы ромашки –
Дар отцовский, земной.
Перед долгой зимою
Поле сжато. Покров
Повстречался с Марюю –
Наковали оков
Рекам, долам и птицам,
А в духмяной избе
Жар печной. В розах ситцев
Сядут девицы петь,
Петухов красных перья
Крестиком вышивая,
Ждать Ярилу и Леля,
Милых суженых звать.
К марту – дым от Морены,
Пламя, шутки торчком,
К Троице – обереги,
Лютик в балках пучком.
Солнце кругом ярится,
Синеокая Русь...
Сгинут чёрные птицы:
Коляда помнит путь.

кой весело облаивали испуганно убегающую жертву.

Но вот началась отгрузка колбасы, и Машке было уже не до игр. Она бежала за Рэмбо. Вместе они прятались где-нибудь в кустах и внимательно наблюдали за процессом.

Готовую колбасу из печей выкатывали на рамах в специальные камеры, где она остывала. Там до неё никак было не добраться. Камеры закрывались на замок, а ключ был у начальника цеха. За всё время Машке только один раз удалось туда заскочить, и то её сразу же выгнали.

А когда колбасу вывозили в весовую, снимали с рам и укладывали в короба, потом взвешивали и несли к машине, тут уже главное – не зевать. Во-первых, колбаса могла запросто упасть, и это была уже их с Рэмбо законная добыча, хотя всё равно лучше подобрать втихаря. А если ничего не падало, то всегда можно было изловчиться и стащить из короба батон или каралку.

Правда, однажды Рэмбо вот так ухватил одну небольшую колбаску, а это оказалась сарделька, и за ней потянулись ещё и ещё. Ёлки-палки, метра полтора было этих сарделек. Рэмбо уже давно в кусты нырнул, а сардельки всё тянут. Но повезло в тот раз – не заметили.

Всю свою добычу они относили в гараж. Их там уже, как правило, ждали. Часть по справедливости отдавалась добытчикам, а остальное пускалось на закуску.

В общем, собакам на территории завода жилось неплохо – вроде бы и при хозяевах и в то же время вольные, а благодаря колбасному производству ещё и сытые все были. поголовье их увеличивалось, но не так чтобы очень сильно.

Правда, были жалобы от особо пугливых сотрудниц с потрепанными шубами. Инженер по технике безопасности в ответ на их робкие сетования всё грозился собак перестрелять, но каждый раз за них вступалась охрана. «Да вы что, – говорили сторожа, – это ж бесплатная служба безопасности! Случись какому супостату через забор ночью перелезть, они ж лучше любой сигнализации сработывают! А дамочки пусть по территории зря не шастают!» Возразить на это было нечего, и всё оставалось как есть.

Беда пришла, как водится, неожиданно-негаданно.

Однажды Машка с Шайбой резвились возле правления завода. А тут как раз машина, и оттуда длинная шикарная норковая шуба выходит. Шайба за

неё и уцепилась. Кто ж знал, что хозяйка этой шубы какая-то шишка из налоговой, да ещё и нервная к тому же. Шум, крик! Прибежал директор завода. И тут же приказ: всех собак, кроме тех, что официально числились за сторожами, отстрелять.

На время отстрела Шайбу забрала домой одна из сторожих – сердобольная душа. А чего? Женщина жила в частном доме, а собака хорошая, умная. А Рэмбо и Машку шофера спрятали в гараже, в старом фургоне. Там они и отсиживались дня три, пока шли репрессии.

Много собак тогда перестреляли. Но постепенно жизнь опять стала налаживаться. Рэмбо с Машкой перестали прятаться от людей и вернулись к своей работе.

А потом в колбасном цехе травил крыс. Как такая умная собака, как Машка, могла, не разобравшись, съесть отравленную приманку, никто так и не понял. Нашёл её Мамонт уже околевавшую, когда вышел убирать снег.

Рэмбо долго ещё потом приходил в колбасный, всё разыскивал свою подружку. После исчезновения Машки он стал угрюмым. На чужаков, заходивших в гараж, уже не просто лаял, а прямо накидывался.

А тут как-то сломалась директорская машина. Было это в пятницу – директор собирался ехать на охоту с друзьями. Механики провозились с машиной почти целый день. Неполадку в конце концов устранили, позвонили, доложили.

А когда хозяин явился за своим автомобилем, тут и выскочил Рэмбо, и вцепился зубами в директорскую штанину. Никто и прикрикнуть на него не успел. Директор собаку отпихнул, достал из машины карабин и застрелил пса.

– Я же говорил им, что не всех отстреляли! Так нет: «Что Вы, Василь Николаич, всех до единой!» Охотники хреновы! – ворчал он, убирая ружьё в чехол.

Мамонт, когда узнал о смерти Рэмбо, заплакал. А шофера ещё долго старались про Рэмбо даже в разговоре не упоминать, да только разве такого пса забудешь.

Но однажды в обеденный перерыв, когда все уселись за стол перекусить, в гаражных воротах появилась Дуська – маленькая, лохматая, чёрно-белой масти.

– Ну-ка, ну-ка, – оживились мужики, – заходи-заходи, не бойся.

И Дуська, по-щенячьему неуклюже переваливаясь и виляя крохотным хвостиком, подошла к столу.

бесцеремонностью он меня уже «заводит».

Мужчина лёг на спину, прикрыв глаза. Я тоже надвинула на глаза шляпу...

– А берег начал обнажаться... – проинёс он задумчиво.

– Вы о чём? – не поняла я.

– Так, ни о чём... Помните у Евтушенко? «Женщина всегда чуть-чуть как море. Море в чём-то женщина чуть-чуть...»

На это я кокетливо заявила, что с незнакомыми мужчинами предпочитаю не общаться.

Мой сосед по пляжу представился Эдуардом. Я тоже назвала настоящее имя, хотя на отдыхе некоторые предпочитают называть себя выдуманными именами. Завязкой к разговору послужила моя жалоба на отсутствие энергии после нервнотратной работы.

– О! Я вам порекомендую хорошее питание для того, чтобы зарядиться энергией, и – секс! Больше секса, дорогая! – живо отозвался он. – В вас, судя по внешности, вы – астеничная, бледнолицая, должна преобладать энергия инь, но она почти отсутствует. Калорийное питание здесь не проблема. А ещё для наполнения, просто как лекарство, вам нужно ощущать прикосновение другого тела. Хотите, сделаю профессиональный массаж?

Прежде, чем я успела среагировать, Эдуард решительно, но приятными, «накатывающими» движениями начал водить по моему животу, продолжая просвещать:

– А знаете, что занятия сексом дают наибольший эффект на открытом солнце?

Сначала он стоял на коленях сбоку, потом почти «оседлал» меня, но оставался как бы на весу.

Заметив, что от его прикосновений я кайфую, он продолжил массаж в самом чувствительном месте, медленно спустил сначала до колен мои плавки, а потом и вовсе их снял...

– Мой друг ещё по молодости позвал домой к себе двух девок. Собственно, позвал одну, а та побоялась, потащила с собой подружку, – рассказывал, ухмыляясь, массажист. – Чтобы никому не было обидно, имел их по очереди. И что ты думаешь? Девять раз за ночь! Подумать только: девять раз! А потом ведь бодрячком на работу пошёл!

Я томно спросила его, не он ли герой этого вдохновенного рассказа? Эдуард засмеялся и поцеловал меня в плечо, сказав, что только завидовал другу...

На всякий случай вглядываюсь в окрестности: не нарисовался бы кто-нибудь ещё!

– Вы местный или отдыхающий? –

спросила у него, по большей части чтобы не возвращаться к излюбленной мужской теме.

– Для подвигов – весь мир! Для отдыха – Евпатория! – лучезарно улыбаясь, ответил он знаменитой местной фразой.

«Похоже, тоже турист», – догадалась я и вдруг поняла, что он похож на бронзового Геракла с набережной городка-курорта! Обязательно до памятника дойду, он в Евпатории с 2003 года, пока видела его только на большущем календаре в турфирме.

– А по жизни чем занимаетесь? – спросила я с возрастающим интересом.

– Ничем, – ответил, пожимая плечами. – Астрологией увлекаюсь.

– Значит, астролог?

– Скорее, психолог, знаток женских душ и тел! – шутливо произнёс он и поцеловал меня в правый сосок, умело помассировал его языком, отчего по телу побежали мурашки. Как зажигательно и приятно!

И тут я поняла, что с таким, взявшись за руки, можно пройти по всей жизни!

А он уже не говорит, а поворачивает меня на живот, с силой разводит мои ноги. В следующий момент, обхватив за бёдра, рывком притягивает к себе и...

Его сильные ритмичные движения вызывают неопределимый восторг, как будто мы с ним раскачиваемся на высоких качелях-лодках в горпарке, когда дух захватывает.

И вдруг головокружительный кульбит – Эдуард падает, а я оказываюсь «наездницей», повернутой к нему спиной. Галоп не прекращается до самой «точки невозврата!» Потом он громко стонет, а я неистово, безумно кричу на весь пляж!

Невесомая, откидываюсь на песок... Весь мир исчезает для меня. Все неприятности как рукой сняло! Мы были одни на всем белом свете, под южным солнцем: он и я... И ещё шум прибора.

Не отпускаю его сильную руку... Между нами незримая космическая нить!

С закрытыми глазами я представляю, как мы с ним едем на новенькой иномарке, как поднимаемся по трапу самолёта и машем провожающим, а потом в кафе едим мороженое и взахлеб чему-то смеёмся, и я шутя натягиваю ему на глаза бейсболку, а ещё танцуем вальс... на свадьбе!

Моя мама, не утруждавшая, честно говоря, себя моим воспитанием, считает, что дерево нужно рубить по себе. Вот, похоже, и срубила. Или Эдик срубил...

Да какая разница! Невооружённым глазом видно, что мужик настоящий

и стоящий! Неужели так повезло? Даже не верится!

Это не Ваня Петров из отдела продаж, у которого статус воздыхателя-неудачника. Пытается быть внимательным, заботливым, чего не отнимешь... Но вот изюминки, мужского шарма – ни на грош! Узнав, что уезжаю, пришёл в наш кабинет, потоптался у дверей и, протянув коробку конфет, промямлил: «Лара, ты... не скучай! Поправляй здоровье! Мы тут без тебя ударно поработаем!»

Моей маме нравится считать Ваню женихом. Её самолюбие тешит то, что хоть какой-никакой, да «жених», потому что без конца спрашивает, замуж ли я? Она отшучивается, мол, замуж не напасать... А мне мудро замечает: «Плохой ухаживает – хорошему дороге кажет!»

Поставить их рядом – Ваню и Эдика... У Эдика решительность, воля и... напор! Ведь уболтал! Совсем голову потерял! Он, в отличие от Вани, стихи любит и с чувством юмора у него всё в полном порядке. Мой сослуживец всегда последним над анекдотами смеётся, а рассказать к месту, как некоторые, вообще не додумается... А Эдик так забавно про своего друга поведал... Артист! Такие и отцами хороши становятся! И ещё ласковый. Даже пару раз в разговоре назвал меня деткой! Снова маленькой, беззащитной себя почувствовала... А я ведь знала, что встречу здесь своего мужчину!

– Сколько времени? – Эдуард с озабоченным видом приподнялся на локте. Потом нежно взял мою руку с маленькими круглыми часиками, посмотрел на них и сокрушённо покачал головой. – О, уже час! Пора!

– А в чём дело?

– С армейским другом обещал встре-

титься. Я на полчаса, не больше. У меня машина вон там, на стоянке, – Эдуард махнул рукой куда-то в сторону.

– Встречайся и приходи побыстрее, я тебя дождусь, – слегка огорчённо ответила я. – Раз ты на машине, может, и меня в город возьмёшь?

– Слушать неинтересный мужской треп? – Эдуард миролюбиво поцеловал меня в висок. – Не скучай, детка!

После ухода Эдуарда я выпила «Массандры», хорошо вздремнула, прикрыв голову шляпой, дважды искупалась, дочитала очередной роман Марининой «Замена объекта».

Уже давно пора было в отель, а Эдуард все не возвращался.

Уж вечер близится, а Эдика всё нет... М-да...

Что же произошло? Позвонить бы, да телефонами не обменялись... То мне рисовалась картина, как он падает в обморок под безжалостно палящим солнцем, то вроде бы в кафе к нему подсказываются девицы в коротких юбочках, и он с ними уходит, то якобы дерётся с другом, который со всей силы ударяет его почти самурайским ножом... Скорая, милиция... Только не это! Почему, ну почему я не взяла у него номер сотового?!

Уже одетая, привычно просматриваю содержимое объёмной сумки: ключи от дома, носовой платок, сотовый, косметичка... Стоп! А кошелёк? Где мой кошелёк с наличкой и сбербанковской картой?! Это же всё, с чем я приехала! Всё, что изнурительно копила на поездку долгих три года, избегая лишних посещений кафе, тряпок, не делая в убитой квартире ремонта...

Поднимаюсь. Утираю слёзы. Окончательно привожу себя в порядок. «Ничего, переживём, бывает», – успокоительно шепчу себе по дороге в отель.

большой кабинет в управлении статистики, где проходили встречи, чаепития). Мужчины, конечно, расстарались – цветы, подарочки. И когда уже все изрядно приняли горячительного, дошла очередь говорить тост до секретарши Люды, или Людочки, как все её звали. Вроде и ничего особенного не сказала, так себе:

– Я предлагаю выпить за наших милых тружениц – умниц, красавиц, комсомолок и спортсменок, – а потом, улыбнувшись, добавила: – Ещё я хочу

тоскливого одиночества миновали, и вокруг снова закипела жизнь. Акбар к этому времени совсем окреп и превратился в двухлетку с тяжёлым недоверчивым взглядом и клоками седой шерсти на плечах и на морде.

Однажды хозяин, целый день провозившись во дворе, подновил заборчик загона возле сарая. Акбар, то слоняясь по двору, то сидя на крыльце, всё это время внимательно и насторожённо наблюдал за хозяином, а когда в загон снова выпустили молодых птиц, незаметно ушёл со двора.

До самого позднего вечера хозяйские ребятишки звали его, разыскивая, бегали по улице, но найти Акбара им так и не удалось.

Собачья жизнь

Последние пару лет Рэмбо работал в гараже и считал, что ему крупно повезло. Работа, конечно, не бог весть какая, но всё же при деле. А поскольку к своим обязанностям он всегда относился добросовестно, то и люди его уважали.

Он и жил тут же, в гараже. Мало того, и подруга его Машка приходила сюда к нему ночевать. Приходила сначала тайком, а утром, чуть свет, убегала. В гараже, конечно, это заметили и посмеивались над ними. Но когда поняли, что у них всё серьёзно, начали относиться по-другому. И вскоре озорная и весёлая Машка стала здесь своей.

Основной обязанностью Рэмбо было не пускать посторонних. Оно даже и не то, чтобы не пускать совсем, а хотя бы предупредить вовремя, что чужой пришёл. И Рэмбо следил за этим очень ревностно. Ну, и ещё так, по мелочам уже, кому, чем услужить-помочь. Например, если шофёр или механик залезал с ремонтом под машину, то Рэмбо тут же ложился ему под голову. Это ведь не трудно, а человеку удобно – голова не на весу. Опять же, если руки мазутные надо обтереть, а ветоши рядом нет, Рэмбо тут как тут, подставлял свою спину. От солярки и мазута шерсть только гуще становилась и блестела, ну и блох было меньше. Вот в такой суеде день и проходил. А ближе к вечеру прибегала Машка, звала Рэмбо на погрузку.

Она тоже, кстати, без дела не сидела. С утра обегала территорию завода. А территория была огромная, цехов – и действующих, и пустующих – тьма, и везде жили собаки. Машка со всеми здоровалась, со всеми находила о чём

поговорить. Даже в покрасочный забегала к токсикам.

Вообще-то с этой сворой недоумков, безвылазно живущих в своём цехе, никто, кроме неё, и не общался. Да и о чём с ними разговаривать – маленькие, тощие, пучеглазые, ушастые, и все как один глупые и психованные. Она и Машка-то забегала туда чаще просто приколоться... Вот собаки с охраны – это другое дело. Это элита. На официальном довольствии, не как-нибудь там!

Вволю набегавшись, утолив жажду общения и узнав все новости, Машка шла на дежурство. Один из небольших цехов арендовали колбасники, вот там она и дежурила целыми днями, так же, как и Рэмбо, облаивая чужаков или развлекая цехового дворника Мамонта разными забавными штучками.

Зимой, например, когда Мамонт выходил на улицу убирать снег, Машка выжидала, когда в огромном скребке наберётся снежная кучка, а потом с разбега запрыгивала в него и лихо падала на бок. Мамонт останавливался, орал, топал ногами и страшно матерился, но Машка его не боялась. А чего бояться, руки-то у него заняты. А когда тот бросал скребок и кидался к ней, она отбегала в сторону – попробуй догони. Но стоило ему вернуться к своему занятию, как всё повторилось сначала. Дворник злился, ругался, но катал Машку на скребке, пока той самой не надоедала эта игра.

Раз или два за смену из цеха вывозили на помойку обваленные кости. Часть-то их шла на продажу, но в основном выбрасывали. И сразу же к мусорным бакам стекались бомжи. Как они проникали на территорию завода, было непонятно. Но раз уж сумели как-то пройти, то от баков их никто не гонял. Только Машка бдительно следила за порядком, и если начиналась какая-нибудь свара, сразу же давала знать Мамонту. После бомжей приходили собаки из разных цехов, ну, кроме токсиков, конечно, а уже потом слетались вороны.

Иногда к Машке на дежурство забегала её подруга Шайба. Машка любила её и всегда делилась с ней своими подачками. С Шайбой было весело. Был у неё один забавный приколот: она тихонько подкрадывалась к заводским женщинам и неожиданно хватала их зубами за подол шубы или за сумку. Хватала так, чисто символически, лишь бы напугать. Те сначала держались, а потом, увидев собаку, начинали кричать и махать руками. Шайба отпускала добычу, и они вместе с Маш-

Антонина Косачёва

Можешь называть меня Анжелой

Анжелика не думала, что когда-нибудь это произойдёт.

Какое коварство! Так больно ударить могут только самые близкие люди. Лучшая подруга, называется! Преподнесла подарочек к Восьмому марта. А ведь прекрасно знала, что делала, – при стечении всего народа ляпнула!

Корпоратив в этот раз проводили «дома». Коллеги плотненько сидели за длинным праздничным столом в трапезной (так в шутку называли самый

получите полное представление о том, как весело и беззаботно прошло у Акбара лето.

А потом, однажды, уже по осени, случилось вот что... В тот день хозяева, как обычно, ушли с утра на работу, ребятня убежала в школу, и Акбар остался на хозяйстве один. Сначала он посплохлялся по двору, потом прилёг на крыльце и задремал, а когда проснулся, увидел в огороде кур.

Они, случалось, и раньше как-то пролазили между штакетинами, а то и перелетали через них, а в последнее время совсем обнаглели. Акбар в таких случаях звал хозяев, и те, ругаясь и махая руками, загоняли беглянок обратно. Так было бы и в этот раз, если бы на его лай кто-нибудь вышел из дома, хоть бы из ребятнишек кто. Но дома никого не было: девчонки после школы пошли в кино, а их младший братишка заигрался с пацанами.

Акбар сначала только лаял на кур, а потом стал гонять. Куры с громким кудахтаньем разбегались, разлетались в разные стороны, но возвращаться в загон не собирались.

Ах так! Акбар увлёкся и сам не заметил, как в какой-то момент в нём проснулся звериный инстинкт. Разбег, обманный выпад, молниеносный бросок, ловкий хват, едва уловимое движение головой и... щелчок сломанной птичьей шеи. Одна, вторая, третья... Кровь, перья, хлопанье крыльев пьянили Акбара. Дикий, необузданный азарт не давал остановиться.

«Ну, где вы, куда вы попрятались, глупые птицы?!» – Акбар стоял посреди двора насторожённый, чуткий и страшный, с оскаленной пастью, готовый к новой схватке. Горящим взором окинул поле битвы – всё было кончено.

Передавленных кур Акбар перетащил в загон, легко перепрыгивая через ограду. Каждую прикопал землей – теперь уж точно не убегут. Те несколько птиц, которые ещё оставались в загоне, шарахнулись от него, но пёс даже внимания на них не обратил.

Закончив с курами, Акбар вернулся на крыльцо. И хотя возбуждение стало уже понемногу отпускать его, он всё ещё был как натянутая струна: часто дышал, поводя насторожёнными ушами, нервно вздрагивал шкурой, а перед глазами всё мелькали и мелькали картины кровавой схватки. Постепенно успокоившись, Акбар положил голову на передние лапы, вздохнул... и снова стал самим собой – спокойным, послушным и рассудительным псом.

Увидев разор в курятнике, хозяйка

охнула, схватившись за сердце, замедлалась, а потом, привалившись к дверям пустого сарая, заплакала. Хозяин какое-то время смотрел на всё это молча, затем прошёл в дом, а вернулся оттуда с мешком. Ухватив Акбара за загривок, одним рывком поднял и сунил в мешок.

Поначалу пёс, извиваясь и воя, пытался уворачиваться от ударов, потом, оглушённый, затих. И уже не слышал, как хозяйка, повиснув на руках мужа, кричала: «Ваня, Ванечка, хватит! Убьёшь же!» Как вернувшиеся ребяташки с опаской заглядывали в мешок, утирая слёзы и тихо перешептываясь: жив – не жив, дышит – не дышит. Увидав вышедшего на крыльцо отца, дети отпрянули и понуро прошли в дом.

Акбар очнулся уже глубокой ночью. Кое-как выбрался из влажной от крови и ночной росы мешковины. Попытался встать на лапы, не смог. Какое-то время лежал, не двигаясь, а потом, слабо поскуливая, пополз к своей норе.

Там его и нашли на утро сестрёнки. «Акбар, Акбарка», – звали они, заглядывая в лаз. Пёс с распухшей головой и заплаканными глазами лежал не шевелясь, только кончик хвоста слегка подрагивал. Девчонки, как можно дальше в нору, закинули кусок хлеба, намазанный маслом, и ушли в школу.

Акбар смог дотянуться до еды только на следующее утро. Ребятишки, пока родителей не было дома, не отходили от норы, подкармливая пса, и по очереди гладили его, когда он подполз настолько, что уже можно было достать рукой.

А ещё через пару дней Акбар выполз на улицу. Он был молодым и здоровым псом и быстро пошёл на поправку.

Прошла зима, как всегда, с буранами, метелями и трескучими сибирскими морозами. В тёплой норе под домом Акбар легко пережил суровые холода. Лёжа на подстилке из древесной трухи, он прислушивался к поскрипыванию снега под хозяйскими шагами, завыванию ветра в голых ветвях деревьев, потрескиванию брёвен от мороза. Эти новые звуки зимней улицы, смешиваясь с давно привычными, теми, что доносились из дома сквозь доски пола, навевали сладкую полудрёму, в которой ему то ли снилось, то ли вспоминалось, то ли грезились лето.

И лето вернулось, незаметно вытеснив затянувшуюся весну с её ветреным непостоянством и звонким плачем капели. Долгие месяцы холодного,

выпить за мою подружку Анжелу, пусть ей улыбнётся счастье.

Анжелика просто окаменела! Она терпеть не могла, когда её так называли. В паспорте чётко написано – Анже-ли-ка. И в коллективе её знают под этим именем. Анжелой она была в детстве, которое и вспоминать-то не хочется: неприкаянность и сиротство при живых родителях, уличные компании и вечные конфликты в школе. Но уже тогда поставила перед собой цель всего добиться самой. А став взрослой, сменила имя, чтобы ничто не напоминало о прежней жизни.

Она всего добилась, о чём мечтала. У неё хорошая работа, достойная зарплата, квартира (студия, оформила в ипотеку), машина (правда, сейчас в ремонте, но кредит уже закончила платить). Есть много друзей, с которыми делит главное увлечение своей жизни – горы. С нетерпением ждёт отпуска – в этом году будет долгожданный сплав по Катуню.

Осталось устроить личную жизнь.

К вопросу замужества Анжелика подходила серьёзно, у неё были свои требования к представителям сильного пола. Кроме стандартного набора прекрасных мужских качеств, большую роль играли эрудиция, чувство юмора и любовь к путешествиям. И ещё одно немаловажное условие: фамилия у будущего избранника должна быть звучной, чтобы соответствовать её красивому имени.

Правда, пока у неё сплошные неудачи на любовном фронте, но Анжелика была уверена, что ещё встретит мужчину своей мечты.

Вот, например, по всем статьям подходит Эдик Андим из промышленной группы. Жаль, он совсем не интересуется девушками. А как хорошо звучало бы – Анжелика Андим! Совершенно пофранцузски! Конечно, не Анжелика де Пейрак, но... это хоть как-то породнило бы её с любимой героиней зачитанного до дыр романа Анн и Сержа Голон.

Людочка посмеивалась над подружкой, говорила, что всё это пустяки, главное, чтобы человек был хороший, мол, так можно довыбираться...

Ничего не пустяки! В жизни всё важно, и если есть цель – надо к ней идти. Без оглядки на прошлое, где бедной Анжеле достались одиночество, унижения и разочарования. Поэтому и готова была огнём плевать при упоминании прежнего имени.

Людочка знала, что делала! Она всё знала!

Только непонятно, зачем так? Ещё и сухо красного вина наливает, предлагает чокнуться.

Анжелика, горько усмехнувшись, отодвинула бокал рукой.

– Я не пью сухач!

– Анжела, ну ты чего?

– Всё нормально! – с деланным спокойствием ответила Анжелика, а у самой в душе громыхала буря.

Она не стала долго засиживаться, распрощалась с коллегами, когда веселье ещё было в полном разгаре.

Дома старалась не накручивать себя, но ничего не получалось: в голову лезли разные мысли, не давали покоя воспоминания.

Обычно выходные пролетали как одно мгновение, а тут тянулись неизмеримо долго. Несколько раз звонила Людочка. Анжелика не отвечала на её звонки: не о чем разговаривать!

А когда в понедельник утром собиралась на работу, подумала: «Что это я миндальничаю с этой Людочкой? А не лучше ли говорить ей правду в глаза? Всё, что думаю о ней! Не в отместку, конечно, а так. Пусть знает!»

Начало рабочего дня было необычным: все столпились в приёмной у стола секретарши Людочки и рассматривали в компьютере фотографии с корпоратива. Раздавались взрывы смеха. Хорошо погуляли!

Анжелика не принимала в этом участия. Не сказать, что ей было не интересно, нет! Но по понятной причине она не пошла.

И вот Людочка сама заглянула к ней в кабинет:

– Привет! Ты что не стала фотки смотреть? Там обхохочешься!

Анжелика, откинувшись на спинку кресла, в упор посмотрела на подружку: «Надо же, чирикает как ни в чём не бывало! А извиниться не хочешь?»

Но всё же буркнула нехотя:

– Привет. Скинь мне, я потом посмотрю.

А Людочка как будто ничего не заметила или сделала вид, что не заметила:

– Ага, ладно. Я пойду в магазин, к чаю

что-нибудь возьму. Тебе что купить?

– Ничего не надо.

Через несколько минут Людочка вновь зашла.

– Как тебе мой новый плащ?

Внутри Анжелики уже всё клокотало и бурлило. Еле сдерживая себя, она сказала едко:

– Хороший! Цвет такой насыщенный, ядовито-зелёный. И ремешок кстати – отлично подчёркивает то место, где должна быть талия.

Для вечно худеющей Людочки это был удар ниже пояса. Она усмехнулась, передёрнула плечиком и парировала:

– У тебя и такого нет! Завидуешь молча!

Во время короткого предобеденного перерыва женская половина коллектива потянулась в трапезную – чайку попить (у мужчин, как известно, в это время перекур). Главная тема разговоров – недавняя гуляночка: кто перебрал, кто с кем шуры-муры закрутил.

– Да, кстати, – вспомнила Анжелика, обращаясь к Людочке, – я недавно твоего бывшего видела с новой пассией. Красотка с внешностью фотомодели.

Это был запрещённый приём. Людочка вспыхнула и молча вышла: она всё ещё страдала по своему донжуану.

Сослуживицы недоумевали: какая кошка пробежала между подругами?

Уколы и шпильки в адрес друг друга у них продолжались и дальше. Причём Людочка чаще оборонялась, чем наступала.

Довольна ли была Анжелика? Нет, конечно же. На душе противно, волком выть хочется. К концу рабочего дня коллеги говорили между собой, что она стала невыносимой и раздражительной.

Чтобы не слушать их и хоть как-то себя развеять, Анжелика открыла интернет, заглянула в свою любимую группу на «Фейсбуке» – «Альтаир». А там сообщение. Оказывается, в горы они пойдут не в июне, как было решено заранее, а в июле! Так сложились обстоятельства...

Ё-моё! График отпусков уже утверждён, Анжелика записалась на июнь. Что же делать? Надо с кем-то договариваться, меняться. Но у всех свои планы.

Анжелика вспомнила, что Людочке было всё равно, когда отдыхать.

Делать нечего, пошла к ней. Пересилив себя, постаралась сказать как можно мягче:

– Слушай, подруга, сходи за меня в отпуск в июне.

Теперь пришла очередь Людочки откидываться на спинку кресла и смотреть тяжёлым взглядом в упор.

– Это ещё зачем?

– Понимаешь, у нас в «Альтаире» планы поменялись – в Горный едем в июле, – залепетала Анжелика.

– А при чём здесь я?

– Но тебе же было всё равно! – в отчаянье крикнула Анжелика.

– А сейчас нет, – отрезала Людочка.

У Анжелики упало сердце, рот скривился от недоброй ухмылки. Круто повернувшись, она вышла. Расстроилась не на шутку: «Ну и дура! Вот чего ей стоило согласиться! Нет же! Всё! Нашей дружбе конец!»

После работы Анжелика пошла по другой дороге – только бы не пересекаться с этой ненавистной Людочкой.

Анжелика чувствовала себя униженной и оскорблённой. Шла опустив голову, старательно обходя лужи.

Из задумчивости вывел звук тормозов. Вишнёвый «бентли» резко остановился, из машины вышел импозантный мужчина.

– Анжела! Сколько лет, сколько зим! Неужели я тебя опять встретил!

Это был Андрюша Пузанков, одноклассник, её первая любовь – нежная, романтичная. И так неожиданно закончившаяся: Андрюша на выпускном танцевал с красавицей Виолеттой из параллельного, с восхищением смотрел на неё, и Анжелика не простила другу измену, несмотря на его клятвенные заверения в верности. Именно тогда закралась мысль поменять имя, а вместе с ним и всю жизнь.

С Андрюшей они расстались, хотя оба очень страдали. Потом совсем исчезли из поля зрения друг друга. А теперь он – как снег на голову.

Анжелика не поверила глазам. Боже мой! Вот это сюрприз!

Посыпались взаимные вопросы: «Ты где? Ты как?» Андрюша в разводе, детей нет, один как перст. Анжелика тоже без спутника. Обоим сразу стало ясно: они ждали эту встречу.

Андрюша не скрывал внезапной радости:

– Смотрю, Анжелка идёт! Такая несчастная... Что у тебя стряслось?

– Да понимаешь, наши в Горный собрались в июле, а у меня отпуск в июне.

– Значит, мы с тобой поедem в июне. Ты не против? – с надеждой в голосе спросил Андрюша.

– Конечно нет, – прошептала в ответ счастливая Анжелика, не скрывая предательских слезинок.

Потом они ужинали в кафе, говорили, строили планы. Андрюша с обожанием смотрел на свою спутницу, галантно ухаживал. Анжелика тонула в его глазах, её сердце таяло, на душе было радостно и волнительно одновременно. Вот и встретилась она со своим Жюффреем де Пейраком! Прямо как в романе...

И уже поздно вечером, оставшись одна, Анжелика подумала: «А если бы я не поссорилась с Людочкой и пошла бы домой по привычной дороге? Я бы тогда не встретила Андрюшу...»

С какой нежностью он произносит Анжела! Так бы слушала и слушала... Выходит, я зря возненавидела это имя... Дело не в имени! И мне абсолютно всё равно, что у Андрюши такая смешная фамилия. А Людочка... Она ведь на корпоративе выпила за моё счастье!»

Елена Бызова

Акбар

Акбар, рыжий здоровый пёс с подпалинами на боках и холке, лежал, вытянувшись в своей норе под сениями.

Сначала-то он жил в доме, а когда подросток, хозяева решили переселить его в будку. Хорошая такая будка. И подстилку его туда засунули. Но Акбар запрямылся. Он долго слонялся по двору, всё пытался найти какую-нибудь лазейку, через которую можно было бы незаметно залезть в дом. Не нашёл. Зато обнаружил, что возле одной из балок, на которой стояли сени, земля заметно просела от весенней капели и дождей и образовалась приличная такая щель. Он легко расширил её, проделав удобный лаз, залез, осмотрелся, принялся, прислушался.

Сверху были толстые доски пола, снизу – уже готовая подстилка из щепы и опилок. Пахло древесной трухой, землёй и немного мышами. Слышно было, как по полу топотят босыми пятками ребятки, хозяйка ходит туда-сюда. В общем, Акбару здесь понравилось, здесь он и остался жить.

Поначалу, конечно, скучал немного, прислушиваясь к знакомым звукам, доносящимся из дома. Вот ребятня возится на полу с Барсиком. Вот за стол садятся, сейчас есть будут, а его даже и не зовут. Обидно. Но, как оказалось, зря обижался, хозяйка и здесь про него не забывала. Как только все вставали из-за стола, она собирала косточки, разные вкусные кусочки, добавляла их в его похлёбку и выносила чашку во двор:

– Акбарка, иди поешь.

Пёс выскакивал, благодарно виляя хвостом. Прежде чем начать есть, бдительно осматривался по сторонам, сердито лая на любой подозрительный шорох.

Постепенно он привык к своей новой жизни и даже нашёл в ней много приятных моментов. Здесь и чужих кошек можно было погонять, и с соседскими собаками перебрехнуться. На воробьёв тоже интересно было поохотиться – по утрам они слетались на его чашку целыми стайками, поклевать остатки каши.

А уж когда хозяин выходил во двор и начинал что-нибудь мастерить, то Акбар не отходил от него ни на шаг, и это тоже было интересно.

Однажды хозяин провозился во дворе целый день. Из больших досок он напил много тонких палок, соединил их между собой и огородил ими часть

двора возле сарая. Потом из дома вынесли большую клетку с птицами и выпустили их за новый забор. Хозяева насыпали им зерна, поставили корытце с водой и, оставив дверь в сарайку открытой, ушли.

А Акбар остался наблюдать. Интересно, размышлял он, откуда в доме взялись эти птицы? Неужели это те самые пушистые жёлтые комочки? Хозяин как-то раз принес их в коробке давно, ещё по снегу. По запаху вроде они. Выросли, что ли, так?

А куры спокойно ходили по загону, обживая, как когда-то и он сам, новое пространство. Когда какая-нибудь из птиц подходила слишком близко к Акбару, он лаял на неё, напрыгивая на забор. Та останавливалась, с недоумением вскидывала голову, кося глазом на страшного зверя, хлопая неокрепшими крыльями и, смешно подсакивая, отбегала в сторону, но тут же и забывала про него, продолжая увлечённо рыться в земле и выщипывать траву под стенами сарая.

Так у Акбара появилась новая забава – пугать кур. Правда, ему за это влетало от хозяев, но когда тех не было дома, он всё же позволял себе изредка такое развлечение. Добавьте сюда ещё походы с хозяйскими ребятками на реку, купание, возню на мокром песке, и вы

Несмотря на вечерний час, на улице было ещё светло. Некоторое время девушки шли молча. Было приятно выйти из подземелья «на волю». Даже тесные дворики казались теперь просторными, а тяжёлый городской воздух – свежим.

Апрельское солнце рассыпало ярко-жёлтые веснушки одуванчиков по игольчатым коврикам травы. Субтильные городские берёзки уже успели украсить себя длинными сережками и укутаться в нежно-салатовые облачные вуали.

Подруги присели на одинокую лавочку под клёнами.

Высокие кудрявые красавцы уже распустили пушистые метёлки, похожие на головы папуасов. Лишь один худенький клён-подросток, отстав от старших собратьев, тянулся к ним изо всех сил. Клейкие разбухшие почки на его тонких ветках, словно крошечные птенцы, широко разинули клювики в немом крике: «Подождите! Возьмите меня с собой!»

«Надо же, вот же он, тот трогательный есенинский клёночек!» – умилилась Аня, удивлённо отметив, как быстро наступила вдруг весна, преобразив всё вокруг до неузнаваемости.

– А помнишь, как раньше, в детстве, мы по дороге в школу или из школы разглядывали каждую былинку, замечали малейшие изменения, а теперь всё внезапно на голову падает: р-раз и весна! – заметила Аня.

Вдохнув поглубже аромат весны, она поведала Яночке о наказе магистра: чтоб та немедленно ехала к Адик и не думала сомневаться, а ещё о том, что теперь больше никогда не сможет гадать по руке. Магии больше нет.

– Ка-ак, вообще? Никому-никому? – удивилась Яночка, которая не могла представить подругу отдельно от её удивительного дара. – Ну-ка, глянь!

Подруга протянула Ане руку, и та машинально вперилась взглядом в ладонь.

Она по привычке ощупывала тонкие пальчики, холмы и впадины, всё яснее и яснее осознавая, что теперь волшебная дверь закрыта для неё навсегда.

Аня ожидала, что почувствует разочарование, но вместо этого ощутила лёгкость и умиротворение, словно душа её освободилась от тяжкого опостылевшего груза.

– Ничего не идёт. Ну вот просто ладонь как ладонь, и всё. Я помню, конечно, прекрасно, как называются линии, холмы, помню все знаки... И – ничего. Не идёт информация. Закрыто!

– И как тебе? Это хорошо или плохо?

– Н-не знаю пока. Вроде бы вот как-то легче стало, будто камень с души свалился.

– И что, не будет теперь наших гадательных девичников? И никаких тебе предчувствий, и никаких больше вещей снов, клиентов, что к тебе толпами ездили?

– Да и слава богу!

– А знаешь, Ань, а ведь не поеду я ни в какую Германию. Мой Адик ведь скоро на пенсию пойдёт. Так вот, пусть лучше сам сюда переезжает, раз так любит всё русское. Такой-то домик, как у него, мы себе и здесь запросто организуем, а? Как думаешь?

Анины глаза подозрительно заблестели, и она, еле сдерживаясь, чтобы не закричать от нахлынувшей радости, весело заметила:

– Вот если бы мне ещё сегодня утром сказали, что в нашем городе Б. под центральной площадью какой-то жуткий колдун сидит... ну, я бы подумала, что надо мной просто-напросто издеваются!

Безудержный смех вырвался наружу с такой силой, что обеих «переломил пополам». Они хохотали как сумасшедшие, до слёз, до колик в животе, до головокружения. Смешно им было вовсе не от сказанного, а от того, что вокруг расцветала весна, а завтра выходные, и скоро настанет долгожданный отпуск, и вообще они ещё молоды, и впереди их ждёт всё только самое хорошее и светлое...

Подходя к своему дому, Аня издали заметила долговязую фигуру бывшего мужа. Никита в нерешительности мялся у подъезда.

Когда Аня подошла ближе, она увидела у него в руках новенькую женскую куртку чудесного бирюзового цвета. «Надо же, я ведь именно такую бы себе и купила... если б деньги были», – только и успела подумать Аня, как оказалась в сильных жарких мужских объятиях.

Анжелике захотелось поговорить с подругой, извиниться. Но поймёт ли она после всего, что произошло?

В это время раздался телефонный звонок. Звонила Людочка:

– Слушай, Анжелика, я места себе не нахожу. Ты прости меня, что я тогда, на празднике, Анжелой назвала, как-то само вырвалось...

У Анжелики перехватило дыха-

Татьяна Раёвская

Лимон

Фёдор ввалился в кухню и упал на стул. В голове всё мутилось. Мелкие красные цветочки на белоснежной занавеске расплылись перед глазами в кровавые пятна. Его затошнило. Он уронил руки на кухонный стол, а голову на руки. Проклятый корпоратив.

Как обычно, 23 февраля, пожилой начальник охраны Виктор Семёнович вспоминал свое афганское прошлое. Столько лет прошло, а он не мог забыть. Рассказывал об этом каждый праздник. Страшные вещи, страшные.

Он рассказывал и пил. Фёдор слушал и пил. Не пить было невозможно, настолько нереальным казалось всё, о чем говорил Виктор Семёнович.

Виктор Семёнович не мог развидеть то, что он пережил. А Фёдор теперь не мог «разлышать». Оставалось только глушить водку в надежде впасть в забытьё и отделиться от липкого и тревожного ужаса.

В кухню тихо вошла жена. Он почувствовал это всеми позвонками. Особенно седьмым. Кожа на загривке покрылась мелкой ледяной рябью.

Потом, всё потом, сил нет. Ни разговоры разговаривать, ни оправдываться.

Он что-то промычал. Слипшиеся губы и сухая гортань сделали этот звук похожим на рык медведя, которого вот-вот вывернет.

Жена вышла, хлопнув дверью.

Фёдор поморщился от резкого звука и с трудом разлепил один глаз.

Увидел ложку и жёлтый бочок лимона.

Лимон под его взглядом поёжился. Пахнуло весенне-кислой свежестью, и внутри лимона образовалась зияющая дыра размером с два рубля.

Из дыры посыпались слова:

– Я тебе сейчас одну историю расскажу, закачаешься. Да ты сиди, сиди, мужик, не дёргайся! Сидя-то оно всё лучше входит. Короче. Сиживал я однажды

на прилавке, до того, как к вам попасть.

– Нет, Люда, это ты меня прости – столько гадостей тебе наговорила. А знаешь, если хочешь, можешь называть меня Анжелой.

Они долго не клали трубку, как будто давно не виделись!

Завтра коллеги будут удивляться, как они сумели так быстро помириться. Пусть это останется секретом.

на прилавке, до того, как к вам попасть. Так местные говорили, что мы, лимоны, самый крутой фрукт. Так и есть. Мы и с коньяком дружим, и с чаем. Ты, небось, коньяк больше предпочитаешь? Ну, оно и видно. У меня глаз намётанный. А ты, что ж, не закусывал? Зря, милочка. Так и помереть недолго. Закусывай в следующий раз, слушай меня, я знаю. Я сам родом из Абхазии. Есть теперь такая страна. Республика РА называется. Как меня любила хозяйка, Манана! Ну, не меня конкретно. А нас, всех, из сада. Как любила, ах, как любила! Бывало, погладит дерево по веткам, скажет: «Ме шен момцонхар»... и так тепло становится всем нам. Люблю, значит. Очень. А в ту ночь, когда все случилось, прибежал мальчишка знакомый, Георгий, но его все Гавриком звали, да Манане что-то на ухо шепнул. И минуты не пробыл, побежал дальше. А она побледнела, засуетилась, метнулась к мужу, Малхазу. А потом стала детей собирать: Лику, Софику. Мальш-то, Нугзар, спал уже. Так она, когда всех собрала, и его разбудила, не пожалела. Он орёт, надрывается, а она будто бы и не слышит. Как каменная стала. Грузовик приехал, они вещи покидали, да и фьють. Перед отъездом только подбежала она к нам. «Ме шен момцонхар»... по ветвям рукой провела. В наш дом снаряд во второй день войны попал. С тех пор так и стоит дом – безглазый да с чёрной дырой посередине. Мы все ждали-ждали. Никто не вернулся. Через полгода, когда война отошла, забрались ребята какие-то к нам, урожай снимали да увезли всех из родных широт. Я-то недавно родился, но мы все помним. Ох-ох-ох... Эй, мужик, ты не спишь? Я говорю, мы, лимоны-то, народ боевой, не зря же нашим именем гранату называют. Это и огурцы на прилавке подтверждают. А ты чего так глаза тарачишь?

Федор вскочил и, застонав, схватился

² Стихотворение-миниатюра Сергея Есенина «Там, где капустные грядки...» (1910 год):

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клёночек маленький матке
Зелёное вымя сосёт.

за голову. По стеночке прополз до ванной и включил кран. Нагнулся.

Обжигающая вода лилась за шиворот и неприятно щекотала спину. Рубаха сразу же намочила. Но ему было всё равно. Он стоял под струёй, а в висок бил страх.

«Только не это, только не это, больше ни грамма!»

Когда в голове прояснилось, Фёдор медленно, бочком-бочком, подобрался к кухне. Опершись о косяк, опасливо глянул на стол.

Лимон лежал рядом с чайной ложкой. Молчал.

Фёдор облегченно вздохнул: «Пронесло».

Он подошёл к столу и дотронулся до пупырчатой лимонной кожуры. Перед глазами пронеслись страшные образы: БТРы, брошенные дома, разграбленные сады. У лимонного дерева стояла растрёпанная женщина с малышом на руках.

Нина Скворцова

«И на Марсе будут яблони цвести...»

Апрель! Мой самый любимый месяц! От зимы ровным счётом не осталось ни-че-го! Ничегошеньки! Ни холода забубённого, ни сосульки шишастой, ни тебе льдинки какой! Солнце работает без устали – греет, сушит земелюшку, устилает дорожки замшей тёмносерой. Бегай, Нинадоча, досыта, не марай новые обувки!

Апрель! Слово-то какое звонкое да солнечное! Чудная звень с неба льётся и затихает в паутине ветвей. Вот-вот деревья подёрнутся туманом зелёным. Проклонутся почки хохлатые, появятся первые клейкие листочки.

Я уже набегалась на улице. Захотелось хлеба с вареньем. Вспорхнув в окошко – в такие тёплые деньки попадать в дом через дверь неинтересно, – услышала по радио знакомый торжественный голос, от которого я обычно столбенела. Он словно током простреливал меня с головы до ног: «Внимание-внимание! Говорит ТАСС!»

Мама бросила брэнчать посудой и замерла на месте.

– Тиха! – приказала она мне. – Замолчи! Левитан говорит!

Кто такой Левитан и почему надо молчать, когда он говорит, я тогда ещё не знала и заканючила:

– Мишка! – прохрипел Фёдор.

Раздался топот босых ног, и в дверном проёме показалась вихрастая голова. Круглые голубые глазёнки, веснушчатый нос. Пижама с зайцами. В руках чёрный пластмассовый револьвер.

Фёдор присел, обхватил сына руками.

– Ты чего не спишь? – Он мягко вынул из детских ручонки пистолет. Приподнялся и положил его повыше на холодильник.

– Мы тебя ждали...

– Давай-ка спать, быстро! Завтра гулять пойдём.

– Ур-р-а-а! – завопил Мишка и понёсся в глубь квартиры.

Фёдор быстро кинул пистолет в мусорное ведро.

Подошёл к окну. Выглянул во двор.

Перед окном, освещённый фонарём, торчал тополь с обрубленной макушкой.

«Не лимон, – вздохнул Фёдор, – а всё равно люблю...»

– Хлеба с варе...

– Тебе говорю, замолчи! – сурово остановила меня мама.

А голос звенел и звенел: «Работают все радиостанции Советского Союза! Сегодня, 12 апреля 1961 года, в 9 часов 7 минут по московскому времени в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту!»

Мама дотянулась рукой до радио, и Левитан заликовал ещё громче: «Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич!»

– Слава богу! – наконец выдохнула мама. – Человек куда-то полетел. Гагарин. А я уж думала опять война!

– В космос полетел! Человек в космос полетел! – выкрикивала я, кружа по комнате, как веретёшка, вся светясь радостью, счастьем. Ведь это был общий праздник всего человечества! И вдруг слёзы обиды брызнули из моих глаз.

– Как же так! Не я первая, а какой-то Гагарин! – и, громко завыв, я выбежала из дома через дверь.

«Ну надо же, тварь поганая, ведь слово в слово! Хотя бы одно словечко-то другое вставил! То ли вовсе фантазии нет!» – Аня хватается ковшиком, первое, что подвернулось под руку, и кидается на супруга. Лупит не видя, куда придётся: по голове, по телефону, по пепельнице на столе, по бутылке с остатками вина. Глаза застилает кровавая пелена. Тёмно-рубиновое пятно разрастается на белой поверхности стола, вино тонкой струйкой стекает на пол.

«Не-е-ет! Ужас! Ужас! Не-е-ет. Сейчас же дочка проснётся, испугается, начнёт плакать. Бабушка босиком и в одной ночной рубашке кинется защищать меня, отдирая от разъярённого супруга. Какой кошмар! Не хочу!» – Аня закричала, замотала головой из стороны в сторону, как раненый зверь. И открыла глаза.

С удивлением она обнаружила себя в странной комнате колдуна. Вокруг неё в диком вихре неслись дубовый стол, полки со старыми книгами и непонятными инструментами.

Марэй крепко схватил Аню за плечи и остановил кружение.

– Ишь, как беси¹ крутят. Не бойся. Всё кончилось.

Только теперь Аня начала понемногу приходить в себя и поняла, что не комната кружилась вокруг неё, а это она сама шаталась так, что чуть не слетела с лавки.

Марэй по-отечески похлопал Аню по плечу: ничего, мол, всё перемелется. Потом некоторое время вглядывался в её лицо, словно врач, ища остатки недуга.

– Так, ну вот, всё замечательно. Зрочки в норму пришли.

Вдруг в Аниной душе, словно мышшь, заскобило острыми коготками сомнение: а правильно ли она поступила? Она замялась и, чтобы оттянуть момент расставания, неожиданно спросила:

– Вот одно только... можно спросить? Раз уж так всё получилось. Что ж меня саму-то в жизни ждёт? Столько рук за свою жизнь прочитала, тайн чужих увидела, а свою руку никогда не могла растолковать.

Колдун улыбнулся ей, словно несмышлёному малышу, который просит о какой-то безделице.

– Ну-ка, давай. Как раз и испытанием новые способности. – Он вгляделся в Анины ладони не в силах скрыть удивления, однако на слова остался скуп: – Большие перемены тебя ждут.

– К хорошему или плохому? – неожиданно для себя самой переполошилась Аня.

– К хорошему, – заверил её Марэй и, чуть помолчав, добавил: – Только просьба у меня к тебе. Когда будешь в столице в большом почёте, не забудь обо мне. Обещаешь?

Ане ничего не оставалось, как неуверенно кивнуть.

– Ну да ладно. Всё. Иди.

Выпроваживая Аню, колдун как будто на самом деле вовсе и не хотел, чтобы она уходила. Он медленно подошёл, чтобы лично открыть перед ней дверь. Не сводя с неё глаз, он словно старался как можно лучше запомнить её черты. Так, наверное, смотрят друг на друга очень близкие люди, когда впереди долгая разлука и суровые испытания.

Теперь, когда колдун подошёл так близко, Аня разглядела серебряные ниточки в его вороних кудрях, а в одном ухе маленькую серьгу – колечком.

«Вот интересно, он армянин или цыган? Имя у него настоящее или выдуманное? Если настоящее, то как его мама в детстве звала? Может быть, Марик?» – отчего-то полезли в Анину голову глупые и ненужные сейчас вопросы.

Словно прочитав её мысли, Марэй попытался улыбнуться ей на прощание. Но, видимо, делал он это столь редко, что подобие улыбки получилось растерянным и беззащитным, обнаружив на щеках магистра трогательные ямочки.

Аня ощутила слабый отголосок чувства, похожего на родственное сострадание к этому странному человеку, как будто тот был ей кем-то вроде больного младшего братишки: «Мы теперь связаны. Навсегда, даже если никогда больше не встретимся, и это неведомое породило нас навеки!»

Напоследок Аня вспомнила о поджидающей в тёмной комнате Яночке и застыдилась, ведь о её жизненно важном вопросе ничего не спросила. Но Марэй, будто угадав вопрос, уверенно сообщил:

– Подруге своей скажи, чтоб ехала к мужику-то и не раздумывала. Не просто так он в её жизни образовался. Всё хорошо у неё с ним будет, пусть не сомневается.

Когда Аня появилась в зале ожидания, Яночка, что всё это время сидела «как на иголках», кинулась к ней с неммым вопросом. Аня твёрдо взяла подругу за руку, лишь шепнула на ухо: «Пошли отсюда!»

¹Беси (устар.) – бесы.

раллельно друг другу, не прерываясь. Линий жизни было две, и шли они не как положено: огибая холм Венеры вокруг большого пальца, а неестественно изогнувшись, обе линии жизни вдруг почему-то вовсе заворачивали в обратную сторону – на холм Луны. Линия Судьбы петляла как ей вздумается, то пропадая, то появляясь. Понять и что-либо прочесть по такой ладони было совершенно невозможно.

– Это же «Ладонь мага»! Её нельзя толковать. Я только слышала о таких, но вот первый раз вижу, – констатировала Аня, с опаской поднимая глаза.

По лицу Марэя пробежала тень загадочной улыбки. Колдун наклонил голову, хитро прищурился, и глянул на Аню как-то сбоку – одной стороной лица, что и сам стал похож на большого чёрного ворона, изучающего добычу, перед тем как начать клевать.

– Видеть судьбу через длань – это твой дар. Знаю, что он тебе не нужен, только мешает.

– Мешает... – как заворожённая, одними губами повторила Аня.

– Проклятый дар твою судьбу остановил. Не пойдёшь дальше, пока его не сбросишь. Ну что, отдашь?

– Да, – совершенно не задумываясь, согласилась Аня, находясь под гипнозом влажных чёрных глаз колдуна.

– Может, что-то спросить или попросить хочешь?

– Н-не знаю даже...

– Ну, хорошо, – усмехнулся Марэй, – тогда начнём. Он усадил Аню на табурет посреди кабинета, накрыл голову материей. – Ты расслабься, постарайся ни о чём не думать, а главное – глаза не открывай.

Аня почувствовала, что колдун бесцеремонно положил ей на голову тяжёлую книгу, и, раскрыв, начал читать усыпляющую тарабарщину, напоминающую мантры.

Знакомая комната: старый бабушкин стол у окна, трельяж, каких теперь уже и не встретишь в современных квартирах, у тёплой печной стены дочуркина детская кроватка, вечно разобранный сломанный диван – «брачное ложе». Этого скрипучего монстра, пережившего сотню слёзных драм, бывший муж при разводе увезёт куда-то. С кем уж он на нём будет потом выяснять отношения – одному ветру в поле известно, как говорит бабуля. Муж почему-то дома, он молодой, а ещё весёлый и добрый, значит, подшофе: «Эх, какой же он всё-таки кудрявый да ладненький, всё при нём!»

Аня с ужасом понимает, что это уже было с ней когда-то. И вовсе не какое-

нибудь секундное дежавю, а явственное осязаемое прошлое. Она даже знает, что именно случится дальше. И действительно, её крепко обнимает бывший муж, который пока ещё даже и не подозревает, что совсем скоро станет бывшим:

– Котёнок, а хочешь, мы тебе куртку купим? Красивую! Видел сегодня в витрине на Новом рынке, а? Будет тебе от меня память!

Аня с отвращением уворачивается от его пьяных поцелуев и утыкается в подушку: «Ведь этого всего уже давно нет, почему же на душе по-прежнему так исключительно противно! Может, надо сказать ему? Попробовать что-то изменить?»

В её сердце, сжавшемся от подлой неискренности мужа, слабо шевельнулась надежда.

– Никита, ложись спать, не ходи в сенки, не звони никому. Пожалуйста!

– Да я щас, мигом. Курну, и всё. Спи.

Дальнейших уговоров муж уже слушать не собирался. Да, ничего невозможно изменить! Но лучше попробовать и пожалеть, чем вовсе не пытаться. Аня валится на подушку, чувствуя невероятную усталость, только сна почему-то нет и нет. Она знает, что не нужно зря травить душу, что Никита сейчас снова там, как тогда, допивает очередную бутылку и болтает по телефону со своей хамоватой любовницей-молодухой, которая внаглую могла названивать по ночам и дуrom лезла в чужую семью, пока не добилась своего.

«Не нужно, не ходи туда, не рви душу, – уговаривает себя Аня, но ноги несут к двери. – Что ты хочешь там услышать? Как человек, которого на божничку посадила, тебя с грязью мешают... или... а вдруг сейчас, вот сейчас всё совсем по-другому будет, вдруг он там просто курит... покурит и придёт? Ведь не может же просто так – глупо и нелепо – оборваться их большая любовь. Сколько лет ждала его из мореходки, потом с морских вахт. Дождалась. Но как можно забыть страстные встречи, самое яркое, что только и было в жизни. Как же можно было это предать, променять на кого-то?!»

Вот и дверь приоткрыта в сенки, та самая дверь, обитая коричневым дерматином с фигурными гвоздиками-цветочками – бабушка ещё при жизни сам обивал. Вот слышно, как Никита с шумом выдыхает табачный дым, говорит по телефону. С ней, той – другой.

– Котёнок, а хочешь, мы тебе куртку купим? Красивую! Видел сегодня в витрине на Новом рынке. Будет тебе от меня память!

Забравшись на высокую завалинку, прижавшись к тёплой бревенчатой стене дома, я горько плакала, размазывая слёзы по лицу, жалуясь в пустоту на такую вот несправедливую несправедливость.

– Как же так вышло? Почему этот Гагарин не дал мне подрасти и выучиться на лётчицу! Я ведь уже прочитала взрослую книжку под названием «Астрономия», со страниц которой, кроме звёзд и планет, на меня смотрели умные дяди с женскими причёсками. Я знала, кто такие Коперник, Галилей, Джордано Бруно, Тихо Браге! Я же нарисовала карту Луны, обозначила на ней моря, океаны, равнины и горы! Мне были известны такие (слово «географические» в данном случае не подойдёт) селенографические точки, как Платон, Лейбниц, Шиккарды, и старший брат Толька объяснил, почему так называли эти лунные места. Мы с ним почти смастерили телескоп, в который наблюдали лунные горы с крыши старого дома. Как же так! Я ведь сказала себе, что полечу в космос, первой полечу!

Но скоро апрельский ветерок высушил мои слёзки, и я как-то незаметно успокоилась и согласилась с Левитаном: Гагарин первый полетел в космос. Пусть! Зато я первая полечу на Луну! Пройду по дну лунного кратера, оставлю свои следы на лунной пыли! Я первая увижу, какая она, наша Луна, побываю на её обратной стороне! Наверное, это и есть счастье! Это будет сделать не просто, но я выполню самые трудные задания Родины и вернусь на милую Землю! А если не вернусь, то нашу маленькую улочку Проездную переимену-

Елена Вознюк

Исправительная колония

Эбигейл проснулась от сильного стука. В комнате чувствовался запах дыма. Она выскочила в коридор, еще не понимая со сна, что происходит.

Коридор второго этажа заволочло едким дымом. Внизу отчаянно звала на помощь и колотила в дверь Карен – старшая сестра Эбигейл.

Не помня себя от страха, Эбигейл сбежала вниз по лестнице, прикрывая лицо рукой.

Внизу творился ад. Весь первый этаж

ют в улицу Нины Скворцовой. А могут даже поставить памятник! Я буду смотреть на людей из скафандра, улыбаться и махать им рукой! А мама с папой будут мной гордиться! И брат! И все соседи: и леля Дуся, и дядя Лаврентий, и тетя Нюра, и те, кто за мостом живут, скажут: «Вот вам и Нина-доча!» По телевизору покажут! И Наташке стыдно станет, что она на велике не дала прокатиться... герою! Пусть будет Гагарин! Может, и хорошо, что Гагарин! А я зато на Луну первая ступлю!

Я перемахнула через забор к Надьке Фроловой, чтобы успеть раньше других сообщить ей радостную новость: человек в космос полетел! И звать его Гагарин!

Когда в самый разгар лета, 21 июля 1969 года, американцы высадились на Луну на своём «Аполлоне» и Нил Армстронг первый ступил на поверхность Луны и произнес всем известную сегодня фразу: «Это один маленький шаг для человека и гигантский скачок для всего человечества», я уже немножко поумнела и научилась сопрягать свои желания и возможности.

Человек планеты Земля провалился в космос, побывал на Луне, а в 2030 году, объявлено, полетит на Марс. Быстрее бы услышать голос человека с Марса!

Детские мечты – это настоящая алмазная россыпь! Их осуществление каждый из нас ждёт всю свою жизнь.

Жить и верить – это замечательно!

Перед нами небывалые пути.

Утверждают космонавты и мечтатели,

Что на Марсе будут яблони цвести.

был в дыму. Повсюду плясали языки пламени.

Эбигейл со всех сторон обдавало жаром. Глаза щипало. Дышать было тяжело.

– На помощь! Спасите!

Крики сестры доносились из гостиной.

– Карен! Я здесь!

– Эби!

Дверь гостиной была перекрыта упавшей балкой.

– Карен, я вытащу тебя! Потерпи немного!

– Эби!

За дверью послышался кашель.

Эбигейл схватилась за балку, намереваясь отбросить ее в сторону, но руки прошли сквозь...

«Что это?»

Эбигейл впала в ступор.

Время будто остановилось. Она видела, как стремительно распространяется огонь, слышала, как заходится кашлем за дверью Карен, но не могла даже пошевелиться...

И тут воспоминания яркой вспышкой пронзили Эбигейл. Она полностью пришла в себя.

«Это не Карен... Ее давно нет...»

Эбигейл издала отчаянный вопль.

Всё вокруг начало стремительно меняться. Ночь сменило утро. Сквозь закопчённые окна забрезжил тусклый свет. Пожар полностью утих, оставив обгоревшие стены, остатки мебели и витающий в воздухе пепел.

Все звуки пропали. В доме воцарилась мертвая тишина.

Обгоревшая дверь была открыта. За ней – никого.

Со слезами на глазах Эбигейл вошла в гостиную. Там всё выглядело как в то злополучное утро после пожара, когда бездыханное тело Карен уже вынесли из дома.

Эбигейл была абсолютно одна, наедине со своей совестью и тяжёлыми воспоминаниями. Осознание этого мучило ее гораздо сильнее, чем те видения, что она постоянно переживала.

Ей не давали ни забыть, ни исправить...

Бессчётное количество раз Эбигейл пыталась вытащить Карен из задымленной ловушки, и бессчетное количество раз у нее ничего не получалось. Она могла спасти сестру лишь единожды, еще тогда, очень давно, но не сделала этого...

С болью в сердце Эбигейл подошла к зарешеченному окну. Груз вины беспощадно давил на нее.

«Карен металась здесь, будто зверь в клетке...»

Во дворе перед домом всё было как обычно: серо, пасмурно и совершенно безлюдно. А дальше... Только густой молочный туман...

Бежать отсюда бесполезно. Эбигейл пробовала уже много раз, но дорога всегда возвращала её обратно. Она была заперта здесь как в тюрьме.

***

«Надо же! Уже третий день не хватаюсь за ингалятор. Ни разу не закашляла. Похваляюсь Рикю».

Хезер ехала за рулём своего автомобиля. Из-за пожарной тревоги отменили её последнюю пару, поэтому она возвращалась домой раньше обычного.

«М-да... Не случилось сегодня разговора о Древнем Востоке. Даже обидно. Вчера весь день над лекцией корпела... Зато сегодня вечер освободился. Рик уже дома должен быть давно... А не устроить ли нам романтический ужин?»

Хезер заехала по пути в супермаркет за бутылкой вина.

Настроение у неё было приподнятым. Напевая под нос любимую мелодию, она подъехала к дому и загнала машину в гараж. Затем открыла входную дверь своим ключом... и замерла от неожиданности.

Со второго этажа донеслись стоны. Кому-то наверху было очень хорошо... Причем обоим – мужчине и женщине.

На ватных ногах Хезер поднялась по лестнице. В голове стоял сплошной туман.

Хезер приоткрыла дверь в спальню.

– Рик?

Да, это был Рик, и да, он был не один. С ним была Аманда – её лучшая подруга...

Хезер зашлась в кашле.

***

– Эби! Эби! Проснись!

Эбигейл подскочила в кровати. В комнате было темно.

– Что случилось?

– Ты опять кричала во сне, – ответила склонившаяся над ней Карен.

Эбигейл опустила на подушку.

– Мне такая жуть снилась... про тебя... будто ты...

– Всё хорошо. Успокойся, – перебила ее сестра. – Это всего лишь сон. Я рядом.

Карен присела на краешек кровати.

– Побить с тобой?

– Да, побудь немного, если тебе не сложно.

Когда Эбигейл полностью успокоилась, Карен сказала:

– Эби, я у тебя кое-что спросить хотела...

– О чем?

– О нашем доме.

– О нашем доме? Подожди, Карен. Я сейчас свет включу. Плохо соображаю

огромная птица живая и лишь специально сидит неподвижно, притворяясь чучелом, чтобы как следует рассмотреть незнакомку.

Пауза затянулась. Наконец, с трудом преодолевая смущение, Аня вновь попыталась объяснить, что она просто пришла с подругой и не собиралась на приём, а главное, не оплатила. Но когда магистр поднял на неё тяжёлый взгляд, все слова тут же застряли в горле. Аня ступевалась и смолкла.

О, что это был за взгляд! Пронзительный. Прожигающий. И столь пронзительный, что Аня невольно затрепетала. Она за всю свою жизнь никогда не видела таких красивых мужчин, разве что на гениальном полотне Врубеля «Демон сидящий». Один только бывший муж, по мнению Ани, мог бы составить красавцу-колдуну достойную конкуренцию, да и то лишь за счёт подкупающего обаяния.

Магистр, конечно, как и положено демоническим персонам, был одет во всё чёрное. Длинные, цвета воронова крыла волосы вились по плечам, однако это лишь добавляло его облику мужественности и делало похожим на индейца или пирата. Чернящие огромные глаза поблёскивали в темноте, как драгоценные камни. Да и вся его ладная атлетическая фигура была как будто выточена из камня самим Роденом – мастером выразительных и прекрасных форм.

Оглядевшись, Аня поёжилась. Интерьер кабинета был под стать хозяину – загадочный, жуткий и одновременно завораживающий. Повсюду – полки, полки. Тяжёлые основательные шкафы с ящиками, и снова полки со всякой всячиной – от мерцающих металлических шкатулок до сосудов с заспиртованными лягушками и скелетов каких-то грызунов.

В соответствии с архитектурными особенностями окон в помещении не предусматривалось. Но ведь что-то из благ цивилизации должно было иметься в наличии, хотя бы люстра или настольная лампа. Но нет, кроме уже виденного ранее карманного фонарика, помещение освещалось лишь десятком тонких свечей. Чёрных свечей.

Аня таких никогда не встречала, даже в самых вычурных арт-салонах, из чего сделала неутешительный вывод: «Колдун! Да, и, к сожалению, далеко не светлый», а почему «к сожалению», она так и не смогла себе объяснить.

Дождавшись, пока пациентка немного успокоится, Марэй подошёл к ней сзади и без лишнего предисловий повелел закрыть глаза.

– Сейчас я проведу ладонью по линии позвоночника, а ты говори мне, что чувствуешь.

И тут же по Аниной спине словно ползла ледяная змея.

– Ой, холодно-холодно!

– Хорошо, а теперь?

В ту же секунду вместо хладнокровной рептилии вдоль позвоночника словно покатылся раскалённый круглый камень.

– Горячо, очень!

– Хорошо, – снова бесстрастно повторил колдун и тряхнул ладонью, будто пытаясь избавиться от прилипшей соринки. – Сейчас я потяну тебя назад, не прикасайсь. Не бойся, ты не упадёшь, я успею тебя поймать.

«Почему это он ко мне на «ты» обращается, да меня уже лет шесть все на работе только по имени-отчеству величают. И как это, собственно, «потяну не прикасайсь»?» – успела лишь подумать Аня, как вдруг почувствовала, что могучая неведомая сила тянет её за затылок.

Она уже смирилась с тем, что грохнет головой о каменный пол, но тут же была аккуратно поймана сильными руками магистра.

– Хорошо, – снова обронил магистр, – сможем взаимодействовать. Присядь, – он указал на струганую лавку.

Аня буквально в изнеможении опустилась на сиденье, испытывая невероятное блаженство уже от того, что чародей отстал от неё и даёт передышку от своих ужасных затей.

Видя, что Аня вновь собирается объяснять ему, что она, мол, оказалась здесь по ошибке, Марэй жестом приказал замолчать.

Аня словно подавилась словами и теперь с благоговением и страхом смотрела на него во все глаза.

– Объясню, зачем я позвал именно тебя.

– ?!

– У тебя есть то, что тебе вовсе не нужно и приносит лишь большие печали. Я готов избавить тебя от этого. Но необходимо твоё согласие.

– Что? У меня есть... что? – уже устала удивляться Аня.

– А вот сейчас посмотрим. На-ка, гляди, – магистр открыл перед Аней свою ладонь и подвинул ближе свечу.

Совершенно произвольно Аня забегала глазами, пытаясь прочесть судьбу магистра. Но отпрянула в полном смятении, таких знаков она не видела ни на одной руке. Линии путались, устремлялись не туда, куда нужно. Линии сердца у колдуна не было вовсе, зато линий ума было три, они шли па-

– Таких случаев ещё не было, – парировала та со спокойной убежденностью в голосе, – проходи.

В полутёмном зале, напоминающем комнату отдыха частного санатория, по всему периметру стояли диваны и кресла, в которых расположились люди. «Восемь человек, – быстро сосчитала Аня, – значит, Яночка должна была стать девятой, а тут ещё я припёрлась».

Интерьер дополнял низенький круглый стол, стоящий посреди комнаты. Тусклый оранжевый ночник с трудом освещал помещение, растворяя силуэты людей в темноте. Вместе с тем мягкий тёплый свет погружал в некое заторможенное дремотное состояние, при котором не хотелось ни шевелиться, ни разговаривать. Всё пространство было устелено коврами и пледами, повсюду валялись маленькие и большие подушки. Почти все люди разулись и забрались с ногами на кресла, а те счастливики, которым достались диваны, и вовсе возлежали, словно римские патриции на пиру.

«Может, тут так положено? Развалиться эдак фривольно, как у себя дома, раз такие деньжищи отвалили. Да ещё не факт, что мистер-магистер вообще тебя примет. А что? Классно устроился! А Янка – дурочка, повелась на такой дешёвый развод!»

Но как только девушки присели на диванчик, то словно провалились в пуховое облако. Последовав примеру остальных посетителей, они скинули обувь и легли поудобнее.

Аня разглядела на стене часы весьма странного вида. Нет, они не были какой-нибудь вычурной формы, просто круглые, и стрелки – самые обыкновенные, только светились вместе с цифрами зелёноватым фосфорическим светом, тоже в общем-то вполне привычно. А необычным было то, что на циферблате имелось только пять цифр: 6, 7, 8, 9 и 12.

После того как девушки расположились, начался отсчёт трёхчасового приёма. «Видать, у магистра работа пошла», – кивая на светящийся хронограф, тихо сообщила Аня, саркастически добавив бесцветное «ха-ха», что подразумевало: «Ну, всё. Мы попали!»

Время поплыло, секундная стрелочка безостановочно крутилась по циферблату, уже и минутная сделала полный круг, потом и короткая неповоротливая часовая коротышка перепрыгнула с цифры шесть на семь, а его Величество Марэй и не думал посещать сумрачные покои.

– Янчик, слухай сюда! А представь себе, вдруг его – вообще нет? – с жаром

зашептала Аня прямо в ухо подруге. – А что если приходят люди, деньжищи отвалият, потом полежат три часика в темноте, бока помнут, и – адью! Бизнес по-русски такой, а?

– Да ты не понимаешь, о чём говоришь, спи давай! – лениво зевнув, ответила Яночка и, прикрыв лицо ладонью, впала в анабиоз.

– Дурдом какой-то! – обречённо констатировала общий диагноз Аня, решив больше «не париться» и попытаться максимально расслабиться. – Ну когда ещё доведётся вот так-то в компании незнакомых людей посидеть в тёмных катакомбах.

В установившейся тишине Аня слышала только размеренное дыхание вокруг и далёкое дребезжание автодороги где-то высоко наверху.

Вдруг чьи-то быстрые уверенные шаги нарушили полусонный покой.

Из чёрного дверного проёма показался сначала луч фонарика, затем и сам хозяин подземелья.

Разглядеть его было сложно, зато он скользил световым лучом, выхватывая из полумрака лица людей. Лучик искал-искал кого-то, на некоторых лицах останавливался чуть дольше, чем на остальных, словно пытаясь узнать.

Люди щурились от бьющего света, некоторые даже прикрывались руками.

Наконец, пробежав ещё один круг по комнате, луч остановился на Ане.

– Ты, – приказал густой баритон, – иди за мной!

– И-не-ет... я не в очереди, я тут с подругой... я не платила и... – отчего-то сильно испугавшись, растерянно замямлила Аня.

– Иди за мной. Больше не повторяю, – повелел обладатель баритона, повернув к чёрному проёму двери.

«А если он сейчас рассердится и вообще больше сюда не вернётся? Я же тогда подведу всех остальных!» – успела метнуться в Аниной голове ужасная мысль, и ей ничего более не оставалось, как, прихватив сумку и туфли, догонять по узкому коридору высокий тёмный силуэт.

Влетев вслед за магистром в его кабинет, Аня так запыхалась, что еле смогла перевести дыхание.

Хозяин, будто не замечая её вовсе, уселся за огромный стол и начал листать старую записную книжку, что-то в ней выискивая.

Аня стояла посреди кабинета в полном смятении, не решаясь присесть без приглашения. Её взгляд остановился на чучеле крупного ворона, что стояло на полке над самой головой магистра. В полутьме могло показаться, что

со сна. – Эбигейл повернулась к настольной лампе, ища выключатель. – Так что именно?

– Как скоро его восстановили после пожара?

– Какого пожа...

В комнате никого не было. Карен куда-то исчезла.

– Карен, ты где?

Запахло дымом. Ошарашенная и ничего не понимающая Эбигейл выскочила в коридор и тут же услышала снизу стук и крики сестры. Карен звала на помощь.

Память вернулась к Эбигейл.

Она издала истошный вопль, полный боли и отчаяния.

***

– Так, выходит, рай и ад – это тоже возможные миры рождения? – спросила Хезер и отхлебнула кофе из чашки.

– Выходит так. Приходи на следующей неделе ко мне на лекцию по тибетскому буддизму. Я тебе много чего расскажу, для твоей диссертации как раз пригодится, – ответила Линда, её новая коллега по работе и соседка. – Кстати о мирах рождения, там их целая градация. Я как раз на лекции об этом рассказывать буду. Не хочется просто тебе мозг сейчас загружать. Главное ведь не это. Здесь принцип важен. Условия нового рождения притягиваются нашими поступками. Думаю, с теорией кармы ты знакома? Даже человеческий мир – это вроде как не наше постоянное место жительства. Он нам как бы для исправления дан...

Обе женщины сидели в небольшой уютной гостиной, обклеенной пастельными обоями.

– Значит, если ты родился, то уже где-то напортачил, – усмехнулась Хезер и откинулась на подушки дивана.

Линда улыбнулась в ответ.

– Забавно, – продолжила Хезер уже серьезным тоном. – Еще несколько лет назад я была очень далека от этой темы. Но, перешагнув порог этого дома... Знаешь, меня не покидает ощущение, будто я уже здесь жила...

– Интересно...

– Да, здесь вообще много чего интересного... Я никому не говорила... У меня порой такое чувство, будто за мной кто-то наблюдает...

– Ну, призраки уже не по моей части! Да и не верю я в них, – засмеялась Линда. – Но, признаюсь честно, в такой дом я бы переезжать всё-таки не рискнула.

– Это из-за задохнувшейся на пожаре девушки? Но у меня выбора особо не было. Нужно было срочно куда-то съехать. Я же разводилась тогда... А здесь местоположение и цена...

– Разводилась! – перебила ее Линда. – А я и не знала! Так ты замужем была?

Хезер не хотелось менять тему разговора, но она уже настолько сдружилась с Линдой, что понимала, рассказать новоявленной подруге о своем разводе рано или поздно придется.

– Да, была. – Хезер откинула прядь каштановых волос со лба. – Я его со своей лучшей подругой в постели застала... Как оказалось, у них уже несколько лет роман был... Они потом съехались...

Тут Хезер закашлялась. Достав ингалятор из тумбочки, она пару раз брызнула себе в горло.

– Неприятная история! – произнесла Линда.

Она выглядела слегка сконфуженной.

– Самое неприятное было то, что мы все трое в одном месте работали. Многие знали и посмеивались за спиной, – продолжила Хезер. – Пришлось работу сменить и сюда переехать... Хорошо, что у нас с ним хоть детей не было, хотя я очень хотела... Ощущение было, будто сквозь ад прошла... До сих пор понять не могу, чем я всё это заслужила? Ведь мне казалось, я была идеальной женой и подругой...

Хезер снова закашлялась.

Это был день рождения Карен, и в доме было полно народу. Ей исполнилось двадцать четыре, она была красива, умна и бесконечно счастлива.

На Карен обтягивающее синее платье с глубоким вырезом, каштановые волосы уложены в элегантную причёску. Она весело болтает с гостями, беспрестанно шутит и... беззастенчиво флиртует с Робертом. В этот день Эбигейл наконец-то поняла, что между ее женихом и старшей сестрой что-то есть.

О разрыве Роберт объявит Эбигейл только на следующий день, а пока ей остается с болью наблюдать за происходящим и изводить себя мучительными догадками.

Сейчас она убежит наверх и закроется в ванной, чтобы никто не видел её слез.

Это Эбигейл знала наверняка, ведь

она хорошо помнила события того дня.

Так и есть, убежала, гонимая мыслями о двойном предательстве...

Наблюдать со стороны за собой, наблюдающей, было по меньшей мере странно, но Эбигейл уже привыкла к сотне странностей, происходящих здесь.

Она не могла вмешаться и успокоить саму себя, отговорить от совершення глупостей. Эбигейл хорошо помнила, что в этот день для нее наступил настоящий конец света, ведь в восемнадцать лет подобные вещи переживают очень болезненно.

Сейчас, глядя на Карен, Эбигейл больше не чувствовала ни злости, ни ненависти, ни обиды, лишь бесконечную горечь утраты и мучительное чувство вины. Но тогда она не могла простить.

После смерти родителей Карен была ей как мать. Эбигейл отдала бы сейчас всё, чтобы по-настоящему вернуться в прошлое и убрать от двери эту злополучную балку, блокировавшую её сестре выход из гостиной, – в ночь пожара Карен заснула там.

Эбигейл увидела похороны сестры. В последний путь Карен провожали все родственники и друзья. Был серый, пасмурный день. Все молчали и тихо плакали. Карен была всеобщей любимицей.

Вот тело сестры опустили в могилу. Эбигейл стало нестерпимо больно.

По правую руку от неё стоял Роберт. Никогда прежде она не видела его таким. Казалось, он просто уничтожен горем.

«Неужели, он и вправду так сильно любил ее?»

В ночь пожара Эбигейл пришла в голову безумная мысль, что Роберт вернётся теперь к ней.

Никто так и не узнал о её вине. Никто ни разу не упрекнул её в смерти сестры. Все думали, что Эбигейл спасала из огненного ада свою собственную жизнь и не могла помочь Карен.

Дом вскоре восстановили. Решётки с окон первого этажа сняли.

Роберт не вернулся. После похорон Карен его следы затерялись. Через несколько лет Эбигейл узнала от общих знакомых, что Роберт уехал в другой город и завёл там семью. Однако и самой Эбигейл было уже не до Роберта. Её медленно уничтожало чувство вины. Муки совести превратили жизнь Эбигейл в настоящую агонию. Помогал забыться только алкоголь.

И вот однажды она не выдержала. Села за руль своего автомобиля и на полной скорости помчалась навстречу судьбе.

Огромное дерево услужливо встало на её пути. Что произошло дальше, Эбигейл помнила плохо. Сначала её пронзила нестерпимая боль, от которой она потеряла сознание. Потом она обнаружила себя парящей в воздухе. Внизу лежала она сама, а вокруг сутились врачи и полицейские. Потом снова наступил провал в памяти.

Очнувшись дома, в своей кровати, приняв поначалу произошедшее за дурной сон. Но дурной сон для Эбигейл только начинался.

Из нахлынувших воспоминаний Эбигейл вырвал чей-то кашель. Она с удивлением огляделась по сторонам, ничего не узнавая. На стенах красовались обои в пастельных тонах, повсюду стояла новая мебель.

Между тем кашель не прекращался. «Снова Карен?»

Но кашель доносился не из гостиной, а со второго этажа. Эбигейл поднялась по лестнице и увидела женщину с каштановыми волосами. Та брызнула себе в горло ингалятором.

***

Хезер ожидала к ужину гостей, поэтому весь вечер просуетилась на кухне. Поставив в духовку курицу, она с облегчением вздохнула.

«Ну что ж... Можно немного отдохнуть».

Зайдя в гостиную, она рухнула на мягкий диван перед телевизором.

Хезер почувствовала накопившуюся за день усталость и на секунду прикрыла глаза...

***

Эбигейл проснулась и резко подскочила в кровати. В комнате чувствовался запах дыма. Она вышла в коридор.

Весь второй этаж заволкло едким дымом.

– Перестаньте меня мучить! – закричала Эбигейл.

И тут она заметила, что её опять окружают стены в пастельных тонах и чужая мебель.

Эбигейл спустилась по лестнице вниз.

Дым валил из кухни.

Дверь в гостиную была открыта.

На диване перед телевизором спала женщина с каштановыми волосами.

когда не забывал уносить с собой все одноразовые мыльно-рыльные упаковки и складывал их потом в большой круглый аквариум в своей стерильной ванной комнате. В аквариуме уже почти не осталось места, а маленькими мыльцами и шампунями никто и не собирался пользоваться (Адик мыл голову только специальным средством против облысения). Но рачительный хозяин всё равно увозил с собой всю мелочёвку и очень радовался, когда в номерах отеля для постояльцев полагались одноразовые тапочки, которые тоже годами копились в его доме на антресолях, в нераспакованных целлофановых пакетах. Однако и тут Яночка придумала оправдание для любимого: «А что? Всё в дом! Не то что непрактичные одногодки, всё готовы по ветру пустить. А у Адика и домик, как игрушечка, и автомобиль, и клумбочки, и в доме – всё к делу!»

Адик, надеясь на кратковременный и ни к чему не обязывающий роман с русской барышней, влип в отношения, словно комар в смолу, которая уже затвердела и стала превращаться в янтарт. Приятная девушка с кукольным личиком и звонким детским смехом поначалу показала ему лёгкой добычей. Но время шло. Невидимые нити, привязавшие его, матёрого, прожившего трудную жизнь «мэтра экономики и кредитования», превращались в путы, в верёвки, в канаты. А Яночка не торопилась со свадьбой, её как будто всё устраивало. Беспечная молодая особа крутила им как хотела. Молодежно злили Адика значительные траты на поездки, которых он мог избежать, если бы они жили вместе в его чудном уютном доме.

Аня знала о сомнениях и страхах доверенной подруги, недаром они дружили с дошкольного возраста. Яночка действительно стояла перед непростым для неё выбором: оставить дружную семью, медицинскую династию, хоть и трудную, но всё равно любимую работу и стать домохозяйкой в чужой стране с непомерно бережливым супругом.

Тем временем, пока Аня размышляла над перипетиями подружкиной жизни, они подошли к ничем не приметельному подъезду. С этого самого момента удивление не оставляло Аню. Оказывается, заходить нужно было даже не в подъезд, а в подвал. На облезлой стене сияла вызывающе яркая вывеска тренажёрного зала, на которой были изображены брутальный качок и сексапильная красотка с увесистой гантелей в руке.

Действительно, спустившись по узкой лестнице, круто уходящей вниз,

девушки оказались среди тренажёрных и спортивных снарядов. В полутёмных залах со спёртым воздухом не было ни окон, ни кондиционеров, кое-где по углам бряцали железом одинокие угрюмые люди. Могло показаться, что это некое убежище гонимых подпольных физкультурников.

Они прошли первый, второй, третий отсек спортивного бункера, а он всё не заканчивался. Если бы Ане тогда сказали, что это только начало пути, она ни за что бы не поверила. Девушки миновали душевые кабинки и густые испарения подземной сауны. Затем потянулись обыкновенные подвальные коридоры с мышинным запахом, начинённые большими и маленькими трубами неведомых коммуникаций.

По Аниным предположениям, они прошли расстояние, как минимум равное десятку таких хрущёвок и, судя по направлению движения, находились уже где-то под центральной площадью города, и над ними шло интенсивное дорожное движение.

Наконец, она не выдержала:

– Слушай, я вообще-то не собиралась так глубоко погружаться в андеграунд! Твой колдун подрабатывает в царстве Аида?

– Ш-шш, уже пришли, – неожиданно тихо и сдавленно прошипела Яна.

И действительно, отворив очередную дверь, путешественницы оказались в небольшом холле, который по интерьеру вполне можно было бы принять за платную поликлинику, если бы не полное отсутствие окон. От стойки «регистратуры» им приветливо улыбалась симпатичная девушка:

– Все уже собрались, ждём только вас, Яна. А почему вас двое?

– Это моя близкая подруга... просто поддержать пришла...

– Хорошо, тогда напоминаю: по правилам магистра Марэя, вся группа пациентов, записанных на сегодня, находится в зале ожидания. Пациенты могут говорить только шёпотом и не выясняют очередности. Магистр Марэй в нужное время сам выйдет в зал и пригласит на приём того пациента, кого посчитает нужным. Максимальное время, которое вы можете провести в зале ожидания, – три часа, затем работа магистра на сегодня будет завершена. Даже если вас не вызовут вообще, знайте, магистр Марэй работает с вами и ваша проблема разрешится в кратчайшие сроки.

– А если нет? – Аня с вызовом взглянула в округлившись глаза секретарши. – Если вот, например, не разрешится? Тогда что?

– Да потому! По-то-му! Только Марэй сможет мне точно сказать, ехать мне к Адольфу или нет...

– Моя бабуля говорит, что твоего Адольфа нужно было за одно только его имя расстрелять ещё в сорок пятом!

– Вот зря ты так! – вспыхнула Яночка, и в её голосе зазвенела неожиданно высокая и напряжённая нота. – Адик, между прочим, прекрасный человек! Получше некоторых мужей! Он бы никогда жену с маленькой дочкой не бросил на произвол судьбы, как твой бывший.

– Да никто меня не бросал, я Никиту сама выгнала!

– Ну да, конечно, сама, как же! – хмыкнула Яночка. – А то, что ты постоянно намекаешь, что Адик намного старше меня, так муж и должен быть старше жены. И не было его ещё в сорок пятом даже в помине, Адик только на двадцать восемь лет меня и старше, ну на тридцать... ну на тридцать два...

Казалось, Яночка вот-вот расплачется, защищая любимого, дёрнет плечиком, демонстративно отвернётся и уйдёт. Но вместо этого она крепко схватила подругу за руку и потянула в сторону центральной площади:

– Давай-давай, мы уже опаздываем! А там вообще всё очень строго. Объяснять теперь уже некогда, просто молчи и ничему не удивляйся.

«Хорошенькое начало – не удивляйся! Да если даже этот Марэй окажется чёртом с рогами, после всех Яночкиных затей я уже ничему не удивлюсь!» – думала Аня, когда они подошли к помпезному зданию магазина «Калигула», что мозолил глаза неуместной роскошью в самой сердцевине скромного города. Но оказалось, что знаменитый колдун вовсе не такой уж выпендрёжник и пижон, потому что от пафосного красноречивого «храма» римскому императору, пантисфику и развратнику они направились во дворы – к sereneйкой, ничем не примечательной хрущевке.

«Ну, понятно – на аренду офиса в престижном торговом центре денег не хватало», – мелькнула в Аниной голове ехидная мыслишка, которую она из осторожности не стала озвучивать издёрганной и взволнованной Яночке.

Аня знала и втайне с ужасом ждала того момента, когда подруга решится на переезд к возлюбленному и им придётся расстаться, скорее всего, навсегда. Она гнала от себя неприятную болезненную мысль, но для всех вокруг, даже для наивной Аниной бабушки, с каждым днём становилось всё очевиднее, что в конце концов Яночка уступит настойчивым ухаживаниям пожилого

опытного немца и укатит с ним в Мюнхен на пээмже.

Старый лис был до самозабвения влюблён в Яночку, это было видно уже по тому, как он начинал растерянно хлопать белёсыми ресницами при виде дамы сердца, а в его колючем взгляде стремительно таяли холодные льдинки, делая глаза похожими на два маленьких голубых озера.

Адик был весьма занят на работе в банке, но мотался в сибирскую глубинку как минимум три, а то и четыре раза в год. Благодаря ему провинциальная медсестра Яночка систематически выезжала то в европейские столицы, то на экзотические азиатские курорты.

Адик официально посватался к Яночке аж четыре года назад. Тогда на эту церемонию все родственники и друзья были приглашены в любимый ресторан жениха «Ёлки-палки». Эти дешёвые пункты питания в псевдонародном стиле густо расплодились тогда по всей стране.

«Представляете, приколы – Адик думает, что эти идиотские «ёлы-палы» и есть наш самый настоящий русский национальный дом, – со смехом рассказывала приятельницам Яночка, – как будто у нас посреди нестрюганой хаты телеги с салатами стоят! Серьёзно говорю. Мой Адик вообще обожает всё русское. Да! Он даже язык начал учить. Так потешно! Представляете, на ярмарке алтайского мёда купили ему вышитую косоворотку, так он её до того залюбил, носит дома не снимая и даже спит в ней!»

Конечно, Яночку тогда насторожило, что жених не больно-то разорился на праздничный стол, да и гости были несколько обижены отсутствием спиртного. Вместо вина в бокалах плескался любимый Адиком клюквенный сок. Однако ж когда невеста ответила согласием и нежно поцеловала его в крючковатый нос, жених, зардевшись как маков цвет, раскошелился на единственную бутылку шампанского. «Ничего, зато не будет водку хлестать, как наши мужики!» – успокаивали Яночку родственницы постарше, что успели натерпеться всяческих бед от извечного русского недуга своих супругов.

Поначалу Яночку очень коробило, что после каждого обеда в ресторане Адик требовал упаковать ему остатки еды в контейнеры для продуктов и непременно забирал объедки с собой. Не брезговал он доедать с Яночкиной тарелки и допивать из её бокала, даже если за столом кроме них присутствовали другие, порой малознакомые люди.

Из гостиничных номеров Адик ни-

«Она же умрёт здесь! Нужно что-то делать!» – пронеслось в голове у Эбигейл.

– Эй! Вставай! В доме пожар!

Но спящая женщина её не слышала. Не помня себя от страха, Эбигейл подскочила к ней и попыталась схватить за плечи.

Руки не прошли по обыкновению сквозь, и Эбигейл начала трясти спящую.

– Просыпайся!

Женщина с удивлением открыла глаза и тут же закашлялась.

– Ты кто? – выдавила она сквозь кашель.

– Неважно! Тебе нужно уходить! В доме пожар!

Кашляющая женщина вскочила с дивана, но ноги её тут же подкосились.

Эбигейл перекинула её руку себе через плечо и поволокла к выходу.

***

– Я же говорю, меня вывела девушка! Она осталась там! – кричала Хезер.

Она стояла на улице неподалеку от пылающего дома, который пытались спасти пожарные. Вокруг собралось много народу.

– Мне очень жаль, но мы никого не нашли, – ответил пожарный. – Это ваша родственница? Сестра? Дочь?

– У меня нет ни сестры, ни дочери! Незнакомая девушка! Я её первый раз видала! Она осталась там!

– Вам нужна помощь, – сказал пожарный, жестом подзывая подъехавших врачей скорой. – Вы надышались угарным газом. В доме никого нет.

***

Эбигейл очнулась в просторном светлом зале со сводчатым потолком и изящными хрустальными люстрами. Сквозь большие окна мягко сочился солнечный свет.

На полированном мраморном полу рядами стояли скамейки. То тут, то там сидели незнакомые люди, сосредоточенно смотревшие на электронные табло и не обращавшие никакого внимания на Эбигейл.

Здесь не было ни запахов, ни звуков. Кругом – абсолютная тишина.

Поэтому голос подошедшего к ней мужчины в красном пиджаке и такого же цвета фуражке прозвучал как гром среди ясного неба.

– Эбигейл?

Она с удивлением уставилась на него.

– Вот ваш билет.

Эбигейл взяла протянутую ей светлорозовую бумажку и с интересом начала разглядывать.

На лицевой стороне билета красовались незнакомые символы, а рядом было напечатано: «Третий круг – срединный мир».

– Где я?

– В зале ожидания.

– Это вокзал?

– Можно и так сказать... Пункт отправления...

– И куда меня теперь отправляют?

– Вам решили смягчить условия. Вас переводят из колонии общего режима в колонию-поселение. Это, конечно, не санаторий. Тем более что одно доброе дело еще ничего не решает. Но там будет легче. Главное, не натворите новых глупостей. Карен уже ждёт вас.

– Карен там?

– Она уже тридцать шесть лет там.

– У меня столько вопросов...

– Они теперь не имеют значения. Скоро наступит спасительная амнезия. Воспоминания больше не будут мучить вас. Следите за табло. Прощайте!

Мужчина в красном пиджаке ушёл.

Вспышка сознания. Вокруг темнота. Эбигейл не чувствует своего тела.

«Я под водой? Как же тогда я дышу?» Она отключается.

***

– А вот и кофе со сливками, как заказывала.

Хезер вынесла на веранду поднос с чашками и десертом и поставила перед Линдой.

Был полдень. На дворе стоял май. Солнце приятно согревало обеих женщин своими лучами.

– Нравится мне ваш новый дом. Уютный, – сказала Линда и отхлебнула кофе из чашки. – Вообще, быстро у вас всё закрутилось.

– Сама в шоке, – Хезер усмехнулась. – Даже смешно. Так спросят: «Ты где со своим вторым мужем познакомилась?» – «На пожаре. Мой дом от огня спасал». Не спас, правда. Всё дотла сгорело.

– Пол-то уже знаете?

Хезер погладила свой округлившийся живот и произнесла:

– Девочка.

– А имя придумали?

– Да. Эби. Эбигейл.

ГОСТЬ НОМЕРА

***

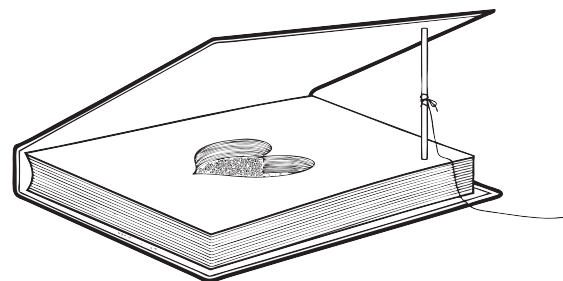
Тонким прутиком по лицу
Мне на память царапнет лес –
Через заросли рвусь к отцу,
Тёмным силам наперерез.
Детство зайцем по мху прыг-скок,
Страх на части сердчишко рвёт –
Если путь не отыщешь в срок,
Вряд ли папа тебя найдёт.
Чуть замешкаешься в пути –
Только папоротник вокруг...
И незнание куда идти –
Твой единственный верный друг.

Если силу имеет речь,
Пап, покуда ты не исчез,
Не спускай меня больше с плеч,
Не бери меня больше в лес.

СТИХИ
Александра Малыгина

***

Утром проснусь и расплачусь – не успокоиться,
Вьпью таблетку, но не утихнет боль.
Пусть прилетит лучше бледная моль бессонницы,
Чем расставаться каждый рассвет с тобой.
В страхе, что так не смогу дотянуть до вечера,
В лучшей больнице приема врача добьюсь,
Там на вопрос: «На что жалуетесь?» – отвечу я:
«Непроходящая необъяснимая грусть».
Мне постучат по коленкам и лоб потрогают,
Кончиком пальца попросят нащупать нос,
Знаю, с такими симптомами ходят многие,
Только вот я-то больна, и больна всерьез.
Врач убедится, что для лечения поздно, но
В мягкой улыбке растянет усталый рот:
«Это всего лишь жизнь – ничего серьезного.
Перетерпите, скоро само пройдет».

ла за рукав, да так и не дождалась ласки и внимания от отяжелевшей и безразличной ко всему родительницы. С каким укором и затаённой болью глянула на пьяную внучку бабушка, но лишь поджала губы и молча скрылась, будто убегала от какого-то страшного непотребного зрелища.

Однако сколько ни оттягивай неприятный момент, а пора было выдвигаться с опостылевшей работы: в условленном месте уже поджидала Аню верная-любимая-единственная подруга ещё с детсадовских времён – Яночка.

Выглянув из школьных дверей, Аня не увидела скорбного силуэта просительницы, и душа её возликовала. Но не тут-то было! Не успела Аня сделать и десятка шагов, как та вылетела из-за угла здания и набросилась, словно оголодавшая кошка на мышь, которую долго подстерегала в засаде.

– Аннапална! Аннапална! Посмотрите, пожалуйста! Ну, одну всего секундочку! Может, что-то изменилось вот сейчас?! – лепетала женщина, пытаясь поднести ладони к Аниным глазам.

– Нет, не вижу никаких изменений, – упорно отворачивалась Аня, желая поскорее отделаться от женщины.

– Да вы получше, получше посмотрите! Вы ж и не глянули даже как следует! Я ж к вам два часа на перекладных из Лавренёвки летела сломя голову. Ведь вчера доктор сам сказал, что полегчало мальчику-то моему!

Аня с интересом взглянула на ладонь женщины, но в ту же секунду опустила глаза. Снова она наткнулась на чёткие знаки близкой и неминуемой смерти ребёнка. Но, как и ранее, язык не поворачивался сказать об этом обезумевшей от горя матери.

«Эх, пусть меня лучше считают плохой гадалкой», – с горечью вздохнула Аня, решившись на ложь.

– Да, действительно, вот тут небольшое улучшение намечилось... но пока сложно что-то определённое сказать, – прошелестев это одними губами, Аня потупилась и густо покраснела, что во все не смутило несчастную.

– Ой, да спасибо ж вам! Огромное какое спасибо-то вам! Натек-ка, возьмите! – Женщина стала суетливо открывать старенький засаленный гомоток, из таких, какие остались только у совсем древних деревенских бабушек.

Увидев протянутые купюры, Аня подпрыгнула как ужаленная. Выпалив своё постоянное «Не надо!», отмахнулась прочь, не оглядываясь.

Яночку было заметно издалека, словно волшебный аленький цветочек,

освещала она своим ярким нарядом тусклый пейзаж провинциального городка. Модница всегда умела удивить окружающих неожиданными и смелыми решениями в гардеробе. Едва увидев Аню, девушка замахала руками столь энергично, что казалось, будто сказочный цветок затрепетал от сильного порыва ветра.

– Да ты где ж так долго-то? Там же очередь длиною в товарный состав и запись за два месяца! – беззлобно отчитала Аню подруга.

– Так, ты куда меня снова решила втравить?

– Вот тебя как раз совсем никуда не собираюсь. Это ж сам Марэй! Знаешь сколько я денежек отвалила, чтоб к нему на аудиенцию попасть? Три твои учительские зарплаты!

– А я-то тебе для чего? Я не собираюсь свои кровно заработанные на каких-то очередных аферистов спускать.

– Да с чего ты взяла, что он аферист? К нему даже из-за границы (!) ездят, а кто у него побывал – те просто в шоке!

– Оно и понятно, будешь тут в шоке – если столько денег зазря просадить. Ко мне вон тоже ездят, слава богу (!), пока не из-за границы, а только из ближайших сёл. Но достаточно вспомнить твои идеи последних лет. – Аня начала перечислять подружкины косяки спокойно и подчёркнуто, внятно проговаривая каждое слово, как на диктанте. – Вот, например, продажа парфюма, который оказался с запахом жжёной резины. БАДы и витамины, от которых непременно случались понос и аллергия. Наискорейшее обогащение на ниве страхования, когда нам пришлось через слёзы и запугивание полицией возвращать свои собственные деньги.

А чего стоил бесплатный сеанс омолаживающего массажа, когда нас не выпускали из кабинета, принуждая взять кредит! Пришлось откупаться номерами мобильных телефонов всех знакомых и родственников! Ещё или хватит? – Да уж достаточно. И на ту псевдостраховую компанию, между прочим, вовсе не я, а ты первая клюнула. Но тут совсем другое. Верняк! Такой, говорят, мощный эстрасенс! Повезло невероятно, он вообще последний месяц народ принимает, потом его в команду президента забирают, во!

– Ну, остаётся лишь поздравить чародея с повышением, только я-то тут при чем?

– Анечка, милая, ну как ты не понимаешь? Страшно мне! Вот страшно до жути, и всё!

– И для чего тебе тогда загорелось непременно лезть в логово этого монстра? Не хватает драйва в унылых буднях?

вмешательства администрации не обошлось. Первым делом её серьёзно предупредили о том, чтобы она, во что бы то ни стало, пресекла поток нежелательных гостей в учебное заведение. Жалкие попытки поменять номер телефона и спрятаться от докучливых посетителей ни к чему не привели. Не спасло это от нескольких сердитых выговоров раздражённого начальства. Да и без развода, к сожалению, тоже не обошлось. Муж начал погуливать, а потом и вовсе уехал в столицу, ограничив общение переводом алиментов.

Разговаривать с некоторыми из Аниных клиентов было иной раз неприятно, а порой даже опасно. Многие толстосумы, например, почему-то считали, что гадалка может не только прочитать их жизнь по ладони, но ещё и как-то исправить. На прошлой неделе её вообще выкрали из школы самым бесцеремонным образом. И кто бы вы думали? Не зарвавшись от шальных денег братки с ожиревшими загривками, не осатанелые от вседозволенности властные мужи, не наркоманы с отмороженными глазами, а прекрасные хрупкие девушки, будто отштампованные по образцу куклы Барби.

Яркая стайка девах вызвала Аню прямо с последнего урока, благо класс писал сочинение и звонок должен был прозвенеть с минуты на минуту. По-видимому, вечно похмельный заспанный школьный охранник не стал для них скольконибудь серьёзной преградой.

– Привет, мы от Вики.

Затем на обескураженную Аню обильно посыпались фальшивые улыбки и дежурные поцелуйчики. Подружки нежно защебетали о том, что в неких загородных апартаментах стынет шампанское и что уже пора – труба зовёт, да и приключения не за горами и т. д. Не успела Аня очнуться от наведённого дурмана, как дорогой автомобиль умчал её от места работы и привычных забот.

Отрезвления не наступило и после того, как они оказались в шикарном коттедже элитного пригородного посёлка. В какой-то момент Аню словно накрыл весёлый хмель беззаботности, когда, как гласит народная поговорка, любое море по колёно. Ей даже почудилось, что и она тоже такая же яркая, богатая, свободная и живёт некой совершенно другой, чужой необыкновенной жизнью, как все эти прекрасные девушки, напоминающие биороботов из фантастического блокбастера.

Кто такая была та мифическая Вики, да и все эти расфуфыренные девицы, так и осталось невыясненным. Каждую точёную Барбию (этак в раннем детстве называла американскую

куклу Анина дочурка) можно было отнести как в разряд жён олигархов (равно криминальных авторитетов), так и к прекрасным представительницам золотой молодёжи местного разлива.

Однако причина столь жгучего интереса к скромной Аниной персоне была ясна. По-быстрому накачав гостью шипучим вином, девицы стали наперебой совать ей под нос свои ладошки. Алкоголь всегда помогал гадалке моментально погружаться в нужное состояние. «И понеслось! – как любила говорить Аня. – Дверца открылась!»

Густонасыщенное знание о том, что было-есть-будет, словно непомерно тяжкий груз, рухнуло напрямик в бедную Анину голову, и она, впав в мистический транс, едва успевала проговаривать выскакивающие из подсознания сведения.

Девушки чуть не передрались за право услышать предсказание первой. Но затем быстро смекнули, что не пристало выкладывать столь интимные подробности на всеобщее обозрение. Быстро организовав очередь, они отважились подходить по одной и то лишь после разрешения.

Слава богу, что после сеанса Аня мало что помнила из сказанного, иначе отравилась бы чужими тайнами самого омерзительного свойства и давно бы потеряла веру в человечество.

После попытки девичьим прошлым и будущим обессиленную Аню отправили домой на такси. Девушки, потрясённые услышанным, заметно подрастеряли недавний кураж. Но не меньше поразило их и то, что вещунья наотрез отказалась брать плату за своё удивительное искусство.

И всё же на следующий день в Анину квартиру занесли подарки: огромную корзину цветов, ящик коллекционного шампанского, а также толстенный фолиант «Курс хиромантии» издания Национальной академии Монреаля. «И где только эти дурёхи достали столь редкий учебник, да ещё в русском переводе? – недоумевала Аня. – Да и на фиг он мне вообще сдался? Им же не объяснить, что линии и бугорки на ладонях да загадывание хитросплетений чёрточек на коже – это лишь изначальный ПИН-код, некий ключ от той самой заветной дверцы. А уж когда она откроется, то знание польётся полноводной рекой, что протекает по бескрайней Вселенной, и нет той реке ни начала, ни конца... и нет этому объяснения...»

Аня печально усмехнулась, припоминая своё недавнее приключение и то, какой горький привкус оно оставило. Вспомнила, как смотрела на неё заплаканная дочка, как тихонько дёрга-

***

На хлеб намазываю масло,
Средь кухонных опрятных стен,
Как будто жизнь моя прекрасна,
А между тем
В глазах моих по морю плещет,
И сердце расходилось так,
Как будто на ветру трепещет
Горящий мак.

Всё в мире приравнялось к мигу,
Где у автобуса стою,
Ты мне протягиваешь книгу,
Но не свою.

А ветер гонит птичьи стаи...
Во мне отчаянье и грусть,
Как ласточки, гнездо сплетают,
Но я смеюсь.

Как будто это что-то значит,
Как будто, если б ветер стих,
То жизнь сложилась бы иначе,
Чем у других.

***

Цвела сирень, июнь был сочен –
Дождь из-за каждого угла,
А я проснулась среди ночи,
Занемогла.
Не воспаление, не рана,
Не перелом и не удар...
Диагноз оказался странным –
«Любовный жар».
Потом меня везли в больницу
Мимо фонтанов и огней,
И продолжало становиться
В груди больней.
Врачи уверенно сказали:
Мне очень нужно, чтобы жить,
Искать тебя в толпе глазами
И находить.

***

Ночь опустилась тихо и легко.
Испуганно небесной лодкой замер
Молочный месяц, прямо над рекой,
И звуки стали видиться глазами:
Шептанье листьев, жаждущих летать,
Страх не готовый к перелёту стаи,
Дыханье волн, что лед превозмогая,
Как можно дальше селятся бежать...
И в этот час, когда земная твердь
Подернута ночью пеленою,
Хочу на звезды, глядя, замереть
И, как рассвета, встречи ждать с тобою.

***

Нет сентября, нет жёлтых листьев,
Дождей холодных тоже нет.
Феназепам свежий блистер,
Кулёк сосательных конфет...
И я иду в линялой куртке
По тесным плесневым дворам,
Чтоб сэкономить на маршрутке
И колбасы купить котам.
Они, дворовые матросы, –
Хоть холод на дворе, хоть зной –
Без предрассудков и вопросов
Охотно знают со мной.
И, наплевав на все приличья,
Они считают за людей
Моих прекрасных, загадочных
Воображаемых друзей.

***

Мама, что делать-то, я горю!
Спился
мой ангел-подлец-хранитель...
Стало мне тесно шагать в строю,
И сапоги стали жать, и китель.
Сброшу берет, и запустит дождь
Пальцы мне в волосы и за ворот.
Вот же бывает – живёшь, не ждёшь,
Раз, и горишь! Как соломы ворох.
Тычут товарищи в спину, в бок:
Стой, дурачок, командир заметит!
А я откашливаю дымок,
Мам, я горю ярче всех на свете!
Выйду за рамки, шагну не в такт –
Локоть. Под носом тепло и ало...
Мам, я горю, и мне больно так,
Как никогда ещё не бывало.

***

В нашем городе снова снег,
Так надолго и так не вдруг...
Это ада девятый круг,
И других объяснений нет.
За бедою придёт беда,
Всё в тумане, как в молоке...
Прикоснёшься к моей щеке
И рассеешься навсегда.

ДЕБЮТ

Артём Лютцев

Паста с песто

Было это давно. Так давно, что я успел разлюбить три сорта чая и отдать предпочтение лишь одному.

Для меня тогда вообще всё было едино: что паста, что вермишель, что лапша. Варёное тесто, да и только.

Процесс приготовления лапши от приготовления пасты мало чем отличается. Если не вдаваться в эстетические подробности, а к слову сказать, паста категорически не получится, если по кухне пробежал советский дефицит, а чеснокодавка сдана на металлолом, то на первый взгляд всё одинаково: кастрюля, соль, пачка макаронных изделий... Но добиться восхищённых взглядов женщин таким наивным подходом – всё равно что подарить сдутый шарик вместо букета цветов.

Обычно я обедал в столовых. Перестроечные заводские общепиты мало чем отличались от школьных или студенческих. Если повар вспоминал, что такое лапша, то это всегда выглядело холодцом из оконной замазки, поданным без претензий на высокую кухню. Это когда фарш в макаронах по-флотски запросто мог иметь кличку Шарик, а запредельное содержание клейковины в муке обеспечивало консистенцию каши. И ведь кашу эту я обожал в детстве! И Шарика обожал – был у меня свой... Был, да сплыл куда-то.

Научила меня жизнь ложкой сыр резать и в чайнике пельмени варить. Да и чай со вкусом солдатских портянок пил с удовольствием, щедро разбавляя молоком.

Получил образование, стал вроде выглядеть приличным человеком. А тут ещё и родственники в Европе появились. Приезжай, мол.

И я на накопления с магистерской стипендии да робкие заработки от предпринимательских опытов без образования юридического лица отправился в первое четвертькругосветное путешествие. Сначала в соседний город за 300 км в аэропорт, потом

в Москву. Через всю Москву из одного аэропорта в другой. Снова в самолёт и до Стамбула. Из Стамбула – транзитным пассажиром в центр Европы.

Путь не быстрый, за двадцать пять часов от порога до порога.

Можно было и быстрее, но позволить себе большую скорость и удобство я не мог.

И вдруг на высоте нескольких километров в салоне самолёта Turkish Airlines мне предложили пасту. Выбор был, но ввиду того, что я уже являлся убеждённым вегетарианцем, выбрал вариант с соусом песто. Тарелка, похожая на фарфор, добавляла минимум один балл блюду, облегчающая юбка и обходительность стюардессы ещё один, вид из окна – два балла, чавкающий сосед – минус три. Возможность пробуждения аппетита в таких условиях ещё не до конца доказана, но были шансы, что в процессе это как-то определится.

Паста была восхитительна! Быть может, дело в очаровании стюардессы... А быть может, понятие высокой кухни как-то связано с высотой потребления блюд относительно уровня земли, но с тех пор я особенно люблю обеды на борту Turkish Airlines. Но и скажу по секрету, от китайской лапши на трассе в сибирской глубинке еще ни разу не отказался.

МАЛАЯ
ПРОЗА

Юлия Нифонтова

Подарок колдуна

...Ничего не может проиграть женщина, гадающая для подруги; разве что такие пустяки, как любовь и счастье...

Елена Толстая. Адмиралъ

«Она! Снова она!» – Аня с тоской смотрела в окно, наблюдая, как на школьном крыльце топчется невысокая женщина, одетая нелепо и словно с чужого плеча.

«Боже, как стыдно! – в отчаянии Аня уронила голову на учительский стол так резко, что больно стукнулась лбом. – Ученики ведь смотрят. Коллеги уже косятся. Ну сколько можно-то!»

Действительно, бесчисленные неугомонные клиенты, или «ходоки» (как она их называла), разрушили, по мнению Ани, не только её психику, но и семью.

И хотя Аня никак не могла запомнить имя женщины, она отлично знала, для чего та частенько поджидает её после уроков. Стоит лишь попасть в её поле зрения, как эта монашеского вида скромница встрепенётся, кинется на шею, словно к родной матери, и начнёт безостановочно причитать, рыдать, умолять, заглядывая в глаза.

Видеть это почерневшее от горя лицо, слышать бесконечные вопросы о том, выживет ли её тяжелобольной сынишка или нет, было Ане уже совершенно невыносимо. Она знала, что мальчик обречён. Об этом ясно свидетельствовали «траурные» линии на ладонях женщины, но признаться в этом обезумевшей от горя матери Аня была не в силах.

Необъяснимый жутковатый талант хироманта приносил Ане всё больше и больше тревог и горестных разочарований. Она и сама не заметила, как из застольного развлечения и потехи гадание по руке превратилось в тяжкое бремя. И когда только вездесущее сарафанное радио успело разнести слухи о её необыкновенном даре далеко за пределы родного города? Откуда узнали о ней все эти многочисленные ходоки из соседних областей и даже столичные звёзды, оставалось только догадываться.

Муж Никита долго терпел вторжение армии страждущих в их малогабаритную двушку, в которой они ютились совместно со старенькой Аниной бабушкой и маленькой дочкой. Точнее, нашествие началось даже раньше, когда их семейство ещё обитало в частном бабушкином домишке на окраине города. После переезда они надеялись затеряться и пожить спокойно, но не тут-то было! Ходоки находили повсюду! После жёсткого ультиматума супруга – «или я, или они» – Аня строго-настрого запретила навязчивой клиентуре даже появляться на пороге их жилища, надеясь, что на работе поток визитёров остановит бдительная охрана.

Однако путём уговоров, слёз, хитростей или демонстративного игнора ходокам всё же удавалось прорываться через вялых школьных секьюрити. Хоть Аню весьма высоко ценили в коллективе как талантливого и перспективного словесника, но без силового

ся одним из самых перспективных научных направлений. Не обошла наука своим вниманием и индустрию моды. Уже сейчас в мире применяются такие разработки, как: заменитель кожи из грибов, ткань из переработанного пластика, рыбьей чешуи и другие. Вместе с тем к качеству материалов предъявляются высокие требования. Изучая растения нашего ботанического сада, я пришла к убеждению, что новыми материалами в ближайшем будущем могут стать синтетические аналоги растений, а также настоящие растения, выращенные человеком без применения химических удобрений. Осталось только изобрести способ сохранения их первоначальных свойств. Представьте, если учёным ещё удастся сохранить в процессе производства живыми и невредимыми растительные клетки и задать им нужную программу, то такая одежда «сможет расти вместе со своим хозяином!». Это ли не материал будущего? Условно я объединила все эти материалы одним понятием – «ботанический материал». В нём сочетается всё: экологичность, эстетика, разнообразие свойств и фактур, современность и возможность применения в разных сферах жизни...

Настя говорила и видела, как с каждым её словом тает скептическое выражение лица учительницы и всё больше возрастает внимание учеников. Видя, что всё идёт по плану, девушка продолжила.

– Такая одежда может ярко подчеркнуть индивидуальный вкус и рассказать о социальном статусе владельца. Одежда из редких и экзотических видов растений подойдёт для торжественных случаев, а из полевых цветов – для повседневной носки. Представьте, каким нежным и воздушным получится свадебное платье из пушистых соцветий одуванчика, каким тонким и изысканным – из лепестков белой лилии. А как очаровательно будет смотреться платье из цветков полевой ромашки! Одежда из ботанического материала могла бы служить визитной карточкой и многое рассказать о человеке, его характере, настроении. Представим, что такой материал уже создан. Вот, например, улыбчивой и доброжелательной Кате Звонарёвой подошло бы платье из лепестков подсолнуха или огонька, Лене Петуховой – из подорожника, так как она большая любительница путешествий.

И Настя стала перечислять остальных учеников класса, примеряя на каждого по очереди одежду из разных растений.

Так она перечислила всех учеников класса, кроме двоих.

И тут кто-то спросил: а как же Лиза и Лица?

– Ах да, чуть не забыла! Девочкам настолько сильно «понравились» мои модели одежды, что они не смогли поделить тетрадь с эскизами. В итоге я так вдохновилась, что создала для них персональные модели, в которых девочки точно будут в центре всеобщего внимания. Модели отлично подошли к теме сегодняшней презентации! Это потрясающие платья из микроволокна зелёных водорослей, таких же скользких, как характер их обладательниц, и таких же липучих!

За этой фразой последовали приглушённые смешки.

Настя посмотрела на своих притихших и пристыженных обидчиц.

Она нажала кнопку пропуска слайда, и экран показал список используемой литературы и интернет-ресурсов.

– Извините, я, кажется, случайно удалила финальный слайд, – спокойным голосом соврала она, а в классе раздался всеобщий вздох разочарования.

Но вопреки этому, в душе Насте звучали фанфары. Она понимала, что ей предстоит длинный и, возможно, непростой путь к своей мечте, и это совсем не та широкая проторенная дорога, которую так заботливо готовили близкие. Но начало положено! Сегодня Настя одержала первую самую большую в жизни победу. Это была победа над собой.

С этого самого дня Настина школьная жизнь постепенно изменилась. Одноклассники стали относиться к ней иначе: завистники притихли и появились настоящие друзья. А на школьный выпускной по просьбе своих одноклассниц Настя даже придумала несколько новых моделей вечерних платьев.

Время пролетело незаметно. И вот уже молодой талантливый дизайнер Анастасия Гаврилова устраивает показ своей новой коллекции на «Неделе высокой моды в Москве».

– «Дизайнер для феи» – необычное название, Анастасия. Поделитесь, почему ваша коллекция так называется? – задаёт вопрос бойкий журналист.

– У творческих людей богатая фантазия, – рассмеялась Настя и пошла обнять своих родителей.

Мама улыбалась самой солнечной улыбкой, а папа сказал:

– У тебя всё получилось! Дедушка бы тобой гордился!

Папа принёс на показ огромный букет тюльпанов. Эти цветы по-прежнему оставались её любимыми...

Спустя неделю после прилёта к родственникам, когда ленивая суббота клонилась к ужину и в доме была разлита по бокалам первая бутылка красного сухого вина, я попросил хозяина приготовить понравившееся мне в самолёте блюдо. К слову сказать, хозяин дома не слишком соответствовал национальности в своём паспорте. Немецкая педантичность разбавлялась южным темпераментом и родственными связями с евреем дедушкой. К тому же он отлично разбирался в мировых кухнях и фактически являлся гастрономическим паломником.

Опыт приятнее всего не демонстрировать, а передавать благодарным ученикам. Такого ученика он увидел во мне. Родная кровь всё-таки!

Шедевр мы повторили и, пожалуй, даже превзошли его очень важным нюансом – после пасты маленькая чашечка крепкого черного чая пуэр, настоянного с красным яблоком, была, что называется, вишенкой на торте!

При заваривании пуэра дилетантом вкус может напоминать селёдку, завернутую в солдатские портянки. Но если к делу подойти с восточным терпением и философской содержательностью, то, научившись определять подходящую температуру воды по первому дрожанию поверхности, а степень заварки по оттенку горького шоколада не менее шестидесяти процентов, можно удивить терпким вкусом с тончайшим шлейфом послевкусия, напоминающего пломбир.

Мой любимый чай.

Но вернёмся к пасте. Паста просто обязана быть из твёрдых сортов пшеницы! И так же твёрдо нужно прочувствовать в себе махрового итальянца. Степень твёрдости – альденте!

Варим лапшу на среднем огне не более 9 минут. Ни в коем случае не сливайте весь бульон после варки! Это ценнейший ингредиент для соуса.

Итак, его величество соус песто! Как только закипела вода, необходимо добавить пару чайных ложек кипятка в горсть измельчённого базилика. Фиолетового! Как цвет страстного поцелуя на женской шее. Растолочь в ступке полгорсти поджаренных кедровых орехов. Добавить в них пару зубчиков чеснока. Прихлебнуть красного сухого вина, под-

мигнуть самой красивой женщиной в кухне и подлить чайную ложку оливкового масла в базилик. Затем на мелкой тёрке мельчим король сыров – parmigiano reggiano в количестве двух горстей и смешиваем с остальными ингредиентами соуса. Соль и перец по вкусу, и при желании можно сделать ещё глоток вина. Если рядом оказалась любимая женщина, то стоит шлёпнуть её, как ей обычно нравится, например по аппетитной филейной части ниже спины. На девятой минуте приготовления пасты вливаем две столовые ложки бульона в соус и тщательно размешиваем, с той же страстью, что обнимаем жену в постели. Надеюсь, после этого у любой женщины развеются иллюзии, будто она способна приготовить пасту лучше мужчины!

С того самого мастер-класса, с тех пор во мне поселился внутренний конфликт, подпитываемый амбициями любимой женщины: как доверить ей приготовление ужина, если я определённо сделаю это лучше?!

Я уверен, что наиболее любимые наши рестораны обеспечивают свой успех и долголетие именно наличием поваров мужчин. И только рестораны, где чай подают женщины на манер японских гейш, притягивают нас так же! Ведь кухня – это место смирения женщины и утоления творческого и физического голода мужчины. И как бы ни боролся итальянский темперамент с японской услужливостью, на кухне должен царить немецкий порядок и лишь иногда европейское равноправие!

«Ну а как же любовь?» – озадачивает вопросом минимум четверть читателей.

«Ну а как же любовь?» – возмутилась моя романтическая натура.

Да, путь к сердцу мужчины лежит через желудок, и я боялся, что движение любви может прерваться на этом пути. Но потом, добавив в пасту песто новый для меня ингредиент «взаимость», я осознал, что любовь – это глагол. И поставил знак равно между «готовить самому» и «смотреть, как готовит любимая женщина».

Да, мужчина готовит лучше! Но лучше, чем правым, быть любимым!

ГОСТЬ НОМЕРА

Александр Карнов
СТИХИ

***

Я плыву в высоком небе
на алмазной колеснице.
Надо мной сияет солнце,
подо мной клубится мрак.
Я плыву, и колесницу
тянут радостные птицы,
а во мраке кто-то тёмный
впряг в повозку злых собак.

Наши курсы параллельны,
но пути пересекутся,
мы сойдёмся непременно,
геометрию поправ,
обнажим клинки, от звона
небеса слегка качнутся.
Прав, наверно, был Конфуций,
только б вспомнить, в чём же прав.

В том, быть может, что победы
не бывает в этой драке.
Значит, надо ехать дальше,
не надеясь на успех.
Как и прежде, параллельно
пусть везут меня собаки,
добротой лучась и громко
лая радостно на всех.

А в огромном тёмном небе
кто-то глянет с колесницы
и махнёт рукой печально:
– Ты там, братец, не шути.
Понесут его над миром
три большие злые птицы.
Знать, судьба у нас такая –
параллельные пути.

***

А когда наступит лето,
мы с тобою сядем в лодку
и, смеясь от наслажденья,
по теченью будем плыть,
и по радиоприёмнику
погоды слушать сводку,
и на полную катушку
этот летний мир любить.

Друг на друга мы наденем
из кувшинок ожерелья,
в тёплых заводях купаться
будем только нагишом.
И потом, когда устанем
от купанья и безделья,
под густой пахучей елью
мы себе построим дом.

А когда наступит старость,
мы на креслица присядем
и, кряхтя от напряженья,
будем тихо говорить.
И, надеюсь, что уж вместе
со склерозом злобным сладим,
чтобы помнить, что должны мы
этот вечный мир любить.

***

Промозглый вечер бесконечно длится,
ползёт автобус, полон суетой.
Мне так хотелось написать, что мчится,
но он ползёт, а я хочу домой.

Я так устал заботиться о хлебе
и грех сомнений врачевать трудом.
Всё чаще мысли о высоком небе,
но, впрочем, хватит, вот уже и дом.

Вхожу, снимаю тяжкие ботинки,
ура-ура, вернулся я домой.
Мне знойных дам рисуются картинки,
хоть и не летний – это всё же зной.

Сижу, глотаю терпкий чай имбирный,
волной по телу катится тепло.
Промозглый вечер, но куда мирный,
и снегом нас ещё не занесло.

легко, как очередной эскиз!

– Доченька, мы всего лишь хотели
обеспечить твоё будущее. Если бы мы
знали о твоей мечте... Но ты ведь ни-
чего и не рассказывала! Мы всегда тебя
поддержим, – говорил отец.

– Как же так? Я пыталась вам расска-
зать, – недоумевала Настя.

– Что ж. Может быть, дело в нас,
а может быть, просто о мечте стоит го-
ворить громче? Сегодня мы тебя услы-
шали. Рассказывай все как есть. обя-
зательно что-нибудь придумаем, – от-
ветил отец.

Субботнее утро было по-настоящему
замечательным! Настя проснулась
и, ещё не открыв глаза, находилась
в приятных воспоминаниях о вчераш-
нем вечере.

Она наконец-то рассказала правду
родителям и ещё больше убедилась
в том, как они её любят. Путь к мечте
открыт!

«Но где же ты, чудесная маленькая
гостья? Ты так мне помогла!» – прошеп-
тала Настя.

Её взгляд упал на тюльпаны, и де-
вушка стала вспоминать в подробно-
стях чудесный вчерашний случай.

Настя ныряла из одной радужной
картинки в другую и тут вдруг вспо-
нилась школа. Школа!

Как бы ни хотелось Насте подольше
побыть в волшебной сказке, всё же
от реальности никуда не денешься...
Но что говорила ей фея?

«Нарисовать! Точно! На-ри-со-вать!»

Настя вскочила с постели и схватила
лежавший на столе карандаш.

Яркие образы обидчиц, моменталь-
но возникшие в сознании Насти, очень
быстро переключались на бумагу. И вот
уже две противные «гусыни» присталь-
но смотрели на неё своими маленьки-
ми глазками и казалось, даже шипели
от злости.

– Ну нет, до лебедей им точно да-
леко! – вслух произнесла Настя и за-
смеялась.

Наряды обидчиц она нарисовала
им под стать, такие же кричащие, на-
пыщенные, дикие. Настя понимала,
что в ней говорит обида и этот рисунок
всего лишь способ от неё избавиться.

Стоп! Но ведь и «гусыни» вчера опу-
стили со своего «пьедестала» до за-
прещённого оружия унижения...

В мыслях Насти уже зрел план,
как ответить обидчицам.

– У меня ещё целых два дня! Что ж,
посмотрим, кто из нас сильнее!

Начало новой школьной недели ста-
ло для Насти как будто началом новой

жизни. Она была полна уверенности
и решимости, даже оделась сегодня
не так, как обычно. На ней была пыш-
ная синяя юбка со встречными склад-
ками, которую она сшила сама, и неж-
ная белая блузка, с вышивкой мереж-
кой и отделкой из тонкого кружева.
Свои вьющиеся волосы Настя запле-
ла в свободную косу-колосок. Повезло,
что дресс-код её школы давал опреде-
лённую свободу выбора.

Насте очень нравился романтический,
и даже немного ретро, стиль, но рань-
ше она бы никогда не позволила себе
так одеться в школу. Это было бы черес-
чур смело и даже безрассудно во «враж-
дебной лебединой стае». Но теперь всё
изменилось! Настя стала самой собой.
Она повзрослела.

Её появление в классе не могло
остаться незамеченным и было встре-
чено совершенно по-разному: одни
удивлённо смотрели и перешёптыва-
лись, другие бросались насмешками.

Настя уловила даже несколько вос-
хищённых взглядов.

Лиза и Лика – её недавние обидчицы
откровенно рассмеялись. Лика фыр-
кнула:

– Что это? Наш дизайнер не в курсе,
что сегодня в тренде?

Но Насте, вопреки всеобщему ожида-
нию, стало просто смешно. Она вдруг
увидела всё тех же крикливых гусынь,
шипящих и вытягивающих длинные
шеи при встрече с опасностью.

Прозвенел звонок. Для всех начался
обычный школьный день, а Настя тер-
пеливо ждала своего «выхода».

И вот на последнем уроке во время
классного часа началось обсуждение
конкурсных презентаций для научно-
практической конференции «Наука
и жизнь. Взгляд в будущее».

Когда все желающие выступили, На-
стя встала и заявила:

– Я тоже хотела бы представить свой
проект на конференции.

– Настя? Ты уверена? – переспроси-
ла опешившая учительница, ведь Настя
никогда не проявляла особого стремле-
ния участвовать в интеллектуальных
состязаниях.

Вместо ответа Настя вышла к доске
и вручила учительнице флешку.

Заработал проектор, вывода на экран
изображение первого слайда.

– «Инновационные материалы
и перспективы их применения в ин-
дустрии моды», – решительно объяви-
ла Настя и начала доклад. – Ни для кого
не секрет, что в современном мире
очень истощены природные ресур-
сы и потому изобретение новых, бо-
лее экологических материалов являет-

том в лаборатории попыталась «связаться» через микроскоп, но ты же помнишь, что из этого вышло? – После этих слов Фея хихикнула, но тут же продолжила: – Тогда я вспомнила про ещё один способ! Когда ты пришла домой, я нашептала тебе на ушко, чтобы ты меня нарисовала. К твоему сведению, если человек нарисует фею, которая хочет попасть ваш мир, он тем самым ей портал откроет. Ты меня нарисовала, и вот я здесь, по важному делу, между прочим!

– Ну ладно, давай выкладывай, что там у тебя за дело, – ответила Настя, смирившись наконец с ситуацией и решив посмотреть, что же дальше будет.

Фея быстренько изложила суть дела:

– Мне очень нужно самое красивое платье и непременно к завтрашнему дню! Бал у нас будет в Ботаническом саду, а на нём принц эльфов невесту себе выбирает. Принц мне очень нравится. Понимаешь, к чему я?

– Всё понятно, – ответила Настя, веселясь и про себя удивляясь целеустремлённости фантастической гостьи.

– Я много раз за тобой в саду наблюдала. Видела, как ты свои картинки рисуешь. Я уверена, ты можешь сотворить платье, достойное королевы! Для меня, – очаровательно улыбнувшись, закончила фея свой рассказ.

– Ну и дела! – рассмеялась Настя. – Дизайнер для феи, значит. А что, красиво звучит! Мне нравится!

И Настя принялась за работу.

«Допустим, я уже с ума схожу от непосильной учёбы, но надо же получить от этого процесса хоть какое-то удовольствие!» – решила она.

Настя нарисовала эскиз и взяла лепестки одного из своих тюльпанов в качестве ткани для платья. Пока она работала, они с феей непринуждённо болтали. Когда речь зашла о школе, фея сказала:

– Я всё видела и прекрасно понимаю твои чувства! Знаешь что? Я бы на твоём месте их нарисовала. Подобрала бы им платья, которых они по-настоящему достойны! – на этих словах фея заговорщически подмигнула своему дизайнеру.

Настя немного приободрилась и даже поведала о заветной мечте и о том, как ей хочется рассказать родителям о своих тайных надеждах.

Когда работа была завершена, и фея, и Настя сияли от восторга! По задумке дизайнера и модельера платье сохранило естественную форму цветка и лишь в районе воротничка имело эффектную сборку, а на талии было стянуто тонкой атласной ленточкой. Милые ру-

кавчики из фатина дополняли нежный и воздушный образ.

– Спасибо! Спасибо! Это самое прекрасное платье из тех, что я видела! – ликовала Фея, хлопая в ладоши. – Настя, ты самый лучший дизайнер в мире! Никогда это не забывай, слышишь? ...

– ...Настя? Ты слышишь меня? Настя! – Почему-то голос феи стал настойчиво требовательным и очень походил на голос мамы. – Настя! Настя! Просыпайся! Скоро гости придут.

Настя открыла глаза и увидела перед собой озабоченное лицо мамы.

– Доченька, с тобой всё хорошо? Ты уснула прямо за столом...

– Всё хорошо, мам, я просто устала, – ответила Настя. – Ты иди, а я скоро...

Мама ушла, а Настя посмотрела на стол. Он весь был усыпан лепестками тюльпанов. Под ними лежал рисунок маленькой феи и эскиз её платья... Сама же Фея бесследно исчезла...

Потом был такой же унылый, как обычно, праздничный вечер. Родители, бабушка их коллеги из института и «идеальная», на взгляд родителей, но очень скучная, по мнению Насти, подружка из соседнего подъезда. Который год одно и то же.

«Нет, всё же этот день рождения особенный!» – встрепелась Настя и погрузилась в приятные воспоминания о случившемся с ней сегодня чуде. Её переполняло ощущение нежданного невероятного счастья!

И тут в размышления ворвался чей-то праздничный тост:

– За будущего академика Анастасию Гаврилову! Ура!

Сидящие за столом улыбались и аплодировали. Бабушка, кажется, даже промокнула платочком слезу умиления, глядя на внучку.

И тут Настя поняла: «Всё! Сейчас или никогда!»

Она вскочила из-за стола и выпалила: – Нет! Я никогда не буду академиком!

Возникла неловкая пауза. Гости и родственники недоумённо смотрели на Настю, как будто впервые её увидели.

Отец, самый сдержанный из всех, сказал:

– Хорошо, поговорим об этом позже...

В тот же вечер самого странного, самого сложного и удивительного дня состоялся важный разговор между родителями и Настей. Не выразить словами, как же она была поражена реакцией родителей. Оказывается, все трудности она нарисовала в своей голове так же

ДЕБЮТ

Наталья Мануйлова

Дизайнер для феи

– Сегодня мне четырнадцать... – сказала вслух Настя, просыпаясь в своей уютной тёплой постели, в одной из лучших квартир Академгородка Новосибирска.

На столе стояла ваза с тюльпанами. Ах, как она их любила! Несмотря на то, что это был традиционный праздничный «сюрприз» от родителей, Настя не переставала восхищаться изящной красотой нежных цветков.

Она накинула уютный халатик и, быстренько умывшись, вышла к завтраку.

– Кто это тут у нас? Неужели именинница? А мы как раз уже заждались! – засюсюкал отец, видимо, считая, что обращение с дочкой, как с маленьким ребёнком, выглядит забавно.

Насте часто хотелось вспылить или сказать какую-то колкость в такие моменты, но она так любила своих родителей, что почти всегда сдерживалась.

– Да, да! Это я, пап! – заученно-мило улыбаясь и подставляя щёку для папиного поцелуя, отозвалась Настя.

– Какая ты у нас взрослая стала! Красавица! Дай-ка я тебя обниму! – мама поддержала отца в его приподнятом настроении и, приглашая в объятия дочь, не преминула добавить ежедневную инструкцию: – Дорогая, после школы не задерживайся, у тебя ведь ещё уроки и репетитор. Ах да, праздничный ужин в семь!

Настя привычно проводила родителей на работу и стала собираться на занятия.

«Уже четырнадцать! Я-то понимаю, кем хочу стать, но родители... Кажется, они всё давно решили за меня».

Настя грустно вздохнула, но потом её взгляд упал на тюльпаны. Она не удержалась и понюхала цветы, закрыв от наслаждения глаза. И вновь вернулась к своим мыслям, не забывая при этом собираться в школу.

Тюльпаны, украсившие комнату Насти, были редкого сорта. Их вывел несколько лет назад Настин дедушка, специально для любимой внучки. Настя его очень любила, и в её памяти вновь во всех красках всплыл тот день, когда в подарок от деда она получила огромный букет сказочных тюльпанов.

Дедушка... Настя была внучкой выдающегося учёного-селекционера академика Гаврилова, а кроме того, единственным ребёнком в семье.

Эти два факта хоть и давали определённые преимущества, но вместе с тем добавляли массу проблем, начиная от серьёзных ожиданий родственников по отношению к Насте, заканчивая сложностями в школе.

Дедушка умер, когда Насте было восемь лет, но учителя до сих пор любили напоминать при случае, что в их классе учится внучка блестящего учёного.

Имя Настиной бабушки тоже было многим известно. Бабуля в свои семьдесят четыре всё ещё читала лекции на факультете естественных наук НГУ и заведовала одной из лабораторий.

Настин папа пошёл по стопам матери и тоже преподавал, с той лишь разницей, что больше был влюблён в физику, чем в химию. А по маминной линии все были сплошь потомственными медиками, мама работала в клинике Мешалкина в отделении сосудистой хирургии.

В Академгородке сложно было найти хоть одного интеллигентного человека, который не знал бы фамилию Гавриловых!

В общем, для Насти выбор оказался не богат: или в медики, или в учёные. Родственники даже любили поспорить о том, какую же из двух «дорог» выберет Настя. Они не знали, что втайне де-вушка мечтала совсем о другом!

Мечте оставалось так мало места в семейном распорядке дня. Родители «жили на работе», а Настя старалась изо всех сил оправдывать родительские ожидания и очень много занималась. Но всё же. Всё же мечта сама пробивалась себе дорогу – нет-нет да и прорывалась сквозь пелену обыденности светлым солнечным зайчиком.

Настя с детства любила рисовать, а с той поры, как впервые сшила свою первую юбку на уроке технологии, эти два увлечения слились в одно. Так и родилась большая Настина мечта – стать известным дизайнером одежды!

«Но как же, как мне рассказать об этом родителям? Они видят меня доктором наук или, в крайнем случае, преподавателем». – Девушку терзали сомнения.

Она боялась разочаровать близких. Настя помнила, когда родители заметили её увлечение рисованием, то посчитали это занятие всего лишь замечательным подспорьем в изучении биологии. Девушка попыталась объяснить, что это не так, но вышло несмело, её не услышали. Поэтому пару лет назад у Насти появилось своё тайное место – ботанический сад в городке.

Конечно, сложно было назвать его тайным, ведь в саду любили гулять почти все жители Научного городка.

Тайное оно было потому, что Настя рисовала здесь свои эскизы одежды. Вдохновившись красотой вокруг, девушка даже придумала особую коллекцию, которую про себя назвала «цветочной».

Все эскизы с описанием Настя собрала в тетради, которая служила ещё и личным дневником. Этой тетрадке Настя доверяла все свои радости и горести. Родителям же говорила, что изучает редкие виды растений в саду и ведёт дневник наблюдений. Они несказанно радовались такому рвению, а Настя всё дальше уходила от мечты по чужой проторенной дороге.

Так, погружённая в свои мысли, Настя незаметно для себя пришла в школу... В ту самую школу, которую выбрали для неё родители, элитную 130-ю. В этот ненавистный химико-биологический класс!

Все ученики здесь были одинаково перспективные, одинаково интеллектуальные, и казалось, даже одевались одинаково. А Насте хотелось выделиться, оторваться от этой элитной стаи «высокоинтеллектуальных лебедей». Пусть она будет гадким утёнком, только бы иметь свой собственный цвет и голос. И пусть это будет НЕ цвет «серого вещества»!

Надо сказать, это у неё получилось. Одноклассники Настю сразу невзлюбили, ведь они «лезли из кожи вон», чтобы их заметили и оценили. А Настю учителя и так всячески поощряли и завышали ей оценки, хотя она не особенно блистала на фоне некоторых «юных гениев». И всё это из-за прославленного дедушки и широких связей Настинной семьи в научных кругах.

С первого дня одноклассники стали за глаза называть Настю «принцессой» и избегали близкого общения.

Настя росла, и с каждым годом её положение усугублялось. В итоге класс разделился на два лагеря: тех, кто смирился с её привилегиями и просто терпел Настино присутствие, и тех, кто ей завидовал и даже ненавидел. В конце концов Настя привыкла отвечать на колкости – юмором, а на холодность – взаимной холодностью, которую одноклассники принимали за высокомерие.

Настя приготовилась к уроку химии и, как обычно, вышла в коридор. Она не любила находиться в классе на переменах, ведь здесь постоянно собиралось заседание кружка сплетниц из числа самых «перспективных» учениц, они к тому же принадлежали к лагерю «открытых завистников» и старались уколоть Настю побольше при каждом удобном случае.

Когда она вернулась, то увидела – о, ужас! – две главные сплетницы рассматривали ту самую, её заветную тетрадь! При этом противно хихикали.

Она стойко переносила разные нападки со стороны одноклассников, но это... Нет, это уж слишком!

«Кажется, я случайно взяла её вместо тетради по химии!» – осенила девушку догадка.

– А-а-а... «Принцесса» вернулась! – заорали противные «гусыни» как ни в чём не бывало.

– Отдайте сейчас же! Это моё! – выкрикнула Настя.

– Добро пожаловать, Ваше Высочество! А мы тут вашу будущую лекцию рассматриваем, между прочим. Может быть, устройте нам показ в честь дня рождения? – упивалась своим превосходством «главная гусыня». – Мы с подружкой даже кое-что для себя присмотрели. Вот, например, «ромашковое обаяние!»

Другая «гусыня» перебила подружку, едва сдерживая смех, и произнесла с пафосом:

– А по-моему, «фиалковое облако» гораздо интереснее!

Учительница по какой-то причине задерживалась, и сплетницы, воспользовавшись этим, продолжи-

ли травлю. Остальные наблюдали и не вмешивались.

«Главная гусыня» полным притворного сочувствия голосом прочла:

– «Милый мой дневничок, теперь ты знаешь мою тайну и понимаешь меня. Я должна всё рассказать родителям!» – Главная сплетница Лика многозначительно оглядела всех присутствующих, наслаждаясь, что сегодня она в центре внимания. – Оказывается, наши бедные мамочка с папочкой не знают о Настенькиных планах? Они всё ещё мечтают видеть Настеньку академиком, у неё ведь такие блестящие гены!

Настя стояла и смотрела на «главную гусыню» с видом затравленного зверька. Это была не просто тетрадь с эскизами... Это были странички её души, в которую она никому не позволяла заглядывать.

Предательские слезинки покатались по её щекам. Она – точно «гадкий утёнок в чужой враждебной стае»... Это было больно. Хотелось кричать, топтать ногами. Хотелось повернуть время вспять. Отмотать до того момента, когда она пришла в этот ненавистный класс.

Настя подскочила к «противной гусыне» и хотела вырвать дневник из рук. Но та быстро поняла, в чём дело, и торжествуя глядя Насте прямо в глаза, поврала его пополам, бросив небрежно:

– Упс... Извини, принцесса, сегодня не твой день...

Тут Настя не выдержала и схватила за волосы эту наглую, эту жестокую, эту...

Раздался девчачий визг. Началась настоящая потасовка.

В этот момент в класс вошла учительница. Она никак не ожидала увидеть такое.

Справедливости ради, все получили по заслугам. В итоге вместо поздравительных речей Настя много чего наслушалась о себе: и про «тихий омут», и про «испорченные гены».

«Хорошо хоть к директору не поехали», – думала Настя.

Это был худший день рождения!

В подавленном настроении Настя поплелась к репетитору по молекулярной биологии. В лаборатории бабушки ей ещё предстояло изучение растительного мира с помощью микроскопа.

Приготовив материал для изучения, Настя прильнула к окуляру микроскопа. Но «с той стороны» на девушку с нескрываемым любопытством посмотрел чей-то глаз!

Настя испуганно вскрикнула.

– Что случилось? – озабоченно спросила Марьяна Петровна.

– Палец прищемила... – брякнула Настя первое, что пришло на ум. – Возможно я домой пойду, Марьяна Петровна? У меня день рождения сегодня.

– Иди. Отдохни хорошенько, – ответила репетитор.

Придя домой, Настя достала две несчастные половинки пострадавшего дневника и, пыхтя от обиды, принялась склеивать «заветного друга».

Слёзы застилали глаза. Не выдержав, Настя ринулась к кровати, уткнулась в подушку и заревела, дав волю подавленным чувствам. Сейчас её никто не видел!

Когда поток слёз иссяк, Настя поняла, что подушку надо срочно вынести на балкон просушиться. Мокрая, хоть выжимай! Так она и сделала, а когда вернулась, с удивлением обнаружила, что на душе стало легко.

Настя взяла карандаши, бумагу и решила немного порисовать. И тут её художественная фантазия преподнесла неожиданный сюрприз. На листе возникло милое прелестное создание с крылышками. Этакая фея с юбочкой из ромашковых лепестков и крыльями бабочки.

Вдруг Фея «отклеилась от бумаги» и проворно вскочила на руку художнице.

Настя непроизвольно вскрикнула и встряхнула руку.

«Да что же это такое! Опять!» – замесались испуганные мысли в её голове.

Но Фея оказалась достаточно ловкой, успела зацепиться и повиснуть на указательном пальце Настинной руки.

– Я же упаду! Перестань сейчас же! – потребовала Фея.

– Ты кто? – широко раскрыв от удивления глаза, спросила Настя.

– Я цветочная Фея из Ботанического сада, – ответило крылатое маленькое существо как ни в чём не бывало.

– Кто-о-о?! Из какого сада?! – ошарашено спросила Настя.

– Цветочная фея из Ботанического сада Научного городка города Новосибирска, – терпеливо объяснила Фея, медленно и с расстановкой выговаривая каждое слово.

– Ничего не понимаю! Наверное, перезанималась и это у меня от переутомления крыша поехала, – растерянно пробормотала Настя.

– Так, ты вот что. Не наговаривай на себя. Всё у тебя на месте! Помнишь, ты тюльпаны перед школой нюхала и один цветок в руки брала? Так вот я на том тюльпане сидела, а потом запрыгнула к тебе в карман. Фея для человеческого глаза совсем не видны, поэтому я с тобой побывала в школе, а по-